

Эпиграф

Мое знакомство с оперативным бытом центрального аппарата КГБ СССР, куда я поступил на службу в апреле 1987 г., началось обескураживающим образом. Наскоро организовав легкую трапезу по случаю прибытия на службу, я через полчаса выслушал от умудренного опытом ветерана следующую сентенцию:

- Знаешь, когда ты станешь настоящим опером? Аналитический ум, работа с открытыми источниками, агентурный аппарат - это все, конечно, нужно. Но когда ты на глаз оценишь толщину кипы бумаг и безошибочно отрежешь бечевку нужной длины для того, чтобы сшить дело за один раз, - считай, что как оперативник ты состоялся.

В гражданских конторах уже готовили документы на первых персональных компьютерах, на Байконуре готовили старт "Бурана". А тут упорно не хотела уходить в прошлое эпоха фиолетовых чернил, трехгранных игл для сшивки дел и запаса двухкопеечных монет для таксофона в кармане. Эпоха определяла мышление. Дело шили.

Глава

I

Как начиналось дело "ЮКОСа"

Все, кто имел отношение к делу Алексея Пичугина, судили о нем, используя либо скудные сведения, либо прямую дезинформацию, которые через пропагандистскую машину государственного телевидения сочли возможным ввести в оборот общественной дискуссии Генеральная прокуратура и "курирующие" дело "ЮКОСа" ответственные товарищи из администрации президента РФ. Случалось, журналисты механически "осваивали" канву процесса по материалам коллег, а фактически - по материалам обвинения.

Дикие несообразности доказательной базы, как шило торчащие из мешка искусственной секретности дела, по большей части не вызвали особых возражений. Даже печатная пресса весьма вяло комментировала откровенную фальсификацию доказательств или разгон первой коллегии присяжных. А ведь она, в отличие от электронной, до сих пор имеет немалый люфт в свободе суждений по запрещенным на ТВ темам.

Конечно, можно было бы упрекнуть и боязливых редакторов, и нелюбопытных репортеров. Можно, если бы я писал эти строки в стране с правосудием, стоящим на обеих ногах. Когда же в стране нет независимого суда, планка допустимого очень быстро опускается до черты, разделяющей политическую целесообразность и преступление власти.

Начавшись как важнейший элемент акции устрашения, дело Пичугина, в комплексе с остальными "активными мероприятиями" по "ЮКОСу", было призвано стать первым сокрушительным ударом в блицкриге по захвату концерна и устранению его владельцев.

Чтобы понять, зачем понадобилось дело Пичугина и вообще дело "ЮКОСа", необходимо вернуться в начало 2003 года, когда даже самые смелые газеты и продвинутые политтехнологи России не предполагали зрешего пока только в мозгах президента и его соратников политического и экономического катаклизма.

В истоках этих дел лежало, конечно же, не похищение четы провинциальных тамбовских бизнесменов. И уж тем более не хулиганская пиротехника у лифта родителей неуживчивой сотрудницы "ЮКОСа" (этот эпизод обвинения нам тоже предстоит разобрать). Ради расследования убийства, пусть самого зверского, Генеральная прокуратура и поддерживающие следствие спецслужбы никогда не пошли бы на те преступления, в которые они кинулись очертя голову 27 мая 2003 года, после первого допроса Пичугина. Нет, на то нужно было высочайшее указание.

Русские цари, в отличие от многих европейских, не умели сдерживать жажду мести перед лицом закона. Даже законница

Екатерина II, как свидетельствует история, из ревности приказала московскому полицмейстеру публично изнасиловать счастливую соперницу в ее собственном доме. Старый служака поохал, но честно исполнил приказ. Этот собрат по духу Владимира Устинова насиловал дворянку по тем же соображениям, по которым действовала Генпрокуратура России поздней весной 2003 года.

О том, как начиналось судебное преследование руководителей "ЮКОСа" и почему в роли первой жертвы оказался Алексей Пичугин, рассказывает **Леонид НЕВЗЛИН**:

"Изначально они считали ключевыми игроками в группе Ходорковского, Лебедева и меня. И нам с самого начала было понятно, что на Платона они будут "вешать" "Апатит", потому что больше просто нечего - к моменту начала атаки Платон никакого отношения к "ЮКОСу" не имел. На меня как заместителя Ходорковского, курирующего в том числе и службу безопасности, они должны были "повесить" какие-нибудь уголовные дела, связанные с криминалом (что в дальнейшем и сделали), а МБХ - атаковать "по совокупности".

Как известно, к Платону они нашли подход через его подписи на документах при покупке "Апатита". Платон действительно подписывал документы, когда мы выиграли "Апатит" на аукционе. Но мы были по "Апатиту" абсолютно спокойны - мы участвовали в аукционе на условиях, объявленных государством. Государство само искало покупателя для умирающего "Апатита", и мы предложили фактически свои услуги по спасению предприятия. Мы вышли на аукцион, купили "Апатит", и теперь это - современное и рентабельное производство.

Особая роль "Апатита" подтверждалась и попытками наших друзей любыми способами его захватить. Осенью 2002 года один из таких "друзей" - Вячеслав Кантор, купавший продукцию комбината, - через новгородского губернатора Прусака (его поддержали еще

трое губернаторов, включая смоленского губернатора - генерала ФСБ) написал письмо Путину о том, что ему не нравятся цены на продукцию "Апатита" и потому он, ну в смысле формально Прусак, требует пересмотреть итоги приватизации "Апатита". Это было не первое подобное письмо, но к этому времени чекисты начали цепляться за подобное "творчество с мест", чтобы иметь рычаги давления на бизнес.

Впрочем, даже по состоянию на весну 2003 года всем было понятно, что по "Апатиту" тема пересмотра итогов приватизации была неотыгрываемой. С нами, то есть с группой "Менатеп", начали судиться сразу после покупки нами "Апатита". Мы все выиграли в судах, и в конце концов, чтобы сохранить лицо, РФФИ подписал с нами мировое соглашение. После чего были сняты даже формальные претензии.

Более того, в начале апреля 2003 года не могу сказать, что уважаемый мной, но тем не менее генеральный прокурор Устинов ответил на поручение Путина разобраться с письмом Прусака по "Апатиту". Так вот в апреле 2003 года Устинов написал Путину, что "доводы Прусака объективного подтверждения не нашли". Тогда даже Устинов не знал, что еще в марте 2003 года группа чиновников в ближайшем окружении Путина начала готовить атаку на "ЮКОС".

Хронологически и объективно начало атаки стало продолжением встречи Путина с крупными предпринимателями в феврале 2003 года. Тогда РСПП одной из тем на встречу с президентом заявил тему коррупции. Среди членов РСПП обсуждать эту тему с Путиным желающих не нашлось, и инициативу, как всегда в таких ситуациях бывает, взял на себя Ходорковский.

В это время в политтусовке активно обсуждалась тема покупки небольшой нефтяной компании "Северная нефть" государственной компанией "Роснефть". Все, кто хоть что-то понимал в нефтянке, называли красную цену "Северной нефти" на уровне 300 млн долларов. Тем не менее "Роснефть" официально покупала ее за 600 млн долларов, причем покупала даже без формального одобрения своего акционера и Совета директоров. Ходили слухи, и, насколько

мне известно, небезосновательные, что таким образом "Роснефть" выводила со своего баланса денежные средства - деньги формально платятся на офшоры владельцев "Северной нефти", а потом половина их уходит в неизвестном направлении. Понятно, что "Роснефть" выводила деньги в интересах чиновников ближайшего окружения Путина. Часть денег потом пошла в черную кассу предвыборной кампании самого Путина, когда он в 2004 году "переизбирался" президентом. Часть была банально "распилена".

Так вот на февральской встрече Ходорковский заявил, что чиновники из окружения Путина (Сечин уже тогда курировал "Роснефть" от Кремля) не должны подавать пример своими сомнительными поступками, и рассказал Путину ситуацию по "Северной нефти", которую тот знал и сам, но вряд ли хотел обсуждать под телекамеры и в таком составе.

Путину это замечание Ходорковского сильно задело, и он сказал, что герои этой сделки, то есть президент "Роснефти" Богданчиков и замглавы администрации президента Сечин, должны что-то ответить на слова Ходорковского. Как они ответили - всем известно.

Богданчиков, конечно, мало какое к этому отношение имеет. Даже среди чекистов его уровень позволяет выступать ему только "кошельком".

Группа чиновников во главе с Сечиным и Виктором Ивановым по поручению Путина начала подготовку "ответа". Мне доподлинно не известно, уточнял ли Путин потом, как именно нужно ответить Ходорковскому. Но дальнейшие события показали, что он если и не советовал лично, то по крайней мере был в курсе происходящего.

В начале марта было начато формирование так называемой антиюкосовской следственной бригады. В Москву выдергивались провинциальные следователи, и перед ними ставилась задача собрать как можно больше материалов, конечной целью чего были

уголовные дела для преследования руководства "ЮКОСа". Использование провинциальных следователей объяснялось очень просто - московские следователи за такие "отмороженные" поручения просто отказывались браться.

Мы узнали о создании этой следственной группы где-то в середине марта, но не восприняли информацию серьезно - уж больно безумно выглядела идея. Мы были уверены, что таким инициативам, даже если они исходят из ближайшего путинского окружения, будет дан красный свет.

Был и еще один повод для спокойствия. К тому моменту у нас существовала договоренность лично с Путиным и главой его администрации Александром Волошиным о продаже части акций компании "ЮкосСибнефть" одной из американских нефтяных компаний.

События тем временем развивались следующим образом.

Как я говорил, в начале апреля генпрокурор Устинов написал Путину, что "Апатит" чист. А уже где-то в середине апреля начались регулярные заседания созданной в марте антиюкосовской следственной группы. В Генеральной прокуратуре ответственным за дело "ЮКОСа" был назначен замгенпрокурора Юрий Бирюков, а в ФСБ - начальник управления Департамента экономической безопасности Юрий Заостровцев.

Экономические претензии к группе заключались только в так называемой незаконной приватизации "Апатита", даже несмотря на то, что Устинов уже доложил Путину, что "Апатит" чист. Но ничего другого у них просто не было. "ЮКОС" к тому моменту был настолько стерил и прозрачен, что даже они понимали, что ни одна налоговая проверка ничего серьезного там не найдет. А "отмораживаться", как они это сделали, когда посадили Ходорковского и как делали в дальнейшем, весной 2003 года они еще боялись.

И тогда они решили в первую очередь атаковать нас по "убойным" делам, через которые нас можно было бы дискредитировать и в России, и на Западе - в том смысле, что мы использовали любые средства ради прибыли, что даже людей убивали. Тогда это казалось бредом. Сегодня это тоже кажется бредом, но они этим уже не брезгают - имея отстроенную систему судов, они делают все, что хотят.

Следственная группа начала искать любые уголовные дела, в которых так или иначе присутствует "ЮКОС". В результате они нашли несколько древних уголовных дел, в которых сотрудники "ЮКОСа" или банка "Менатеп" оказались пострадавшими. В частности, они подняли дело о том, что в 1998 году был избит один из сотрудников "Роспрома" Виктор Колесов, вытащили дело об исчезновении бывшего начальника филиала банка "Менатеп" в Тамбове Сергея Горина, и при этом оказалось, что крестным у сына Горина является сотрудник службы безопасности "ЮКОСа" Алексей Пичугин. Нашли дело о взрыве на лестничной клетке на окраине Москвы, где жили родители бывшей сотрудницы "Менатепа" Ольги Костиной. Естественно, подняли дело об убийстве мэра Нефтеюганска и еще ряд дел.

Все дела объединяло одно - они были "висяками". Только по делу о взрыве у родителей Костиной была осуждена банда из Тамбова, но причин и заказчиков там тоже не было.

Целью всех этих дел было найти какой-то выход на меня. Поскольку моей подписи ни на каких документах у них не было и быть не могло, они решили взять кого-то из сотрудников в заложники и получить на меня показания. Что в июне 2003 года они и сделали.

Оказалось, что бывшая сотрудница банка "Менатеп" Ольга Костина, та самая, у которой что-то взорвали, является советником главы ФСБ. И в марте 2003 года она заявляет прокуратуре, что видела меня вместе с сотрудником службы безопасности "ЮКОСа" Алексеем Пичугиным в ресторане в сентябре 2002 года. Потом, уже на суде против Пичугина, подружка Костиной заявила, что видела Пичугина еще и у меня в рабочем кабинете.

Для прокуратуры этого оказывается вполне достаточно, чтобы выстроить схему: все три преступления - против родителей самой Костиной, избиение Колесова и исчезновение Гориных в Тамбове - подготовлены Пичугиным по моему указанию. Более того, они откуда-то взяли, что Пичугин еще и мой родственник.

Когда мы начали сопоставлять все эти безумные показания, стало понятно, что они перепутали Пичугина с моим сыном - Алексеем Арбениным, который внешне действительно похож на Пичугина. Сын бывал и у меня в кабинете, с ним меня могли видеть в ресторане или где-то еще.

Но прокуратура и ФСБ решили (точнее, им так было выгодно решить), что Пичугин исполняет мои поручения и именно его нужно брать в заложники, чтобы получить показания на меня.

Сказать, что это бред, - ничего не сказать. Я Пичугина вообще не знал. То есть я, конечно, знал, что есть такой начальник отдела в службе безопасности, но лично с ним знаком не был, не говоря уже про то, что в рестораны с ним не ходил.

Тем не менее в июне 2003 года Пичугина арестовали.

Уже когда Пичугин был арестован и меня вызвали на допрос в Генеральную прокуратуру, я пытался им объяснить, что они ошиблись с Пичугиным, что он никакого отношения не имеет ко мне и ни в чем не виновен. Но они признать это уже не могли, машина не могла остановиться.

Эта чудовищная череда передергиваний и прокурорских домыслов, основанная на бредовых рассуждениях всяких там советников от ФСБ, стоила свободы ни в чем не повинному человеку. Пичугин, отдав 15 лет своей жизни этой системе и добившись там определенных высот, пострадал от этой же системы ни за что. Получил 20 лет тюрьмы строгого режима за то, что его с кем-то перепутали.

Я думаю, кто-то уцепился за версию, что я много общался с Пичугиным, и они посчитали, что это позволит им получить от

Алексея необходимые показания на меня. Кроме того, они, видимо, решили, что смогут легко договориться с Пичугиным как с бывшим коллегой - до перехода в "ЮКОС" Алексей долгое время работал в структурах госбезопасности. Но они ошиблись.

Как я уже говорил, Пичугин не мог им ничего рассказать, потому что не общался со мной. Но важнее другое: Пичугин во всей этой беспредельной ситуации показал себя настоящим мужиком. Даже несмотря на все угрозы и применение против него психотропных средств, он отказался оговаривать и себя, и руководство "ЮКОСа", на которое ФСБ хотела получить показания, - то есть Ходорковского, меня, начальника службы безопасности Шестопалова".

Донос

Да что там пресса или доморощенные политологи, если даже ближайшие к престолу чиновники не предполагали такого поворота в ситуации с "ЮКОСом"!

Уместно подробнее рассказать историю знаменитого отчета Путину по делу о продаже ОАО "Апатит". Его сделал наш генеральный прокурор, после того как осенью 2002 года новгородский губернатор Прусак пожаловался на незаконную, по его мнению, продажу структурам "МЕНАТЕПа" этого крупнейшего комбината. И хотя конфликт был урегулирован в арбитраже, жалобщик посчитал это неправильным решением. В дальнейшем этот эпизод станет первым в ряду обвинений Ходорковского и Лебедева.

Итак, в середине декабря 2002 года Путин дал Устинову персональное задание № Пр-2178 - проверить обстоятельства продажи вдоль и поперек. В апреле 2003 года, уже в разгар конфликта Ходорковского с Путиным и его окружением, Владимир Васильевич шлет президенту письмо № 7/3-1833-2002 о результатах прокурорской проверки. То, что он там написал, прямо опровергает все, что он скажет об этом деле несколько месяцев спустя.

"Принимая во внимание то, что в компетенцию Генеральной прокуратуры не входит определение рыночной стоимости

пакета акций ОАО "Апатит", <...> Председателю Правительства РФ Касьянову М. М. направлено письмо с предложением заинтересованным министерствам и ведомствам провести экономический анализ целесообразности сделки <...>. Аналогичные предложения были направлены в Минфин, Минимущество, Минэкономразвития России <...>. По поручению Председателя Правительства РФФИ совместно с Минфином, МПР, Минпромнауки и МЧС России подготовил письмо, в котором настаивал на экономической целесообразности обеспечения интересов государства при заключении мирового соглашения, а также обоснованности утвержденной Арбитражным судом суммы ущерба. Поддерживая позицию РФФИ, Минфин обоснованно указал, что споры о достоверности величины рыночной стоимости подлежат рассмотрению судом на основании закона "Об оценочной деятельности".

Таким образом, ответственные за госимущество товарищи и налоговики, отраслевики и финансисты с промышленниками - все подтверждали правоту Ходорковского, пока не почуяли царского гнева. Допустим, Ходорковский купил руководство этих важнейших ведомств. Может быть, он, по азиатской традиции, набил долларами рот каждому чиновнику от начальника отдела и выше. Но где оказались уже осенью того же года эти ведомства, которые "подготовили письма" и "обоснованно указали", вместе со своими судами и законом "Об оценочной деятельности"?

Если покупка "Апатита" - преступление, то из отчета Устинова следует, что в соучастниках - половина русского чиновного люда! Документ за личной подписью Устинова, будущего обвинителя "МЕНАТЕПа", легко найти в открытом доступе: "О результатах проведенной работы по урегулированию ситуации с возвратом пакета акций ОАО "Апатит" РФФИ проинформировал Председателя Правительства Касьянова М. М., который с принятым решением согласился".

Это потом Устинов станет "компетентным" в любых экономических материях, между делом визируя документы с арифметическими ошибками, похожие на похмельный бред заочника-экономиста. А тогда он прямо, как мы видим, пишет президенту: я-то сам ни ухом, ни рылом, но знающие товарищи говорят, что все так, как надо... То есть Касьянов и полдюжины министров своим авторитетом подтвердили правоту Ходорковского. Они тоже преступники или их подставили купленные чиновники? Тогда почему не проведено расследование? И кто посмел обмануть Путина?

Похоже, все проще. В апреле 2003 года чиновники написали своему президенту правду. Через месяц Путин дал им понять, что за такую правду можно и на нары... Все всё поняли, больше таких документов не было. Это пока еще норма в нашей стране, где чиновник решает все и не отвечает ни за что.

Любопытно, что когда ответственные товарищи из ЦК решили, что пришла пора расстрелять моего деда, они столкнулись с похожей проблемой. На дворе стоял лишь 1935 год, и многие рядовые члены партии еще не знали, что за честное голосование их сгноят в лагерях. Специальная представительница лично товарища Сталина три раза подряд заставляла их переголосовать расстрельную резолюцию, споткнувшись о процедуру тайного голосования. Только на третий раз, когда всех заставили голосовать поименно, люди дрогнули, и решение набрало большинство голосов. Перед этим дама объяснила коммунистам, чего отныне может стоить собственное мнение. И через два года никто уже не рисковал жизнью, выбирая между совестью и мнением политбюро ЦК ВКП(б). Есть некоторое сходство с нашим случаем, не правда ли?

Важная деталь: в письме президенту Устинов между прочим прямо указывает на обвинителя "МЕНАТЕПа" и раскрывает его интерес в этом деле. Это близкое написавшему жалобу Прусаку ОАО "Акрон", торговавшее апатитом. Новый хозяин навел порядок в бизнесе "Апатита", пребывавшего в экономической коме, пересмотрел невыгодные договоры. Устинов свидетельствует: *"В конце 2002 г. заключены договоры поставки в 2003 г. апатитового концентрата с ОАО "Акрон". Однако впоследствии ОАО "Акрон"*

стало отказываться от продукции. ОАО "Апатит" было предложено заключить договор на поставку концентрата сроком на 10 лет по фиксированной цене, которая, по данным "Апатита", ему экономически не выгодна".

Потеряв с приходом Ходорковского почти дармовой бизнес, шантажисты из "Акрона" пишут через Прусака донос самому Путину. Устинов комментирует это так: *"При этом ОАО "Акрон" предоставленным правом обращения в арбитражный суд с заявлением о понуждении к совершению сделки, либо в МАП, не воспользовалось".* Чиновным языком, но недвусмысленно генеральный прокурор дает понять, кто прав, и по сути называет кляузника кляузником.

Через совсем небольшой срок доводы прямо заинтересованных в деле конкурентов Ходорковского будут признаны следствием истиной. А у следователей Генеральной прокуратуры в эпизоде с "Апатитом" появились "консультанты" - те самые руководители "Акрона", о которых Устинов писал в письме Путину. То есть люди, возведшие поклеп на менеджеров "МЕНАТЕПа", были призваны малограмотными в экономике следователями в эксперты!

Наш президент частенько рассуждает о независимости наших судов, это одна из его любимых тем. Но любой желающий может оценить его искренность, полностью прочитав процитированное здесь письмо № 7/3-1833-2002, опубликованное в приложении к этой книге.

За что президент обиделся на олигарха

Я должен извиниться перед читателем - ему пришлось продираться через дебри казенной записки. Но мне крайне важен этот эпизод, он гарантированно доказывает политическую заданность всего дела "ЮКОСа". А значит, и дела Пичугина. Анализ ситуации в России весной 2003 года, как и само это письмо генерального прокурора, однозначно свидетельствует: объективных предпосылок для изменения позиции государственных органов в отношении крупного бизнеса тогда не было. Они коренятся в субъективной

сфере - характере, интересах и масштабе личности Путина и его друзей.

Нет, они не первые пришли в цех точной механики с монтировкой в качестве инструмента. Российскую экономику лихорадит сегодня, как советскую во времена Хрущева. Тот тоже верил в простые решения, силовые методы и быстрый результат. Новые хозяева страны атаковали капиталистов, выдвигавших не понятные им идеи. Каток заказного правосудия тронулся с места. Первым под него попадет Алексей Пичугин.

В конце концов толпы экономических и политических комментаторов, аналитиков и экспертов, от оппозиционных до придворных, должны были что-то почуять? Печатная пресса России пока еще держит ухо востро. Но анализ всех материалов того периода однозначно подтверждает, что слухов или утечек о готовящейся экзекуции не было.

Путин привычно на редких встречах с бизнесом и частых с политиками обличает коррупцию и неэффективность госаппарата. Его слова мало отличаются от выступлений Ходорковского на тех же совещаниях. Достаточно почитать комментарии к встрече 19 февраля 2003 года. Это кажется странным, но из президентской песни слова не выкинешь: "Москва. 19 февраля. ИНТЕРФАКС - Председатель совета директоров "Роснефти" должен разъяснить сделку, касающуюся "Севнефти", сказал президент России Владимир **Путин** в четверг на встрече в Кремле с представителями РСПП. "Конечно, председатель совета директоров ("Роснефти") должен как-то отреагировать", - сказал В. **Путин**".

Сегодня все вспоминают то совещание, закончившееся перепалкой Ходорковского с Путиным по поводу коррупционной сделки "Роснефти". И задним числом все называют этот момент началом конфликта. Но президент-то согласился с олигархом! Об этом почему-то не вспоминают.

Тогда даже самые близкие к Кремлю политологи ничего не почуяли. Гадали все больше о будущем реформ и на чьей стороне Путин.

Западники - на кофейной гуще, почвенники - на бараньих лопатках. Никто не угадал. Даже после ареста Пичугина.

Достаточно поднять предсказания Александра Привалова в "Эксперте" или Алексея Пушкина на ТВЦ. Импульсивность, непредсказуемость президента, служебные рефлексy чекиста, перенесенные в политику, - все, что проявилось потом, не было замечено из-за слепоты политического бомонда весной 2003 года. Однако буквально через неделю после размолвки - и это единственное, что ясно из обзора прессы, - все находящиеся в орбите питерских чекистов и "Роснефти" политические комментаторы будто сорвались с цепи, указывая на политическую наглость Ходорковского. Он, мол, решил дать денег СПС и "Яблоку".

...Весной 2003 года газеты еще обсуждали перспективы роста российских акций на всяческих биржах, а следователь из Тамбова Демидов уже проводил первый пристрелочный допрос Пичугина перед запланированным, как оказалось, арестом. Во вторник, 27 мая 2003 года, с половины пятого до половины седьмого Алексей рассказывал то, что знал о пропавшем Горине. Эти два часа вогнали бывшего оперработника в недоумение: следователь задавал самые общие вопросы.

Пичугин тем не менее добросовестно изложил обстоятельства своего знакомства с Гориным - сотрудником подведомственного банка "МЕНАТЕП" в Тамбове. И как ездил на крестины третьего сына Горина, как пытался устроить его жену на работу, и как перед самым похищением обещал устроить самого Горина работать по сбыту в Ростов-на-Дону. Как узнал об исчезновении Гориных по телефону от матери Ольги. Кстати, о личной реакции Пичугина на несчастье следователь не спросил.

Не ведая за собой греха, Пичугин, вернувшись с никчемного допроса, лишь пожал плечами. А зря. Без этого допроса, по логике следствия, его арест был бы не так убедителен. А тут - пришел, рассказал лишнего, а мудрый следователь свел концы с концами: да он же преступник! Ведь арестован Пичугин был именно на основании выведенных следствием логическим путем мотивов

преступления. Обвинение решило, что ему было выгодно убийство Горина. Хотя улики никаких - ни прямых, ни косвенных!

Это и была главная тайна и проблема следствия. Для того и понадобился первый допрос, призванный придать убедительности, основательности действиям Демидова и сменившей его команды...

Глава

2

Кем был Алексей Пичугин

Не исключено, что Алексей Пичугин и сам не подозревал, какой отпор он даст несправедливому следствию. Но уж точно ни сном, ни духом его коллеги по оставленной государевой службе не ведали, с кем связались. Алексея выбрали как легкую жертву. Все дальнейшие действия следствия свидетельствуют, что оперативные сотрудники, предложившие его арестовать в интересах большой игры, не удосужились изучить его человеческие качества, биографию. Уверенность, что личность не играет никакой роли, характерна для современной российской системы принуждения, достойной наследницы советской.

Впрочем, масштаб происходящего сыграл дурную шутку даже с совестливыми людьми. Никто, в том числе и погруженные в дело Пичугина журналисты, не имеют понятия о его личности. Мы ничего не помним о нем, кроме разошедшейся по миру случайной фотографии плохого качества. Там вполоборота, как будто из далекого прошлого, смотрит на нас уставший человек. Словно 20 лет тюрьмы дали виртуальному персонажу, никогда и не жившему на земле.

Между тем внутренний мир человека, его привычки и характер имеют самое прямое отношение к следствию по делу об убийстве. Они изучались как важнейший фактор, подтверждающий или опровергающий обвинение, еще в сословных судах крепостной России. Если человек в поте и трудах вырастил троих детей, он с меньшей вероятностью посягнет на жизнь чужого ребенка, нежели бездетный. Разумеется, это слишком простое умозаключение, в

жизни так не бывает: необходимо учесть уровень образования, наследственность, условия воспитания и многое другое.

Но я и не предлагаю легких путей. Я просто намерен разобраться в этом, ведь я не судья. Это для современных российских судей внутренний мир человека, судя по тексту приговора Пичугину, не является даже предметом исследования. И действительно, не при крепостном же праве живем. Но есть свидетели, которые рассказывают о деталях жизни и характера Пичугина, которые не придумаешь задним числом.

И детали эти не стыкуются с нарисованной судьей Натальей Олихвер картиной преступления. Я говорю о судье, добросовестно переписавшей в приговор обвинительное заключение. После вынесения приговора именно она несет главную ответственность за все, что натворило следствие в деле Пичугина. За растоптанный по ходу дела закон.

"Бандитов он просто не переваривал"

Что может охарактеризовать человека лучше всего? Его письма из тюрьмы. Они - прямой источник, без позднейших интерпретаций. В камере человек оказывается совсем близко к собственной совести. В этом нет сомнений, исторических примеров масса. Сегодня у меня есть возможность цитировать. Представляю на суд читателя два фрагмента личных писем Алексея Пичугина давней подруге семьи:

"Иришка, как я пережил решение суда, писать не буду. Хочу только сказать, что это не явилось для меня неожиданностью. Я был к этому готов. Финал должен был быть таким же, как весь этот спектакль. Конечно же, горько сознавать, что в нашем "правовом" государстве творится такой беспредел и беззаконие. Не я первый, не я последний. Бог им судья. Непонятно только одно: неужели история нашего государства никого ничему не учила?"

Но это лирика. Самое главное, что все здравомыслящие люди все понимают и на эту грубую "шляпу" не ведутся. Спасибо тебе и всем родным и близким за поддержку. Она помогает мне не

падать духом и побеждать уныние. Это тяжкий грех. Ты ведь знаешь - я верующий. Пользуясь случаем, поздравляю тебя с Пасхой. Что касается меня, то я держусь. Борюсь и буду бороться до победы. Посмотрел сериал "Крах империи". Вот как людям досталось и что они пережили. И несмотря ни на что остались людьми, и еще какими".

И еще несколько странных при сегодняшних нравах строк. В дальнейшем они станут для меня отправной точкой анализа внутреннего мира осужденного Пичугина:

"Иришка, как приятно и безумно радостно от тебя услышать о том, как моя родная и единственная матушка чувствует себя, держится стойко и верит в нашу победу. Передай ей огромный привет и мою безграничную любовь сына".

На первый взгляд, эти строки отдают старомодной патетикой. Так думалось и мне. Дайте срок, не спешите!

Тут настала пора обратиться к живым свидетелям той жизни Алексея Пичугина, когда и в страшном сне не мог он предвидеть грядущих испытаний. Суд не счел необходимым изучить эти свидетельства. Хотя был обязан. Мне придется это сделать за судью. Без этого следствие неполное и картина однобокая.

Кем был в быту Алексей Пичугин, сотрудник "ЮКОСа" по части экономической безопасности (ОБХСС внутри компании - чтобы было понятнее для людей старшего возраста)? Тот человек, что, по версии следствия и суда, стал в одночасье хладнокровным, расчетливым убийцей собственного друга. Можно ли было предположить в нем способность убить друга на глазах собственного малолетнего крестника?

Мне довелось поговорить с людьми, знавшими Пичугина много лет. Да, и сегодня они не верят в его виновность. Но их свидетельства значат ничуть не меньше, чем показания рецидивистов, серийных убийц и насильников, неожиданно "вспомнивших" нужные

обвинению обстоятельства, причем много времени спустя, находясь в зоне особо строгого режима.

Рассказывают мама Пичугина, его жена Татьяна, Ира, старый друг его семьи, и Слава, личный водитель.

Ира:

- Надо знать его отношение к детям, чтобы судить. У меня родилась дочка, сейчас ей 8 лет. И я очень жалею, что не сделала Алексея крестным. Он бы все для нее делал. Да она и так его звала Дедом Морозом. Раз пришли на детскую елку в МДМ. Так он так ее заботой окружил, что она его за Деда Мороза и посчитала. Алексей даже из тюрьмы всем нашим детям приветы передает. А уж в обычной жизни-то дети для него были всё! В разговоре половину времени о сыновьях вспоминает. Он ведь ушел из одной семьи в другую. И я помню, как он Татьяне сказал: "Эти дети - наши". И Таня постоянно теперь говорит, что у нее трое детей. У женщин это не очень принято - считать детей мужа от другого брака своими. Но Алексей так поставил в своей семье.

Мама Алла Николаевна:

- На свидании Алексей мне говорит: "Мама, когда я по НТВ смотрел фильм про себя и услышал, что оставил мальчика без отца, - вот это мне, и правда, было как нож в сердце".

Ира:

- Должность у него была немаленькая. Но человек он простой, не чванливый. И одновременно очень заботливый, точнее, внимательный со всеми сослуживцами. Особенно с подчиненными. Все его очень любили. Ведь знали, что всегда поможет, и при первой же возможности бежали к нему за помощью. По любым, даже житейским, поводам. И когда его арестовали, многие, в том числе и начальники, растерялись. Не были готовы без него работать. Ведь он буквально руками проблемы разводил, даже житейские.

Чтобы убивать по приказу начальства, нужны такие черты характера, которые не спрячешь! Не было у него стремления к какому-то обогащению, к той жизни, которую называют "красивой". Он же ни разу за границу отдохнуть не ездил, хотя и мог бы. Россию слишком любил. Он до конца офицером оставался, лучше шашлыков в компании ничего не признавал, гусарил слегка и выпивал с локтя "за дам". Не рисуясь, совершенно искренне. Верил и в любовь, и в настоящую дружбу.

Успеху других он радовался, никогда не завидовал. От меня требовал, чтобы я училась дальше. За прошедшие два года я поняла, что заботливого отца потеряла. Мы все настолько растерялись без него: он нас приучил, что все сделает. Мы отвыкли бороться. А он совершенно не умел использовать других людей в своих целях. Наоборот, его все использовали.

Водитель Слава:

- Вы бы видели его лицо, когда он снял трубку и услышал, что Горины похищены! Мы сидели у него в кабинете и ждали, что приедет Горин. А Горина все нет и нет. Тут Пичугин снял трубку и позвонил в Тамбов. Видели бы вы его лицо! Это невозможно подделать! Да и не был он никогда актером: что на душе, то на лице всегда. Он был в самом настоящем шоке, сидел с открытым ртом, потрясенный, и сказать ничего не мог.

Ира:

- Тут я вошла в кабинет. Поняла по его лицу: что-то страшное случилось. Спрашиваю: "Что происходит?". А все молчат. Потом кто-то шепотом мне сказал: "Кажется, Гориных убили. Он только что об этом узнал". Алексей только через полчаса себя в руки взял, рассказал мне коротко. И с первых дней после случившегося в ноябре и до июня разговор в их семье шел об усыновлении младшего ребенка Гориных. Это не болтовня была, они реально все обсуждали. Детали обсуждали, нужные документы собирали.

Я втихую, по-женски Татьяне говорила, пока Алексея не было: "Я понимаю, помогать, чем можешь, надо. Но усыновлять? Ты обалдела, что ли?". А Таня отвечает: "Ты только при нем не вздумай об этом сказать. Это же скандал будет! Он тебя самое малое черствой обзовет". Какая подлость после этого всего обвинять Алексея в убийстве отца мальчика.

Слава:

- К криминальному миру он относился очень плохо. Я сам люблю за рулем "Шансон" слушать. Алексей категорически эти песни не любил. Не переваривал просто. Я слушал "Владимирский централ" часто, а его перекашивало просто. Его и фильмы с блатной романтикой раздражали ужасно. И, когда к власти пришел Путин, он мне сказал: "Наконец-то пришла власть! Пришла нужная сила".

Ира:

- Алексей мне тогда сказал: "Позови он нас - и мы за ним пойдем!". И потом еще часто это говорил. Сегодня это смешно выглядит, наивно. Мы даже смеялись над этим горько. А смотрел он только фильмы об оперативной работе. Кассета в магнитофон всегда была вставлена с фильмом "ТАСС уполномочен заявить", он его наизусть знал, каждое слово. Ну, конечно, "Семнадцать мгновений весны" и "Офицеры". А братки мимо проедут - очень плохо относился.

Он себя считал донским казаком. Про казачество все знал и говорил постоянно. Особенно нравились порядки в казачьих семьях, считал, что только такой семья и должна быть. Очень нравилось отношение казаков друг к другу и верность слову и дружбе. Это несколько даже маниакально проявлялось в нем. Пунктик был явный: казачье братство, за дружбу - в огонь и воду. Ну и так далее.

Сейчас время прошло, и я в письмах пишу ему: "Где же все?". У него ведь было очень много знакомых, которых он считал друзьями. За два года не позвонили и не написали ни разу. Для него это шок был. Наш адвокат ему долго, порция за порцией, объяснял, что его просто использовали. А кто остался - те и есть друзья. Немного их.

Слава:

- Он в тюрьме твердо себя показал. А мы и не сомневались в нем. Он очень сильный человек. Всегда таким был.

Ира:

- Да, невозможно представить, чтобы он дрогнул. А, видно, на такое вовсе не рассчитывали. Не знали его просто. Ведь вокруг него аура силы распространялась. Он все на себя брал и тащил. Я себе представляю так, что даже если его там пытаются, он не сломается.

Человек он очень смелый. Однажды при мне разоружил выпившего молодого офицера, размахивавшего пистолетом. А потом еще полчаса объяснял тому, протрезвевшему, что он дурак и так себя офицеры не ведут. Целую лекцию закатил. Мы Алексею кричим: "Да гони ты его в шею!". А он в ответ: "Нет, надо объяснить. Человек только жизнь начинает". Это в 2001 году случилось, в подъезде моего дома.

Вот такой он и в тюрьме остался. Такие письма пишет: "Передай от меня привет и наилучшие пожелания всем добрым друзьям и товарищам, которые в нелегкое для меня время не потеряли чести и совести". И в каждом письме пишет, как мы должны держаться: "Старайтесь не психовать, держитесь достойно". Он нас еще успокаивает и поддерживает! Не поймешь, кто из СИЗО пишет, а кто в ответ. Как будто понимает, что мы без него остались в растерянности. В этом он весь.

Мама:

- После школы он сразу поступил в военное училище. Оттуда уже его направили в школу КГБ в Новосибирске, он тогда был очень доволен. Уволился он из органов в 1994 году. Я его уговаривала остаться, спрашивала: "Не пожалеешь ли потом?". Тогда война в Чечне началась, пошли командировки. "Не хочу, - сказал, - внутри народа воевать".

Как сын он всегда был образцом. Уже повзрослел, женился, а днем и ночью каждый день звонил: "Мама, как дела? Как здоровье?". Постоянно обо мне заботился.

Слава:

- Все время меня посылал кому еду, кому лекарства развозить. О детях все время говорил. Дня не проходило, чтобы о ком-то не вспомнил.

Жена Татьяна:

- Никогда он не мог обидеть женщину, тем более убить. Даже если бы она того заслуживала. Я помню случай: его сотрудница воспитывала ребенка одна, и он относился к этому с большим сочувствием. Когда встал вопрос, что он должен уволить одну из двух женщин, первое, что он сделал, - отправился в отдел кадров и выяснил их положение. И уволил замужнюю. Так мне и сказал: "Этой есть на кого опереться, а вторая все на себе тянет. Ей бы помочь".

Не знаю, входят ли другие начальники в положение своих сотрудниц. Но этот случай для него характерен. В то же время он очень галантен, никогда не различал женщин по внешности, привлекательности. И поэтому его любили абсолютно все женщины всех возрастов. И пожилые, и молодые. Например, наши консьержки в подъезде до сих пор его любят. Одна и сегодня вспоминает, как он поддержал ее на улице, на скользком льду.

Слава:

- Если он выходит из машины, то всегда первый - и обязательно откроет дверь.

Татьяна:

- Женщины обладают интуицией гораздо более сильной, чем у мужчин. И если мы все говорим в один голос, что его любили абсолютно все женщины, это что-то значит. Потому что всех женщин обмануть невозможно. Можно устроить театр для одной. Можно

для двух-трех. Но у Алексея было очень много знакомых женщин, он очень общительный человек. Всех обмануть в таких условиях не получится.

Ира:

- При этом он не стремится понравиться, как это часто бывает у мужчин. У меня критерий - отношение пожилых женщин. Молодые склонны обманываться.

Татьяна:

- Кто-нибудь из женщин обязательно разглядел бы мертвую душу, двуличие. Однозначно.

Слава:

- Вот вы спрашиваете: мог ли Алексей сделать что-то под влиянием момента, во власти эмоций? Вспылить? Он не любил быть с людьми в конфликте. Всегда первый шел на примирение. Это все в его телефонных разговорах часто чувствовалось.

Татьяна:

- Если Алексей был склонен к компромиссу, как объяснить его твердость в тюрьме? Он был военным человеком. Этим все и сказано. Военная выправка позволяла ему идти на компромисс в личных отношениях, но жестко отстаивать свои принципы. Алексей мог быть снисходителен к слабостям любимых людей или просто знакомых. Он четко различал, где можно поладить, а где придется стоять до конца. Он в тюрьме два раза в день обливается ледяной водой и отжимается по пятьсот раз в день.

Уходящая натура

Что ж, показания собраны. Вот вопросы, которые неизбежно должны возникнуть у любого человека, ведущего следствие.

1. Что мы можем сказать об эмоциональном, возможно, даже порывистом человеке, читающем книги о чекистах и ушедшем на

службу добровольно? Преступление ради спасения Родины такой тип сознания, возможно, примет. Хотя и не без внутренней борьбы. Такие случаи - в традициях патриотической службы. Но как совместить такое мировоззрение с убийством ради денег или служебного роста?

2. Отношение обвиняемого к преступному миру описано исчерпывающе. Оно резко отрицательно и вытекает из всей предыдущей жизни, оперативного опыта и служебных традиций. Причем трансформации характера и нравственных ограничений вплоть до вменяемого ему преступления не прослеживается. Как это соотносится с официальной версией?

3. Отношение обвиняемого к детям и вопросам совести также не может быть сфальсифицировано. Это слишком легко проверяется, это знали десятки сослуживцев. Искренность его в таких вопросах особо важна. Даже решившись убить, такой человек, будучи профессионалом сыска (а в "ЮКОС" бездельников не брали, тем более в руководство), не преминул бы найти способ сделать это, не травмируя детей. Эта деталь никак не вяжется с реальной картиной преступления.

Непосвященный может пренебрежительно судить о таком эфемерном на поверхностный взгляд обстоятельстве, как способность человека к убийству. Оно кроется в сфере неубедительной для обывателя психологии. Напротив, профессиональный судья обязан такие показания занести в доказательную базу обвинения или защиты.

Пусть все эти свидетельства назовут мнением близких, желающих выгородить преступника. Их обязательно придется признать объективными в случае, если они получат свое подтверждение показаниями других свидетелей. Таковых при желании можно было собрать достаточно. Желания у суда не обнаружилось. Как я покажу далее, такого следствия - для принятия объективного решения - судья не вела.

Не исключено, что личные качества, характер, обстоятельства жизни Пичугина не были бы в дальнейшем признаны судом существенными для дела. Возможно, судья Олихвер полагает искреннее уважение к женщине нормальным для убийцы. Но для начала она обязана была хотя бы поинтересоваться такими обстоятельствами.

В этой части исследования обстоятельств дела Пичугина я представил на суд читателя его портрет со слов разных людей, знавших его по службе, работе, родственников. Мать воспитала его так, как мало кто сегодня может. Станный, устаревший строй его писем на волю - в сочетании с приверженностью идеалам мужской (в данном случае еще и казачьей) дружбы и службы Родине - узнаваем. Это лучшая, пусть и наивная, натура русской провинции, ныне почти исчезнувшая.

Кто же он? Теперь, мне кажется, я понимаю это. Я сам был очень похож на Алексея 12 лет назад. Узнаю этот тип военного человека, выращенный в СССР и составлявший не самое худшее наследие того времени. Патриотизм, стремление к упорядоченности, верность слову, уважение и требовательность к подчиненным, личная честность, готовность пожертвовать гражданской карьерой по зову "Спасай Родину!" и вера в свое предназначение - отличительные черты такой натуры. Уходящей натуры.

Такие офицеры массами воспитывались фарисеями из ЦК КПСС для укрепления советской власти и защиты партийных интересов. Они же сами полагали, что защищают народ. Та служба впечатляла. Не стоит иронизировать: это не худшие человеческие качества. Просто их недостаточно для жизни в новых условиях. Такие офицеры пытаются распространить свой служебный опыт на не всегда понятную гражданскую жизнь. Их убеждения терпят крах, когда те, за кем они готовы были идти в огонь, предают их.

Уже в тюремной камере Алексей увидел, что за служением Родине, которое, казалось, так естественно объединяло его с хладнокровными питерскими чекистами, кроется вульгарная жажда власти. За один президентский срок она стала жадностью. Он

воспитывался на тех же фильмах, что и президент. А сегодня отжимается по 500 раз в день, продолжая заочный поединок.

Вот и вся романтика. На этом закончилась история человека, известного друзьям и родне. Началась история жизни другого Пичугина, фактически в одиночку противостоящего заново отстроенной советской репрессивной машине.

Глава Арест

3

При всем чекистском прошлом Алексея Пичугина арест во время второго допроса стал для него неожиданным, как кирпич вдогонку. Все-таки он не имел личного опыта фальсифицированных процессов. В его кругу их называли заказными. Разумеется, по службе он не мог не знать об этой распространенной у нас практике. Но представить заказной процесс, да еще по инициативе первых лиц государства, против себя, человека вполне рядового, он, конечно, не мог.

А между тем подготовка его ареста ознаменовалась эпизодом, который из сегодняшнего дня выглядит настоящей сенсацией. Речь о двух схожих письмах руководителя следственной группы Генеральной прокуратуры Буртового, направленных всего за 9 дней до ареста Алексея Пичугина. Одно - начальнику Департамента экономической безопасности ФСБ Заостровцеву, другое - первому заместителю министра внутренних дел Нургалиеву. Наверное, я не имею права цитировать их дословно. Но содержание секретной переписки настолько важно для дальнейшего понимания дела, что я обязан передать хотя бы суть документов (кстати, что там говорит закон о СМИ о публикации общественно значимой информации?).

В письмах сообщается о деле Гориных и предлагается проверить оперативным путем ряд версий, объясняющих похищение и возможное убийство супругов. Оказывается, перед арестом Пичугина следователь, как ему и предписано профессией, собирался отработать целый ряд версий преступления, частью вполне вероятных, на которые потом указывали и журналисты.

О чем следователь просил ФСБ и МВД

Всего Буртовой выдвинул более дюжины таких версий. Например, он требует проверить на причастность к преступлению некоего Воробьева и не проходил ли Горин по делам о даче взяток в Москве. Следователь просит проверить мобильные телефоны Пичугина, Горина, а также Забелина, Дронова, Павлюкова. Указав, что убийство много знавших Гориных могло быть совершено партнерами по денежной пирамиде "Алгоритм", просил изучить материалы дела Горина и по этой финансовой афере.

Убийство Гориных могло быть организовано и по заказу кого-либо из служащих банка "МЕНАТЕП" в Тамбове или их конкурентов по бизнесу. Требовали внимания версии о возможной причастности к преступлению лиц из инвестиционной компании "Рамэкс" и окружения Горина из компании "Дон". Тамбовского бизнесмена могли убрать и в ответ на его попытку сместить начальника "Тамбовнефтепродукта" Плахотникова.

Требовала отработки и вероятность простого криминального убийства в целях хищения имущества, в том числе спрятанных в доме ценностей. А для этого необходимо было проверить ранее судимых Смирнова и Шапиро, входивших в окружение Горина (Горин давал Шапиро в долг). Наконец, не были забыты стандартные версии любого следствия, которые отрабатываются в первую очередь: соучастие в убийстве местных преступников (лиц, входящих в тамбовскую ОПГ). Соучастие близких родственников (Дедова, Измайлова и т.д.), рабочих-строителей, знакомых и подчиненных, работающих на строительных рынках граждан из стран ближнего зарубежья.

Наконец, из писем вытекает, что Горин дал в правоохранительные органы информацию о сотрудниках тамбовского РОВД, участвовавших в хищении нефтепродуктов из магистрального нефтепровода. Их посадили. Необходимо было проверить окружение осужденных милиционеров на причастность к убийству Горина: месть в таких случаях - дело обычное. Наконец, Буртовой

указывает, что к Горину за деньгами приезжали сотрудники некой инвестиционной компании из Москвы. Он и ей оказался должен.

Да, непрост оказался отец троих детей, финансовый аферист, растратчик да к тому же пособник областного правосудия! Разумеется, служебные обязанности Пичугина предполагали получение информации из самых разных источников. В том числе, как говорят опера, "из негативной среды". А уж Горин, совавший нос в каждое тамбовское деловое начинание еще на стадии рытья котлована, таким источником был. И небесполезным.

Нам же важно, что, не имея своих оперативных подразделений, Генеральная прокуратура просила ФСБ и МВД проверить целый ряд убедительных версий его исчезновения. Так почему же буквально через несколько дней Пичугина все же арестовали как организатора похищения и убийства, не получив ответа на целый ряд важнейших для следствия вопросов?

Причем все эти факты и предположения не были тайной: о роли Горина в различных махинациях и мутных хозяйственных историях в области знали многие. В отличие от следственной группы Генеральной прокуратуры тамбовские журналисты за год до того писали о мотивах преступления, которые могли быть у многих знакомых Горина. А ведь в деле Пичугина до сих пор ничего, кроме мотивов, сочиненных впоследствии Буртовым и Демидовым, нет.

Мой ответ таков. В самом начале дела Буртовой и его команда пытались еще работать так, как их учили. И письма руководству ФСБ и МВД отражают их правильные профессиональные инстинкты: процедура должна быть соблюдена! Все версии должны быть отработаны - хотя бы формально. Даже если ты ведешь заказное дело. Но сверху нетерпеливо одернули, и следователи, понимавшие, на какое дело их поставили, выбросили свой профессионализм на помойку.

Таким образом, Пичугин был объявлен убийцей на основании придуманных обвинением мотивов, безо всякой доказательной базы. О реальных обстоятельствах исчезновения четы Гориных

более не вспоминали. Скорее всего, это был приказ, иначе забвение представителем Генеральной прокуратуры собственных писем коллегам объяснить невозможно.

Ответы на письма Нургалиеву и Заостровцеву следствие все же получило - в декабре 2003 года. Алексей Пичугин к тому времени уже полгода сидел в тюрьме, и ответы на запросы нужны были Буртовому как рыбке зонтик. Разумеется, в результате "оперативной проверки" все версии отпали, кроме версии об участии в убийстве Гориных Алексея Пичугина. Репрессивная машина все это оформила еще в июне. Тут, как говорится, и комментировать нечего.

Что искали у Пичугина

Итак, не дожидаясь проверки своих версий, а скорее всего, и не надеясь на такую проверку, Буртовой решает арестовать Пичугина. Для этого ему необходимы были основания, как минимум правдоподобный повод. Добыть его в той ситуации можно было, связав с убийством Гориных предметы, изъятые при обысках на квартире и работе подозреваемого. Кроме того, можно было попробовать связать предполагаемое убийство с Пичугиным на основе выводов, сделанных из вновь проведенных экспертиз по делу. Как же обстояли дела на этих участках расследования?

Об экспертизах как о важнейшем эпизоде нашего исследования речь пойдет далее. А вот обыски - самое простое следственное действие, которое может позволить себе всякое следствие. И 19 июня 2003 года следователи Генеральной прокуратуры при поддержке ФСБ (сотрудники которой официально были включены в состав следственной группы только 7 июля) провели обыски по трем адресам: в квартире первой жены, где Пичугин прописан, в квартире, где Пичугин жил на момент ареста, и в рабочем кабинете.

Искали они "документы, содержащие сведения о деятельности Пичугина, Горина, аудио- и видеоматериалы, содержащие информацию о его связях и связях Горина, и иные документы, имеющие значение для следствия". Короче, все, что под руку попадется и позволит каким-либо логическим ходом связать убитого

и того, кого решили посадить. Постановления о проведении обысков на квартирах в действительности были выписаны фактическим руководителем следственной группы Юрием Буртовым еще 11 июня, хотя официально руководителем следственной группы он станет только 7 июля.

Результаты обысков вышли богатые. Квартиру первой супруги Пичугина с девяти утра обыскивали следователь Горайнов и два сотрудника ФСБ. Закончили около одиннадцати, изъято несколько семейных фотоальбомов и видеокассет с семейным видеоархивом.

Обыск в жилище самого Алексея развивался более драматично. Следователь Войнов и три сотрудника ФСБ, отказавшиеся предъявить свои удостоверения, начали его в полдевятого. К половине первого вещественные доказательства были упакованы и опечатаны. Таковыми оказались, по мнению следователя, записные книжки и визитница Пичугина, его служебные удостоверения, различные семейные документы и фотоальбомы, несколько видеокассет и даже схема оповещения сотрудников 4-го отдела службы безопасности "ЮКОСа", который возглавлял Пичугин.

Адвокатов Пичугина, как заведено в нашей стране, не предупредили об обыске. Несмотря на требования Алексея дожидаться адвоката, следователь начал обыск. Прибывших спустя час адвокатов сотрудники ФСБ пустить в квартиру отказались. Сослались на нехватку места. Велик русский закон!

При обыске в рабочем кабинете изъяли сейф. Прокурорские отказались открывать его на месте, увезли с собой. А заодно несколько документов компании "ЮКОС", в том числе должностную инструкцию Пичугина. Минувло месяца полтора, и сотрудники прокуратуры провели еще один обыск в рабочем кабинете надежно арестованного Пичугина. Очевидно, рассчитывали, что за это время там материализуются доказательства его причастности к преступлениям.

Для России, страны победившей судебной реформы, это были не самые страшные обыски. В ходе милицеских обысков, случается,

разбирают полы и сдирают обои. Чтобы людям жизнь медом не казалась. А описанные мероприятия, где понятыми выступили сотрудники ФСБ (всего лишь, какая мелочь!), - почти норма. В любой нормальной стране за такую "норму" участников бы самое малое наказали. В России они получили награды.

Что же касается результатов, то ни один изъятый в ходе обысков предмет или документ не был предъявлен либо упомянут на процессе. Впрочем, кое-что пригодилось. Любительский фильм Пичугина о выезде руководства "ЮКОСа" на охоту (он там входил в охрану) был через администрацию президента передан государственным пропагандистам на канале НТВ. Они изготовили из него и показали обличительный фильм. Тоже сильно похожий на любительский.

Что же оставалось обвинению? В его руках было еще одно испытанное оружие лукавого следствия - экспертиза. Напомню, исчезновение и вероятное убийство супругов Гориных произошло с 20 на 21 ноября 2002 года. Ровно за 7 месяцев до ареста Пичугина. И как-то так вышло, что до исторического спора Михаила Ходорковского и Владимира Путина преступление в Тамбовской области особого ажиотажа не вызывало. А в Москве о нем и вовсе не слыхали. Все экспертизы и следственные действия шли своим чередом, неспешно.

Безнадежная рутина отечественного правосудия известна. Тела исчезли, агентура ничего не давала. К февралю это был почти оформившийся "висяк". Все экспертизы были сделаны, их материалы сданы на хранение. Ничем они следствию помочь не могли. Даже факт смерти супругов установлен не был. Всю последовательность невиданных превращений, манипуляций с экспертизами мы рассмотрим в главе, посвященной предварительному следствию по делу Пичугина.

Тут лишь отметим, что задолго до его ареста, в марте 2003 года, дело об исчезновении Гориных передается Генеральной прокуратуре. Для меня это важнейший факт в реконструкции событий, происходивших внутри Кремля и вокруг "ЮКОСа".

Итак, в середине февраля Путин выслушал нотацию от Ходорковского. Вскоре он и силовое крыло его администрации окончательно решили устранить строптивого нефтяника. На борьбу набирается штаб (очевидно, во главе с Сечиным). Первые разработки носят отпечаток советской традиции - по архивам разыскиваются сотрудники "ЮКОСа", проходившие по уголовным делам. Для последующих решений. У меня нет сомнений, что таких дел нашлось немало. И Пичугин первоначально был лишь одним из кандидатов на посадку для последующей дачи разоблачительных показаний на руководство, в первую очередь - на совладельцев компании.

Ведь и Гагарин был у Королева лишь одним из нескольких. Кандидатов отбраковали быстро, тут вам не отряд космонавтов. Мы не знаем, сколько невинных людей избежало лефортовской тюрьмы. Дай им бог и не узнать о том! Очевидно, при отбраковке учитывали лишь перспективы дела, то есть гарантированность ареста несчастного. Но вовсе не учитывали его характер, не понимали, даст ли он потом нужные показания. Все делалось в спешке, сроки, очевидно, определялись монаршим гневом и нетерпением претендующих на активы "ЮКОСа" товарищей.

Уже в марте план вчерне готов, Пичугин приговорен, дело передано Генеральной прокуратуре. И экспертами назначаются сотрудники ФСБ. Не имея доказательной базы против Пичугина, следствие пытается использовать свою власть над фактами - манипулировать экспертизами. Для того, чтобы обвинить Алексея в убийстве, надо доказать, что Горины убиты. И именно в апреле 2003 года это взялись сделать эксперты ФСБ.

Оперативная липа

Вернемся в июнь 2003 года. Буртовому, кровь из носу, нужен повод для ареста. Метод у нас известный: тут главное - посадить, а уж выйти Алексею не дадут. В 2001 году индийский инженер пролетал транзитом через Шереметьево. Во время долгой таможенной процедуры он отпустил реплику: "Ну не бомба же там у меня!". Охрана среагировала на единственное понятное слово - "бомба",

выволокла индуса из транзитной зоны, сдала ментам. Те посадили его в камеру и забыли на две недели. Оттуда его вызволила адвокат Каринна Москаленко. Выйдя из "обезьянника", иностранец заявил, что к нам не то что приезжать - над нами пролетать опасно.

А ведь инженер даже визы нашей не имел, транзитом летел. То есть в принципе не планировал с Россией дела иметь. И не рассказывал он Путину, как обнаглевший Ходорковский, о воровстве промеж его придворных нефтяников. И не приказывал Сечину Путин движением брови посадить индуса в тюрьму. Само как-то все устроилось.

Поэтому задача перед следователем Буртовым стояла простая. Посадить. А там - разберемся. Для ареста надо было изготовить документ, как-то его объясняющий. Неизвестно почему, но его поручили сделать ФСБ. Видимо, в рамках распределения полномочий в начавшейся государственной облаве. Человек, вошедший в эту неприглядную историю личной подписью, известен. Это Д. В. Ананьев, старший лейтенант Департамента экономической безопасности ФСБ.

В рапорте на имя Буртового старший лейтенант на одном листке сообщает, что имеет некие оперативные данные о причастности Пичугина к убийству супругов Гориных. По его рапорту, Алексей фальсифицировал финансовую документацию и оказывал давление на разные фирмы и людей. Для чего? С целью улучшения финансового положения нефтяной компании "ЮКОС-Москва". То есть из служебного рвения Алексей занимался подделкой документов и шантажом.

Неизвестные источники указывают, что Горин знал это и Пичугина шантажировал. А Пичугин его убил. Далее указывается - Пичугин может оказать давление на подчиненных и свидетелей, укрыть от правосудия вещественные доказательства. Просьба посадить Пичугина. На оригинале рапорта стоит виза заместителя генерального прокурора Бирюкова "Согласен". Прошло время, и сегодня мы легко можем определить цену этой липе.

1. Мы уже знаем, что никаких оперативных данных, на упоминании которых строится рапорт, на суде оглашено не было. Их не существовало, если не считать оперативными данными фантазии старшего лейтенанта на заданную тему.

2. Свидетелей, на которых Пичугин мог оказать давление, обвинение в суде не представило. Пока Ананьев писал свой рапорт, свидетели, которых впоследствии вынудят давать показания, сидели в тюрьме. И знать не знали, что им, волей организаторов дела "ЮКОСа", придется стать свидетелями.

3. Подчиненные Алексея Пичугина ничего плохого о шефе сказать не захотели. Хоть в тюрьме, хоть без тюрьмы - самые добрые слова. Любили его, как редко начальников любят.

4. Свещественными доказательствами и документами, изъятыми при обысках, мы уже познакомились. Цену их знаем. В суде их даже не упоминали. А ведь ради их "спасения" Алексея посадили.

Это вся цена рапорта старшего лейтенанта Ананьева. Такие поступки, даже из карьерных соображений, недостойны человека, претендующего называться русским офицером. Время все расставит по местам, каждому найдется достойное. И близкие спросят рано или поздно: какую роль он сыграл в обвинении невинного человека, получившего 20 лет тюрьмы ни за что?

Вообще первое впечатление - небывалая слаженность работы спецслужб и прокуратуры. Старший лейтенант Департамента экономической безопасности ФСБ Ананьев почему-то пишет рапорт не начальнику своего управления "К" и даже не начальнику ДЭБа Заостровцеву, а напрямую следователю Буртовому. В тот же день Буртовой получает этот рапорт. Мало того - он в тот же день получает на него визу заместителя генерального прокурора РФ Бирюкова и на основании этого рапорта поздно вечером арестовывает Пичугина и отправляет его в СИЗО ФСБ в Лефортове.

Генеральная виза

Тут я хотел бы пояснить читателю общие правила составления, проверки и визирования оперативных документов. При этом я не нарушу никакой служебной тайны, с которыми расстался еще летом 1994 года. Речь о процедуре. Если обоснованные подозрения в совершении преступления поступили из одного источника, они должны быть немедленно проверены и подтверждены другими источниками. Информация из единственного источника - вообще не информация.

Тем более если она получена в вонючей каше полукриминального мира тамбовских областных финансов начала XXI века. Где каждый источник блюдет свой интерес, стремится подставить конкурента под мента, ФСБ или налоговую проверку. Чаще всего в сговоре с ними со всеми. И оперативный сотрудник обязан составить план проверки такой информации. Помните, какой список версий для проверки первоначально составил сам Буртовой?

Начальник подавшего рапорт сотрудника принимает на себя всю ответственность за его действия, это выражается в визировании - его личной подписи в определенном месте. В нашем случае эту ответственность принял на себя Бирюков. Птица немалая, но не начальник Ананьева. И чего стоит эта подпись? Ведь все оказалось ложью! Никогда человека не арестовывают надолго, если документ, подобно этому рапорту, рассыпается на первых же обысках и допросах. Если это не заказное дело.

Шантаж, служебные нарушения, даже исчезновение человека - прерогатива областного управления МВД. С какого бодуна сотрудники центрального аппарата ФСБ занимаются рядовыми делами в тамбовской области и пишут по ним рапорты, я гадать не стану. Для меня ясно, что это возможно только по приказу с самого верха.

Далее. Когда сигнал проверен и получил объективное, то есть документальное, подтверждение, сотрудник обязан доложить не прокурору, а своему начальнику. А тот уж просит прокурора принять меры. И иначе не бывает, это азы делопроизводства. Этот порядок

определяет особое внутриведомственное предписание - секретный приказ по делопроизводству.

Его нарушение в рапорте Ананьева - прямое свидетельство той лихорадочной спешки, которая охватила штаб политической жандармерии, координирующий все дела по "ЮКОСу". Если бюрократ, особенно в погонах, нарушает ведомственную инструкцию, значит, на него орут по внутреннему телефону. Известно, что более косной бюрократии, чем военная, нет. За исключением церковной.

Получается, что под медвежий ор начальства несмелый старший лейтенант написал (скорее всего, под диктовку) липовый рапорт на ненадлежащего начальника. Бумагой за день обнесли всех руководителей внутри Садового кольца, и к вечеру Пичугина посадили. Репрессивный каток набирал обороты. Что было дальше?

Прокурор нервничает

21 июня 2003 года Басманный суд дал санкцию на арест. Ходатайствуя о нем, Генеральная прокуратура написала: в уголовном деле есть доказательства против Пичугина - показания свидетелей, потерпевших, результаты экспертиз. 29 февраля 2004 года адвокаты начали знакомиться с делом и в начале марта обнаружили, что **21 июня 2003 года в деле Алексея Пичугина не было ничего!** Там были только процессуальные документы - протоколы обысков (грош им цена!), протокол задержания и постановление о заведении уголовного дела. Все!

За открытую ложь в суде никого не наказали. Да и судья не поинтересовался содержанием дела. Так чего же стоят наши нововведения в закон? Да, сегодня санкцию на арест дает не прокурор, а судья. Но он не желает даже знать, на основании чего человека бросят в тюрьму. Он не спрашивает: "А что там, в деле?". Любого, кто держит в руках эту книгу, можно в два счета посадить по такой процедуре безо всяких доказательств.

И все же, по свидетельству очевидцев, во время судебного заседания 21 июня прокурор Лахтин сильно нервничал. А по окончании бросился звонить: "Санкция получена!". Видимо, даже в Басманном суде у прокурорских не было тогда уверенности - такая липа лежала в основе ареста. 26 июня Пичугину предъявляют обвинение в покушении на убийство Костиной и организации убийства Гориных. Буртовой пишет в постановлении о причинах: "У следствия есть достаточно доказательств...". Ничего еще в деле не было. Не то что доказательств - документов внятных не было! Это тоже обнаружила защита во время ознакомления с делом.

Следствию срочно нужна была относительно достоверная версия преступной деятельности Алексея Пичугина. Такая, чтобы можно было пропихнуть через суд. Хотя бы в закрытом режиме. 24 июня оперативные сотрудники в колонии для особо опасных преступников на острове Огненном проводят допрос Коровникова. 26 июня Демидов возвращается от Коровникова, и Пичугину предъявляется обвинение. На руках у следователей - показания убийцы: он неожиданно вспомнил, что в 1999 году, за пять лет до исчезновения Гориных, Алексей Пичугин пытался заказать ему их убийство.

Я намеренно вставил все доказательства Генеральной прокуратуры в одно предложение. Так они беспомощны. Больше в деле Алексея по статье, позволяющей инкриминировать ему убийство, никогда ничего не было. Нет и до сих пор. Все дальнейшие усилия следствия - старательно скоординированные показания и так уже имеющего пожизненный срок Коровникова и его банды - сводятся к одному. Они тщатся доказать, что у Коровникова такой разговор с Пичугиным в 1999 году был.

Вам понятно? Не доказать, что Алексей организовал убийство Гориных, а доказать, что он за пять лет до этого говорил об этом с серийным убийцей.

Кто же он, этот важнейший свидетель следствия? Насколько он надежен как свидетель? Или он просто решил прокатиться в Москву, пожить в чистоте и щадящем режиме Лефортова?

Серийный убийца

Преступники, давшие показания против Алексея, осуждены летом 2000 года за целый ряд преступлений, совершенных под общим руководством Коровникова с октября 1998-го по февраль 1999 года. За неполные полгода они успели много. Все происходило в Тамбове и окрестностях.

13 октября выпили. Потом вывезли за город в лес, изнасиловали и задушили телефонным проводом, чтобы скрыть свое преступление, двух девушек. Заодно сняли с трупов мелких украшений на 5100 рублей. Трупы раздели и забросали ветками. Одежду - в реку.

17 октября выпили. Вывезли за город, изнасиловали и задушили несовершеннолетнюю. Труп раздели и забросали опилками. Одежду - в реку.

30 октября банда выбивала долги из одного знакомого Коровникова. Должника вывезли за город, избили дубинкой и воткнули ему в затылок отвертку. После чего сняли с трупа серебряный крестик на веревочке за 50 рублей. Труп забросали ветками.

1 ноября Коровников и член банды Кабанец пригласили домой двух девушек. Угостили их водкой, изнасиловали в извращенной форме и задушили. Первую - шнуром от утюга (у нее забрали цепочку за 120 руб. и крестик за 50), вторую - шнуром от электрообогревателя (с ее трупа взяли перстенок за 100 рублей). Трупы вывезли в лес и засыпали листьями.

7 февраля следующего года банда осуществила самое свое крупное финансовое предприятие. И, пожалуй, самое сложное с точки зрения организации. Для этих питекантропов оно стало интеллектуальным подвигом. В тот день они похитили тамбовского предпринимателя с женой и увезли их за город.

Там Коровников стал по привычке душить бизнесмена веревкой, но она оборвалась. Тогда он подобрал кирпич и убил несчастного, размозжив ему голову. Для уверенности Кабанец истыкал мертвое

тело заточкой. Жену бизнесмена перевезли в другое место. С ее помощью по телефону выманили из дома тещу. Саму жену заранее удавили и для надежности зарезали. Как обычно.

И вот, убив родителей и выманив тещу на улицу, бандиты вошли в квартиру своих жертв. Там находились малолетний сын мертвого хозяина с товарищем, зашедшим к нему в гости. Бандиты стали бить их заточками, но тут один из них нашел хозяйские деньги - 30 000 рублей и 6 000 долларов. На радостях убийцы даже не добились потерявших сознание детей, видимо, посчитав их мертвыми.

По счастливой случайности малышей удалось спасти, вскоре они начали давать показания. Банду схватили. Экспертизы и следственные эксперименты уличили их полностью. В деле фигурируют анализы ДНК спермы из прямых кишок растерзанных женщин, анализы их волос, найденные в салоне бандитской машины, и показания выживших детей. И тогда, в отчаянии перед прямыми уликами, но не признавая вины, убийцы решили признаться следствию в незначительном эпизоде из их кровавой карьеры.

Летом 1998 года по поручению неустановленного лица они ездили с Москву пугать Ольгу Костину. В показаниях бандитов есть запись о том, что мотивом этого преступления со стороны заказчика был денежный долг Костиной. Следствие и судебное разбирательство точно установили, что это была именно попытка запугать ее. Таковы были и объективные обстоятельства преступления: незначительное количество взрывчатки (примерный эквивалент 200 граммов тротила) в два часа ночи перед тамбурной дверью на лестничную клетку.

Нет никаких сомнений, что это была тщетная попытка откупиться. Полностью сознавшись в незначительном преступлении, бандиты отрицали все остальное в надежде, что следствие, не сумев собрать надежных улик, удовлетворится малым. Так ямщик сбрасывал в снежную колею требуху забитого на рождество кабана перед мордами настигающей его волчьей стаи.

Расчет не оправдался. Следствие полностью изобличило всех четверых и не нуждалось в их признаниях. Эпизод же с Костиной стал впоследствии единственной историей, позволившей искусственно связать в политическом по сути процессе по делу Пичугина "МЕНАТЕП", Невзлина и саму банду. Посредником назначили, как мы уже знаем, Алексея.

Я предлагаю вникнуть в характер этих страшных преступлений банды и ее главаря Коровникова. Упырь без души и мысли, движимый убогими и жуткими желаниями. В машину - за город - изнасиловать - удавить - снять нательный крест, дешевое колечко - забросать ветками. Как только они решились на дело чуть посложнее, с ограблением квартиры, их взяли.

Это особенный, не раз описанный в отечественной литературе тип душегуба. Он встречался на Руси и 200, и 300 лет назад. Помните, в фильме "Мой друг Иван Лапшин" Алексей Герман показывает аналогичный типаж, убийцу продавца мяса из 30-х годов? Тот зарубил топором человека, а пожива его была - несколько жалких медяков. Сравните это с Коровниковым. Схватил должника, требуя от него немалых денег, и, попутно забыв все на свете, зверски убил. Чтобы снять с тела крестик за пятьдесят рублей.

И вот оказывается, что этот человек был выбран бывшим оперативным сотрудником ФСБ Алексеем Пичугиным на роль убийцы в современном корпоративном конфликте! Но мало того - он ведь сам даже не убивал. Он только разговаривал с Пичугиным об убийстве лет за пять до того.

И это все доказательства, на которых строится обвинение? Вот эта дикость и стоит за уверенным пафосом заместителя генерального прокурора Колесникова, когда он, подобно другим многочисленным государственным пропагандистам, громит "ЮКОС" и его руководителей по телевизору? Мне иногда кажется, что уголовные дела слеплены именно ради вот этой пропаганды, а вовсе не ради передела собственности, которым закончились арбитражные процессы против компании. Но, скорее всего, я ошибаюсь...

В отличие от Колесникова с его невероятным апломбом, следователям нечего было предъявить публике. Целый месяц после ареста Пичугина они определялись, с какого конца начать дело. Проблема, как мы уже знаем, состояла в слабости, а точнее отсутствии, доказательств. Мотив, по которым Пичугин мог убить Гориных, был сочинен, как и положено, еще до ареста. Но далее дело пока не шло. Убийство - это вам не мутная экономическая баланда, которую готовили для самого Ходорковского и его коллеги Платона Лебедева, когда следователи Генеральной прокуратуры просто интерпретировали действия руководства "ЮКОСа" как преступные, не вникая особо в их суть. С делом Пичугина было сложнее.

Судя по логике действий следствия, во всех делах против компании и ее сотрудников Алексей призван был сыграть особую роль. Недаром ему инкриминировали сразу три покушения на убийство: Гориных, бывшего советника "ЮКОСа" Костиной и управделами компании Колесова. Режиму и исполняющей его замысел Генеральной прокуратуре крайне необходимо было доказать недоверчивому международному сообществу уголовную сущность менеджеров и совладельцев "ЮКОСа". Это позволило бы предотвратить негативные политические последствия дела, падение международного авторитета Путина. А авторитет, несомненно, был.

Значит, надо было через уголовный процесс доказать, что все совладельцы компании - просто банда уголовных преступников. Правильность этих предположений подтверждает человек, лично занимавшийся в "ЮКОСе" вопросами экономической безопасности. Это нынешний депутат Госдумы от КПРФ А.П. Кондауров. Вот его мнение о связи экономического состояния бизнеса и уголовного преступления:

"В "МЕНАТЕПе" я был начальником службы безопасности около полутора лет. В "ЮКОСе" уже работал начальником

информационно-аналитического управления. Когда случилось несчастье с Гориными, я как раз занимал эту должность. Разрешение конфликтов в области бизнеса осуществлялось нами только через юридические процедуры.

Случались и преступления в сфере производства и экономики наших предприятий. Но все они пресекались в рамках уголовного законодательства и руками органов внутренних дел. Даже зная о преступлениях, мы не могли на них реагировать иначе, как передавая информацию в МВД. У нас просто иных полномочий не было. А уже в МВД по нашей информации возбуждали уголовные дела и доводили их до конца. Или не доводили.

Годовой оборот компании составлял 15 миллиардов. У той же Костиной великое самомнение, если она считает, что из-за такой фигуры, как она, кто-то будет планировать вообще какие-то действия, я уж не говорю про убийство. Это просто невозможно: она в своей должности для такой компании даже не ноль, скорее отрицательная величина.

Ведь и Горина, по версии следствия, убили потому, что он знал о покушениях на Костину и Колесова, которые якобы организовал Пичугин. Так вот - Колесов и Костина не интересны компании ни с какого боку. Таково было их положение - они ничего не решали и ничего не знали. У компании не могло быть мотивов. Значит, не могло их быть и у Пичугина.

Теперь поговорим о последствиях для бизнеса, если вдруг какой-то руководитель заказал покушение. Не важно на кого, важен сам факт. При прозрачном бизнесе, когда компания стремится увеличить свою стоимость на рынке, в первую очередь международном, такой поступок, если вскроется, будет иметь сумасшедшие последствия. Менеджеры компаний, по величине равных "ЮКОСу", живут уже другими категориями. Они решают вопросы в рамках геополитики, геостратегии. А тут выясняется, что кто-то из них заказал покушение на секретаршу! Это возможно, только если он сошел с ума.

Посмотрите на последствия такого предполагаемого сумасшествия. Дело о покушении еще не успеет дойти до суда, как найдется масса конкурентов, которые мгновенно вымажут компанию в грязи, и это повлечет колоссальные материальные последствия. Ведь компания действует на западных рынках. А на Западе тому, кто такое сотворит, никто руки не подаст. Полетят контракты, которые готовились годами, прекратятся переговоры. Кредитов никто не даст. Или дадут на гораздо менее выгодных условиях. Начнется падение стоимости акций.

"ЮКОС" был глобальной компанией. Вы представляете, какие последствия влечет такое пятно на репутации? Можно сказать, что бизнес похоронен. И все ради чего? Чтобы отомстить помощнице, имени которой никто не помнит, и напугать завхоза? Ведь Костина с Ходорковским за полтора года своей работы встречалась всего два раза. Большого ее должность и сфера обязанностей не позволяли. Ну, никто она! А потери только на стоимости акций из-за такого корпоративного скандала могут достигнуть миллиардов долларов. Это несопоставимые вещи.

По версии следствия, на Костину покушались как бы ради забавы: кто-то чего-то вякнул, решили проучить. Колесова якобы хотели убить. Он сидел со мной на одном этаже. Невзлин его в лицо не узнавал. Хороший он человек, ничего не могу сказать. Но абсолютно серая мышка, незаметный. Ни к чему особо не приспособленный. Он ведь завхозом был. Управление делами ему доверили, и он хорошо справлялся. Секретари, уборщицы, тряпки, бумага чистая для принтеров, оплата телефонов и электроэнергии - вот он чем заведовал. Ходорковский о существовании Колесова не догадывался даже.

А по версии обвинения его убийство якобы заказал Невзлин. Реально же было так: Невзлин привел Шахновского, тот привел с собой Колесова. Невзлину было все равно, кто будет завхозом. Если Шахновский поставил Колесова, пусть будет так. А следствие посчитало, что "служебный рост Колесова мешал

профессиональным и личным интересам" руководителей компании.

Это, по их мнению, и был мотив для покушения. Покушения на завхоза, который не мог уже дальше никуда расти по службе. Он уже был главным завхозом над всеми завхозами, уборщицами и электромонтерами! Он был управделами. Этим все сказано, это вершина карьеры. Его могли двинуть только по горизонтали. Скажем, на гаражи бросить. Но работать в бухгалтерии, добыче нефти, финансистом он не мог - не было соответствующего образования, квалификации и опыта. Он же до этого в райкоме партии работал. А там люди как профессионалы дисквалифицировались быстро".

Разумеется, такое же мнение вам изложит любой сотрудник инвестиционной компании или фонда. Даже самый молодой. Потому что это азы современного рынка. Свидетельство такого признанного специалиста по безопасности, как Кондауров, суд мог и не признать: слишком близок к процессу. Но читатели могут легко проверить информацию генерала. Для этого есть пресса и интернет, регулярно сообщающие о гигантских потерях глобальных компаний от скандалов куда более невинных, не связанных с убийствами. "ЮКОС" же, на долю которого приходилось более 2% мировой добычи нефти, был именно глобальной компанией.

Это стоит учитывать всякому, кто сподобится прочесть обвинительное заключение по делу Пичугина. Недаром в серии пропагандистских передач на центральном телевидении о деле Пичугина говорили лишь в общих чертах. Таких деталей, как сфера ответственности потерпевших, реальные мотивы покушения, доказательная база, - касаться никто не посмел: сразу уши лезут. Поэтому вся пропаганда должна была исподволь подталкивать слушателя к "советскому" выводу: у нас даром не сажают.

Сажают, как выяснилось. В Лефортове Алексею Пичугину, по рассказам его адвокатов, сделали предложение, от которого нельзя отказаться. Он должен всего лишь признаться в организации трех покушений на убийство по приказу своих начальников. В частности,

по приказу Невзлина, скрывшегося от преследования в Израиль. Как промежуточное звено цепи Пичугин в этой схеме не несет ответственности за заказ, не совершал и убийства. Ему легко дадут несколько лет условно, благо условные сроки у нас в стране получают даже организаторы, документально изобличенные по суду. Тот же Анатолий Быков из Красноярска.

По непонятным для следствия причинам Пичугин от такого спасения отказался. По понятиям организаторов заточения, его ничто не могло связывать со сказочно разбогатевшими олигархами. Напротив, "классовая ненависть" к работодателям была бы естественным чувством. Так и слышатся уговоры следователя: "Ну, кого ты покрываешь? Что тебе до них?". Возможно, это всего лишь мои фантазии. Но, на мой взгляд, они куда ближе к жизни, чем все версии следствия в деле Пичугина.

Так или иначе, Пичугин "не встал на путь сотрудничества со следствием". Мы уже знаем о его характере и в отличие от следователей не должны сильно удивляться. Это скорее закономерный итог в спешке и плохо подготовленной чекистской комбинации. Раньше надо было думать, кого арестовывать.

"Сыворотка правды"

Время шло, а задуманного блицкрига не получалось. Обвинений против руководства "ЮКОСа" нет, наглые олигархи по-прежнему топчут Россию и даже выступают по ТВ. Надо было начинать куда более длительный и непредсказуемый этап уничтожения "ЮКОСа" и устранения его руководства - через экономические обвинения. Те, кто предложил начать с Пичугина и вслед за ним быстро посадить остальных, судя по всему, почувствовали неудовольствие начальства. Откуда было брать обвинения?

Да от самого Пичугина и взять! Было решено прибегнуть к совершенно неожиданному средству. В голову такое могло прийти только сотрудникам ФСБ, давно уже освоившим функции политической охраны.

Ход, сколь простой, столь и преступный, позволял резко сэкономить время. Речь идет о так называемом спецпрепарате, или "сыворотке правды". Это незаконное средство заставляет человека рассказать о себе абсолютно все. Даже о своих преступлениях. Надо только правильно составить опросный лист.

Итак, Пичугину введут спецпрепарат, он расскажет о своих преступлениях, и его за это можно реально посадить. Заодно он выдаст преступления высшего руководства "ЮКОСа". Похоже, в представлении современных чекистов, человек, работающий на посту Пичугина, не может не совершать преступлений, а человек, работающий на посту Ходорковского, просто обязан их совершать. Значит, память Пичугина хранит кучу улик против себя и остальных.

Но даже если данных на окружение Ходорковского окажется мало, можно предложить ему свободу в обмен на клеветнические обвинения против любого высокопоставленного менеджера. Например, Невзлина. Как отмечает сам Невзлин, в ФСБ имелась информация о близких, почти родственных его отношениях с Пичугиным. На самом деле он с Пичугиным даже не был знаком. Ошибка вышла. В который раз, впрочем.

14 июля 2003 года операция по применению "сыворотки правды" состоялась. Планировалась она, судя по всему, еще на 11-е число. Но помешал приход адвоката. Об этом можно довольно уверенно говорить на основании показаний Пичугина и его жалобы следователю Демидову. Следователь внес их в протокол 18 июля 2003 года.

А 11 июля в 15.00 Алексея вывели из камеры и завели в неизвестный кабинет. Надписей на двери не было. Два человека, представившись сотрудниками центрального аппарата ФСБ, но не назвав фамилий, сняли с него наручники. Сообщили, что руководство поручило им разобраться в деле Горина. И еще они очень хотели помочь Алексею как бывшему сотруднику ФСБ. Потом пошли вопросы о Горине, о взаимоотношениях с ним. Неожиданно у одного из сотрудников зазвонил телефон, из разговора Пичугин понял - пришел адвокат.

Встреча тут же прекратилась, но чекисты пообещали продолжить ее в понедельник 14 июля.

И правда, те же сотрудники ФСБ, как потом выяснилось - капитан Тамбовцев и уже знакомый нам старший лейтенант Ананьев, встретили Пичугина в назначенный день. Снова пустились в объяснения, что занимаются экономическими преступлениями. Спрашивали о семье Гориных, личной жизни Алексея, его работе и руководстве. Никаких записей не вели: на подоконнике стоял магнитофон.

По ходу беседы капитан Тамбовцев неожиданно предложил своему бывшему коллеге кофе с коньяком. Ананьев поддержал. Пичугин отказался, они настаивали. Прямо как в дружеском застолье: "Ты меня уважаешь?". Ананьев заварил кофе, принес стаканы, Тамбовцев достал бутылку - как уточнили адвокаты, "по форме похожую на коньяк", но названия на этикетке Алексей не разглядел. Тамбовцев достал три рюмки, налил, одну поставил перед арестованным. Тот коньяк пить отказался, сделал несколько глотков кофе.

Через 5-7 минут у Пичугина зашумело в голове, стали неметь ноги. Как он сам рассказал позднее следователю: "Почувствовал, что перестал контролировать свои действия. После этого они продолжали настаивать, чтобы я выпил коньяк. Я отказался".

Сразу же посыпались вопросы о руководстве "ЮКОСа". Что было дальше, арестованный не помнит. Предполагает, что потерял сознание.

Когда Алексей пришел в себя, за окном был вечер. Он сидел в том же кресле в полуобморочном состоянии. Тамбовцев и Ананьев находились в кабинете. Третий незнакомый человек тряс его за плечо и кричал: "Ты заказал Костину, и это поручило тебе сделать твое руководство". На столе ни кофе, ни коньяка уже не было.

Пичугин постепенно приходил в себя. Незнакомец ретировался. Ананьев угостил жевательной резинкой. Подследственный

напомнил тем, кто недавно обещал помочь ему, что ждет следователя и адвоката. "Уже половина девятого", - был ответ. Через пять минут пришел выводной. В камере Пичугину снова стало плохо, он не понимал, что происходит. Попросил выводного позвать врача. Пришла женщина-фельдшер, померила давление: "Норма!".

Наутро сокамерники расскажут, что у него были узкие зрачки и неадекватное поведение, словно при алкогольном или наркотическом опьянении. Оказывается, Пичугин лег спать в одежде, чего за ним сроду не водилось.

Утром 15 июля накачанный спецпрепаратом Пичугин проснулся в заторможенном состоянии. Болел желудок, шумело в голове. В районе лучевой вены левой руки и между большим и указательным пальцами он заметил следы уколов. В кармане куртки обнаружил пачку "Парламент-Лайт": эти сигареты он никогда не курил. Пять собственных сигарет, что носил с собой, лежали там же, в куртке. Начал отламывать фильтры от "Парламент-Лайт". Внутри фильтры оказались окрашены в зеленый цвет.

16 июля следователь Чуркин выслушал всю историю в присутствии адвоката. Из-за болезни желудка Пичугин сел на диету. Трое суток спустя он все еще чувствовал себя заторможенным. Навалилась депрессия...

Почему я так подробно описал состояние Алексея Пичугина во время и после проведения спецмероприятия? День допроса и время, когда я пишу эти строки, разделяют два года. Чрезвычайно важно сравнить рассказ адвокатов, зафиксированный журналистами сразу после беседы с ним 16 июля, и клинические признаки действия спецпрепарата. Эти признаки сегодня не являются тайной. И адвокаты вряд ли выдумали их, пока шли по коридору.

СП. История вопроса

Полезно будет дать читателю представление об истории и специфике применения специальных фармакологических средств

из арсенала спецслужб. ФСБ тут не исключение. Во все времена тираны старались напоить соратников, чтобы у тех развязался язык. Таким методом проверялась преданность и разоблачались заговоры. Особую известность этот способ получил в окружении Сталина. Но в достоверности пьяных излияний уверенности не было. Хотелось чего-то посущественней.

Препараты, так или иначе стимулирующие человека к откровенности, на серьезной научной основе начали разрабатываться по заданию национальных разведок во всех крупных странах мира сразу после Второй мировой войны. Признанными лидерами в этой области являлись США и Великобритания. В Советском Союзе специальная лаборатория МГБ разрабатывала такие средства наряду с ядами по заданию Берии и Абакумова. Долгое время фармацевты не могли добиться успеха. Лишь в середине шестидесятых годов в арсенале разведывательных служб появились первые препараты, обеспечивающие более или менее прогнозируемый результат. Дело в том, что расторможенные такими "медикаментами" центры мозга вели себя по-разному. В клинических испытаниях выявилась куча побочных эффектов - от безудержного вранья до неизлечимых травм психики.

Почему эти средства разрабатывали разведчики? Именно в этой профессии первостепенную роль играет уверенность в преданности, отсутствии двойной игры. Агента в полевых условиях невозможно подключить без его согласия к детектору лжи. А вколоть ему "сыворотку правды" (британский термин) в номере гостиницы куда проще. Разведки действуют на территории других стран, и их сотрудники находятся вне закона. И незаконный сбор информации с помощью спецсредств - обычная практика.

Применение таких препаратов в СССР тоже было исключительной прерогативой разведки - Первого главного управления КГБ СССР. Назывались они просто СП (спецпрепарат). Все мероприятия по применению СП тоже вели разведчики. За последние 20 лет особых изменений в его рецептуру не внесено. Вводится он, в отличие от британских аналогов, фигурирующих в шпионских фильмах, не внутривенно, а перорально. То есть выпивается с жидкостью, и

очень желательно - с алкоголем. После принятия СП человек ощущает в точности те же самые симптомы, что описаны адвокатами Пичугина. Затем впадает в состояние, известное любому хоть раз напившемуся до беспамятства. То есть он может говорить и отчасти связно мыслить, хотя мышление и затруднено. Но когда придет в себя - не вспомнит ничего.

Одновременно с препаратом разработано и разрушающее его противоядие. Сотрудники, предложившие Пичугину кофе, вполне могли принять его заранее и пить свою отраву из одного стакана с ним без опасений. Сам он как бывший сотрудник спецслужб должен был бы учитывать опасность такого поворота дел.

Факт применения СП к подследственному свидетельствует, что ФСБ не интересовали доказательства вины Пичугина: все добытые таким способом признания (как и сама "беседа" с ним) являются незаконными и не могут быть приняты судом. Значит, ФСБ интересовала совсем другая информация, которую можно использовать против руководства "ЮКОСа".

Как действует спецпрепарат? После приема СП подследственного, что называется, "несет". Он не может не ответить на поставленные вопросы. Но, находясь в странном полубоморочном состоянии, отвечает он в очень узком логическом коридоре. Легче всего ему даются ответы типа "Да" и "Нет". Поэтому оперативным сотрудникам очень важно заранее подготовить список интересующих их вопросов, предполагающих простые, неразвернутые ответы. Например, если попросить человека, принявшего СП, описать документ или дорогу от одной точки до другой, он почти наверняка не сможет этого сделать, запутается и впадет в прострацию. Кроме того, достоверность ответов полностью зависит от его внутренних установок. Если подопытный ответит вам, что Волга впадает в Дон, а не в Каспийское море, значит, так он и считает. Не более.

Время, отведенное для допроса, сильно ограничено. Доза препарата заранее рассчитывается в зависимости от веса и физического здоровья. Если переборщить, человек мгновенно

заснет мертвым сном. Если недолить - не будет результата. Препарат очень вредит любому организму, и его надо быстро нейтрализовать, введя противоядие с чашкой кофе или внутривенно. Напомню, что наутро Пичугин обнаружил у себя на руках следы уколов. Какой гадостью были пропитаны фильтры сигарет, которыми угощали Пичугина, остается только гадать.

После этого человек засыпает тяжелым наркотическим сном и приходит в себя медленно. Сознание то просветляется, то вновь пропадает. Вспомним, как Алексей описывал свои ощущения в течение трех суток после допроса. Нет сомнения, доза была предельной!

Проснувшись, подопытный не помнит, что с ним было с момента, когда препарат начал оказывать свое действие. Обычно разведчики рассказывают несчастному, что он просто выпил лишнего. Ощущения на следующий день, пока препарат еще в крови, очень напоминают состояние тяжелейшего похмелья, алкогольного отравления.

Вспомним все рассказанное адвокатами Пичугина. Чрезвычайно похоже на эту картину. Такая версия событий дает очень простой ответ на вопрос, почему на допросе Пичугина вдруг появились сотрудники ФСБ. Ведь следствие по подозрению в убийстве - это чисто прокурорский вопрос... Дело в том, что ни прокуратуре, ни уж тем более своим заклятым коллегам из милиции тайну СП чекисты не доверяют никогда.

Впрочем, и применение СП против собственных сограждан в ходе заурядного уголовного дела может быть объяснено только особыми политическими обстоятельствами, которые и послужили причиной атаки на "ЮКОС". Заурядного убийцу не посадят в Лефортово и не приведут к нему следователей с васильковыми околышами и подозрительным кофе.

Есть и другая версия событий - самодеятельность ФСБ. Впрочем, еще менее лестная для современных спецслужб. Необходимо обратить внимание на разрыв во времени между включением сотрудников

ФСБ в следственную группу и началом дела Пичугина. Первое случилось лишь 7 июля! В этот день начальник управления по расследованию особо важных дел Генпрокуратуры РФ Лысейко пишет постановление о производстве предварительного следствия следственной группой. Пунктом 2 он назначает начальником следственной группы Буртового. А пунктом 3 к работе следственной группы привлекаются сотрудники 6-го отдела управления "К" ДЭБ ФСБ России капитан С. Тамбовцев и старший лейтенант Д. Ананьев.

ФСБ и ранее участвовала в этой истории: достаточно вспомнить рапорт Ананьева. Заключен Пичугин без каких-либо объяснений в следственный изолятор ФСБ. А ведь обвинение - банальная уголовщина, ни с какой стороны не касающаяся деятельности спецслужб. Видимо, официально включать офицеров не спешили, все шло в рамках оперативного сопровождения следствия.

Чего испугался следователь

После истории со спецпрепаратом следователь Буртовой неожиданно пишет запрос в Лефортово: срочно объясните, когда и сколько раз Ананьев и Тамбовцев входили к Пичугину. Из запроса видно, что начальник следственной группы этого не знает. Или хочет показать, что не знает. Почему? Не потому ли, что спецмероприятие закончилось полным фиаско? Никаких интересных показаний Алексей под воздействием служебного наркотика не дал. Всю ответственность несли исполнители, и Буртовой, струхнув, на всякий случай начал свое разбирательство. Так появился запрос начальнику следственного изолятора в Лефортове Макову.

Хронологически история со спецпрепаратом выглядит так. Адвокат Каганер и следователь Чуркин из Тамбова пришли забирать кровь у подследственного для генетической экспертизы: надо было сравнить ее с полученными образцами. Накануне вечером Пичугин рассказывает о применении к нему неизвестных препаратов, а 16 июля это становится известно и следователю Чуркину. И в этот же день кровь забирают на анализ! Вскоре после применения, когда препарат ФСБ еще в крови Пичугина и его, как пьяного, шатает на ходу. Какая удача!

Защита в тот же день официально требует провести экспертизу крови и медицинское освидетельствование. В следственной группе начинается непонятная суета. Следует отказ в экспертизе и освидетельствовании: нет оснований. Одновременно следствие заявляет, что никаких следственных действий с Пичугиным не проводилось. На следствие массой валятся запросы правозащитных организаций и депутатов. Но следствие упорствует: ничего не знаем.

Однако под давлением общественности назначается допрос Пичугина по его заявлению (его содержание я изложил ранее). Защита требует возбудить уголовное дело в отношении Ананьева и Тамбовцева и получает мгновенный отказ с занятой формулировкой: "Пичугин сам оговорил ФСБ, желая оправдаться перед Ходорковским и "ЮКОСом". И все же 17 июля проводится допрос Ананьева. Тот подтверждает: был он с Тамбовцевым в камере у Пичугина в тот день - поговорили ни о чем да и пошли себе домой.

И тут прокурорские начинают понимать, что чекисты могли заняться самодеятельностью, втайне допросив Пичугина, но потерпели фиаско. Во время работы над книгой из источников, вполне компетентных, мне стало известно, что сверху дали самое строгое указание: найти хоть что-то для уверенного обвинения. И оперработники решились на применение СП.

Буртовой мог знать об этом. 24 июля проводится внешний осмотр рук Пичугина. Но следы инъекций уже заросли, а кровь его исследовать так и не решились, несмотря на солидный срок, прошедший со дня служебного преступления. Дальнейшее разбирательство показало, что Ананьев и Тамбовцев при проходе в тюрьму записались следователями, и попасть туда они могли только по разрешению самого Буртового - такова процедура. А теперь вспомним, что с 7 июля они формально числятся в составе следственной группы... Так что все сходится.

Что стоит за психотропной атакой на Пичугина? Неважно, была ли это самодеятельность сотрудников ФСБ или согласованное

действие, от которого Генеральная прокуратура поспешила откеститься после провала.

Главное в другом. СП - это даже не детектор лжи, это гораздо серьезнее. Если бы Пичугин знал хоть что-нибудь о своих или чужих преступлениях, он выложил бы все как на духу. И то, что впоследствии в обвинении не появилось ни одного сколько-нибудь серьезного эпизода, свидетельствующего о его виновности, доказывает, что он невиновен.

Дорога в Страсбург

Адвокаты как могли помогали Алексею в этой ситуации. Но много ли они могли, если суд превратился в отдел администрации президента? События 14 июля, когда Пичугину ввели психотропные средства, обжаловались в Басманном суде. Суд в удовлетворении жалобы отказал, посчитав, что все проверено правильно и ничего не установлено. Отказ был обжалован в кассационном порядке. На этом внутригосударственные средства защиты были исчерпаны. То же самое касалось и протестов защиты о незаконности содержания Пичугина под стражей.

Оставался Европейский суд по правам человека. Адвокат Костромина зарегистрировала обращение в Страсбург в ноябре 2003 года, составив документ на основании статей 3 и 5 Европейской конвенции по правам человека. В дальнейшем Костромина регулярно, после каждого продления сроков заключения, посылала в Страсбург дополнения, фиксируя это для будущего процесса.

У Европейского суда есть специальный формуляр подачи заявлений. В апреле 2004 года Костромина ознакомила с таким документом Алексея Пичугина - для подписи и отправки в Страсбург. Тут же, на очередном ознакомлении с делом, следователь Генеральной прокуратуры пригласил ее в кабинет, заявив, что имеет приказ руководства ее опросить.

Что значит опросить адвоката? Следователь понимал всю дикость подобного заявления, но вынужден был исполнять приказ.

Ведомство Устинова интересовало, выносила ли она для отправки за границу подписанный Пичугиным формуляр обращения в Европейский суд по правам человека. Отвечать Ксения Костромина, естественно, отказалась. Но случай показательный.

Впрочем, в одном обращении в зарубежный суд уже дало результат. В своей жалобе Костромина сообщала, что Пичугин содержится в Лефортове, в ведомственной тюрьме ФСБ. Между тем при вступлении в Совет Европы Россия обязалась вывести все изоляторы в подчинение Минюста.

Таким образом, изолятор ФСБ существовал в нарушение обязательств, данных Европе. Так вот, за считанные дни перед приездом Сабины Лойтхойзер-Шнарренбергер, докладчика ПАСЕ, присланной разобраться в делах "ЮКОСа", Пичугина срочно перевели в изолятор Минюста.

Суэта чиновников, их прихотливая логика иногда принимают гротескные черты. В деле Пичугина нарушены фундаментальные принципы мирового права, а наши правоохранители хотят произвести впечатление на гостя - в правильную тюрьму, мол, подследственного определили. Спалили полдома и заботливо закрывают дверь на крючок. Представитель ПАСЕ все равно отметила в докладе это нарушение.

Но для Пичугина перевод имел положительные следствия. В Лефортове он очень плохо себя чувствовал, похудел на 35 кг. А в "Матросской Тишине" неожиданно резко пошел на поправку и даже прибавил в весе. То ли в Лефортове сами стены высасывают из человека здоровье, то ли его там чем-то все же травили?

Так или иначе, не получив от Пичугина ни информации о преступлениях, которые он якобы совершил, ни компромата на руководство компании, следователи приуныли. Быстрой победы не вышло. Началось долгое предварительное следствие.

В третьей главе я писал, что в интересах истины еще на этапе предварительного следствия необходимо было проверить все версии об исчезновении Гориных, выдвинутые следователем Буртовым в письмах Нургалиеву и Заостровцеву. И важнейшую роль тут играют история и портрет пропавшей четы.

Я и мои коллеги из "Новой газеты" не обладаем возможностями силовых структур. Сделали то, что смогли, а о результатах судить читателям.

Ольга и Сергей Горины официально считались безработными, причем в течение длительного времени. Между тем они жили в коттедже в престижном пригороде Тамбова, в который переехали из квартиры в элитном доме. Имели несколько машин, водителя, няню. Квартиру тоже оставили за собой. В ней сейчас живет Галина Дедова, свекровь Горина, выступившая на процессе одним из ключевых свидетелей.

На бедствовавших людей Горины не были похожи. Значит, у пропавших был какой-то источник теневого дохода. Какой? Это очень важный вопрос, и обвинение даже попыталось на него ответить. По версии прокурорских, свет на этот вопрос проливают показания бывшего товарища Горина, также обвиняемого по делу Пичугина, - Пешкуна.

Согласно этим показаниям, некоторое время назад Горин ездил к отцу Ходорковского. И якобы пригрозил рассказать о своих грязных делишках с Пичугиным. То есть открыто шантажировал отца владельца крупнейшего в России холдинга. Следствие не уточняет, правда, как он вообще попал к патриарху самой богатой в России семьи: очень сомневаюсь, что там был проходной двор. Но следствие даже не задается таким вопросом.

И вот, вместо того чтобы дать отпор шантажисту, известный строгим нравом старший Ходорковский, по версии Пешкуна и обвинения, безропотно выслушал бандита. И почему-то не попытался рассказать об этом вопиющем факте ни сыну, ни службе безопасности "ЮКОСа". Это обстоятельство также не было

исследовано. Якобы именно после этого визита к отцу Ходорковского у Сергея Горина появились деньги, на которые он и зажил на широкую ногу. Такова версия прокуратуры.

На секунду представим все же, что Горин действительно был у Бориса Моисеевича. Шантажистов и предателей не любит никто, а здесь речь шла даже не о Ходорковском - всего лишь о каком-то достаточно мелком служащем Пичугине. Его Ходорковский-старший если и знал, то уж точно не близко: только в центральном офисе "ЮКОСа" работало более трех тысяч человек. Да и сам Борис Моисеевич не раз публично заявлял, что никогда не встречался с Гориним и, более того, как человек старой закалки просто послал бы шантажиста куда подальше. Эти слова прокуратура, конечно, не услышала.

Однако вернемся к заработкам Горина. По-барски он зажил задолго до гипотетического визита к Ходорковским. Строительство и содержание дома с прислугой, покупку машин и элитной квартиры сорока тысячами тоже не объяснишь. Если учесть время приобретения этого богатства, версия Генпрокуратуры даже в приблизительном рассмотрении не выдерживает критики.

Так почему же столь важен вопрос, на какие деньги безработные Горины приобрели и содержали такое хозяйство? Потому что ответ на него может пролить свет на обстоятельства и мотив преступления, причем куда более правдоподобный, чем тот, что выдвинут в результате умозаключений прокурора. А ведь именно на мотиве строится все обвинение. Поэтому ниже нам придется подробно исследовать этот вопрос.

Жизнь как авантюра

Исчезновение Гориных вызвало в Тамбове если не сенсацию, то весьма определенный интерес.

- Понимаете, все восприняли эту историю с определенной долей скепсиса, - рассказывает тамбовская журналистка Таисия Кириллова, работавшая в те годы в газете "Тамбовская жизнь". - В

городе ходили упорные слухи, что Горин оказался должен очень солидным людям. И его исчезновение якобы связано именно с этим. Никто вообще-то не верил, что его убили, потому что "исчезал" он не первый раз.

Здесь мы подходим к очень неоднозначному прошлому Сергея Горина. Как выяснилось, он был довольно известным человеком в масштабах Тамбова. В 1993 году Горин организовал ЗАО "Алгоритм". Хотя многим изначально было понятно, что это именно финансовая пирамида, за три года "Алгоритм" собрал с доверчивых земляков около двухсот миллионов долларов.

Каким имуществом располагал "Алгоритм" и куда вкладывались собранные деньги, неизвестно. Публично Горин декларировал ряд инвестиционных проектов. В Тамбове, например, до сих пор стоят развалины радиозавода, строительство которого начинал именно "Алгоритм".

Однако известно, что на деньги "Алгоритма" было куплено несколько крупногабаритных квартир в Москве, Питере и Тамбове. Осведомленный в делах областной администрации источник утверждает, что квартиры предназначались для ключевых фигур области, а также их родных. Фактически областная администрация использовала Горина и "Алгоритм" для теневой приватизации крупной государственной собственности. В частности, речь идет о ряде офисных зданий, где ныне располагаются крупнейшие банки области и самые большие продуктовые магазины.

Аффилированные с "Алгоритмом" структуры участвовали в широко разрекламированных социальных программах области. Валерий Николаевич Сытник, возглавлявший в тот период областную Ассоциацию среднего и малого бизнеса, так рассказывает об основанном Гориним "Алгоритме":

- Это была крупнейшая финансовая пирамида нашей области. В Тамбове с ним могли конкурировать только "Русский дом селенга" и "МММ". При этом Горину оказывалась явная поддержка со стороны областной администрации. Лично у меня сложилось мнение, что

крупные чиновники из администрации области контролировали "Алгоритм". Ему искусственно создавались условия для благоприятного развития. Например, все официальные газеты и областное телевидение давали рекламу только "Алгоритма". О Горине ходили слухи, что он человек администрации. Если нужно было решить какие-то вопросы, обращались к Горину.

Однако к 1997 году пирамида рухнула. И областное управление по борьбе с преступлениями в сфере экономики возбудило уголовное дело. Горин подался в бега. Правда, скрывался он скорее от обманутых вкладчиков, чем от органов. Известно, что Горин регулярно появлялся в местном УВД и лично встречался с начальником УБЭП. Примерно раз в две недели. Как предполагают все, кто знал об этих встречах, - для передачи денег за затягивание расследования уголовного дела.

- Деньги у Горина действительно были, он тогда жил в роскошных апартаментах московской гостиницы "Спорт", - утверждает Сытник.
- Любопытно, что это было время, когда нынешняя областная администрация временно оказалась не у дел. У нас губернатор, который начинал руководить областью в 1993 году, был переизбран вновь только через срок. Любопытно и то, что как только старая администрация вернулась к власти, из "ссылки" вернулся и Горин. И сразу пошел в гору.

Кстати, в середине 90-х гостиницу "Спорт" связывали с преступной группировкой одной из прилегающих к Москве областей. В частности, говорилось о достаточно известном преступном авторитете, превратившем "Спорт" в свою штаб-квартиру.

Главная версия

Понятно, что Горин обладал секретами, чреватými страшным будущим для многих сильных губернии сей. Даже если он был лишь номинальным хозяином пирамиды, через него прошли такие деньги, из-за которых в те годы с людьми случались жуткие вещи. А в провинции случаются и сегодня.

- Здесь есть один непонятный для меня момент, - говорит Юрий Антоненко, известный тамбовский журналист, редактор газеты "Жизнь", занимавшийся на протяжении нескольких лет расследованием исчезновения четы Гориных. - В середине 90-х у нас убивали бизнесменов просто в неприличных количествах. И сегодня так называемая банда Кумарина, которая, как известно, является наиболее крупной ОПГ Петербурга, "крышует" в городе абсолютно все. У этой группировки отличные связи в областной администрации. В городе хорошо известна фамилия преступного авторитета, который является депутатом областного собрания и одновременно представителем ОПГ Кумарина в области. То есть выстроена определенная структура взаимоотношений криминала, бизнеса и властей. Понимаете? Так вот, насколько мне известно, у Горина никогда не было конфликтов ни с администрацией, ни с криминалом. Это говорит о том, что он был тоже встроен в систему. А поскольку через него проходили огромные деньги, он однозначно должен был ими делиться. Проблемы возникли у Горина, только когда на короткий срок поменялся губернатор. На него завели уголовное дело, он был объявлен в розыск. Правда, своеобразно. Известно, что Горин регулярно появлялся в городе и встречался с тогдашним начальником УБЭП.

У меня только одно объяснение такого странного расследования - он регулярно привозил деньги за затягивание следствия. А потом вернулась старая губернаторская команда. И Горин появился в городе совершенно свободно. До сих пор неизвестно, куда делось уголовное дело о мошенничестве в особо крупных размерах. А ведь на тот момент оно было самым громким делом в истории тамбовского УБЭП. Деньги-то в "Алгоритме" исчезли по нашим меркам просто колоссальные. Вот и спрашивается, что же такое Горин делал совместно с областными властями, если его так чисто "отмазали" от уголовного дела?

Задолго до письма Буртового в МВД и ФСБ все это было известно половине Тамбова. И любой агент из мелких жуликов слил бы своему оперу информацию об исчезнувших 200 миллионах. Почему

же в ответе силовики написали: "Оперативного подтверждения версия не нашла"? Видимо, никого и не опрашивали.

Первая версия Демидова

Когда стало известно об исчезновении Гориных, реакция местной прессы была показательна.

- У нас с органами установились нормальные отношения, и если в городе что-то происходит, то мы общаемся напрямую со следователями, - рассказывает Таисия Кириллова. - Как только стало известно, что дело поручено следователю Демидову, я разговаривала с ним. И тогда главной версией было вооруженное ограбление. Если, конечно, не брать во внимание то, о чем все думали в городе, - что он снова скрывается.

Но после того как дело Гориных было включено в обойму мероприятий по "ЮКОСу", на сцену выступила свекровь Галина Дедова, до поры молчавшая. Ее громкие интервью в прессе по времени совпадают с арестом Алексея Пичугина в июне 2003 года. В одном из них она говорит:

- ...В тот день был звонок. Я беру трубку, говорю: "Алло!" - и слышу: "Олечка!". Я говорю: "Это не Олечка, Олечки нет, а кто это?". Он говорит: "Это Алексей, я жду Сергея, а что случилось?". Я: "Их похитили". Ну, если дословно, он сказал: "Ни хрена себе, письмецо из дома". Он мне выразил соболезнование. Я говорю: "Ну, он же собирался по работе к вам". Он мне ответил: "Не по работе, просто мы хотели встретиться, давно не виделись, не по работе". Хотя Сергей говорил, что они должны были решить вопрос... Вплоть до того, что он должен был принести все свои документы, как бы на собеседование, и должно было состояться назначение. И еще меня сразу кольнула мысль, что Алексей не мог перепутать наши с Ольгой голоса.

Именно на этом куске прямой речи и начала выстраивать свои обвинения прокуратура. Из слов Галины Дедовой получалось, что, во-первых, Горин накануне своего исчезновения собирался на

встречу к Пичугину. Впоследствии это подтвердит и водитель Горина Пешкун. Далеко не сразу, но из показаний водителя стало следовать: Горин чего-то боялся настолько, что возил с собой нож. Это немножко наивно - ножом сегодня можно отпугнуть разве что случайного грабителя.

И второе - Пичугин, по версии Галины Алексеевны, никак не мог перепутать голоса Дедовой и ее дочери Ольги. Причем никаких серьезных доводов по этому поводу не приводится. Тем не менее впоследствии этот звонок Пичугина прокуратура посчитала попыткой создания себе алиби. А ведь до того, как дело стало политическим, версия возможного ограбления, которая косвенно подтверждается и показаниями Пешкуна, отрабатывалась тем же самым следователем в числе первых.

Если Пичугин не хотел привязывать исчезновения Гориных к себе, зачем он вообще звонил? Кто бы тогда узнал, что Горин собирался к нему? Пешкун вряд ли по своей воле стал бы делиться откровениями в прессе по этому поводу. Он, в отличие от Дедовой, так и не дал ни одного интервью.

Горин и "МЕНАТЕП"

Для чего все же собирался Горин к Пичугину? По версии обвинения, чтобы и дальше шантажировать Пичугина - после предполагаемого визита к старшему Ходорковскому у них могли возникнуть взаимные финансовые претензии. Больше того, Горин, по той же версии, в течение длительного времени, угрожая разоблачением, добивался от Пичугина, чтобы тот помог ему занять должность директора представительства "ЮКОСа" в Тамбовской области.

Этот вопрос Сергей Горин якобы и ехал решать. Но Пичугин в принципе не мог помочь Горину устроиться вновь на предприятия "ЮКОСа". После того как загадочным образом кончилась эпопея с "Алгоритмом", а уголовное дело закрылось как бы само собой, без всяких последствий для Горина, он какое-то время считался безработным. Вскоре его рекомендуют на пост руководителя

открывавшегося в Тамбове отделения банка "МЕНАТЕП". Кто рекомендует? Некий загадочный представитель от "кумаринских".

Пичугин, в прошлом не последний сотрудник ФСБ Тамбовской области, приехал в город подготавливать открытие отделения банка. Тогда-то "большие люди" и рекомендовали ему Горина в качестве управляющего.

Менеджеры "ЮКОСа", в том числе и сотрудники, отвечающие за безопасность, безусловно, понимали, зачем областной администрации понадобилось ставить во главе банка своего человека, причем такого, как Горин. Но вынуждены были с этим мириться: москвичам необходимо было укрепиться на неосвоенной территории. Фактически это был компромисс. И кончился он скандалом.

Горин на посту управляющего развил бурную деятельность. В кратчайшие сроки банк получил лицензию, ему дали, практически за копейки, прекрасное здание. А потом из бюджета области в банк ушли большие деньги на финансирование программы строительства государственного жилья. В центре города было снесено несколько зданий, а на их месте вместо дешевого и доступного жилья появился элитный дом, где обосновались чуть ли не все главные чиновники области.

Иными словами, чиновники использовали "МЕНАТЕП" для незаконного финансирования строительства. Аудит со стороны главного собственника выявил в банке огромные хищения. Собственники терпеть не стали. Было инициировано уголовное разбирательство, Горин снова оказался в центре скандала. Правда, и в этот раз ему удалось выйти сухим из воды: его просто уволили из банка, хотя и с волчьим билетом.

Однако никто Горина не преследовал и тем более не убивал. Для области, где привыкли к жестоким расправам за малейшую провинность, позиция "ЮКОСа" выглядела более чем цивилизованной. Пичугина же, судя по тому, что он сохранил свою

должность, руководство концерна посчитало не причастным к этой истории.

Видимо, каким-то образом администрации все же удалось договориться с руководством концерна: три из четырех уголовных дел по хищениям в "МЕНАТЕПе" были закрыты. Кстати, по одному из них свидетелем проходила Галина Дедова. Она работала в то время экономистом в подрядной фирме, участвовавшей в длинной цепочке, по которой шло незаконное финансирование. Вполне возможно, это старое уголовное дело и стало тем аргументом прокуроров, после которого Галина Дедова написала свое знаменитое письмо Ходорковскому, обвинив "ЮКОС" в исчезновении дочери и зятя.

Итак, Горин не мог рассчитывать на место в "ЮКОСе", а уж тем более на помощь Пичугина. Да и для своих бывших покровителей из администрации области скомпрометированный Горин перестал представлять интерес. На языке профессиональных аферистов, он был классическим "презервативом", средством одноразового пользования. Возможно, только для Пичугина как сотрудника, отвечающего за безопасность концерна в Тамбовской области, он продолжал представлять определенную ценность. Как источник информации.

Представить, что Горин вдруг осмелится шантажировать могущественный "ЮКОС", можно только по специальному поручению администрации президента. У Горина, пешки в чужих руках, вообще не было права на самостоятельные шаги. А вот поспорить с покровителями из-за денег, украденных в ходе этой аферы, Горин мог запросто. Кроме того, он знал, кому и как достались квартиры в элитном доме. И такая осведомленность не могла не беспокоить вороватых сановных жильцов.

Горин и тамбовская нефтянка

А еще, объяснял суду прокурор, Пичугин и Горин готовили захват унитарного предприятия "Тамбовнефтепродукт". То есть якобы хотели устроить теневую приватизацию государственного

предприятия. Не ведая того, прокурор подтвердил подозрения областных журналистов и сыщиков: если Горина действительно убили, то, скорее всего, именно из-за манипуляций с нефтепродуктами.

Ни Горин, ни Пичугин не обладали такой экономической властью, чтобы осуществить захват предприятия, через которое шли все бюджетные закупки нефтепродуктов для области. Весной 2002 года в бюджете области были вскрыты хищения огромных средств. Исчезли деньги, отпущенные на финансирование льготных поставок топлива для обеспечения посевной. Посевная в области оказалась практически сорванной. Эта история стала даже объектом внимания Генпрокуратуры.

Оставшийся не у дел Горин действительно пытался тогда подрабатывать посредником, теневым нефтетрейдером, в системе обеспечения льготных поставок топлива для сельских предприятий. Ни для кого не секрет, что манипуляции с бюджетными деньгами - главный источник доходов недобросовестных чиновников (вот откуда появляются все коттеджи и бронированные лимузины).

Если брать наш случай, то был использован один из самых известных способов извлечения незаконной прибыли. Взять нефтепродукты у производителя (в данном случае имеется в виду Рязанский НПЗ) по фиксированной, максимально низкой цене. Затем пропустить через несколько посредников (нефтетрейдеров). При этом цена топлива вырастает, а в отчетах регистрируется только официальный последний поставщик. В данном случае это, видимо, и был "Тамбовнефтепродукт". При этом уровень прибыли выше, если работать с наличными, и не остается никаких следов.

Судя по всему, именно этим и пытался заниматься Горин в последний год. Причем он так и не смог вклиниться в систему поставок нефти "ЮКОСа". Концерн, охранявшийся Пичугиным, был вертикально интегрированной компанией. То есть имел полностью закрытый технологический цикл - от производства нефти до реализации конечного продукта непосредственно потребителям. За последние два-три года перед описываемыми событиями "ЮКОС"

вложил огромные деньги в строительство и модернизацию около ста пятидесяти автозаправок.

По этой причине отпускные цены на предприятиях "ЮКОСа" были всегда несколько выше. И бензин на заправках "ЮКОСа" тоже недешев. Зато концерн стал одним из самых прозрачных предприятий в России и для целей Горина не годился именно из-за высоких отпускных цен.

Горин, по данным наших источников, работал с большими наличными суммами. И оказался замешан в очередной скандал. Вероятно, в этот раз - с чисто "конкретными" последствиями. Не вернул деньги, которые, скорее всего, занимал для обеспечения нефтяных поставок. А когда начались проблемы - обратился к Пичугину, который все-таки был крестником его сына.

Это лишь версия. Правда, версия, к которой в Тамбове относятся серьезно. Да и в Генпрокуратуре знали о ситуации вокруг "Тамбовнефтепродукта". И не преминули использовать это знание, притянув Пичугина к нефтяному делу. То есть повесив на Алексея чужое преступление.

Мечь оборотня в погонах

Интересна версия о причастности к убийству супругов Гориных милиционера Смирнова, впоследствии осужденного за кражу топлива из трубопровода. Это тот самый человек, который должен был сопровождать Горина в Москву к ожидавшему его Пичугину. Заехав к нему домой рано утром, как договорились, он и обнаружил преступление.

Овсянников, свидетель по делу, сообщил, что Смирнов возглавлял банду, грабившую водителей-дальнобойщиков. Будучи в курсе многих деталей "бизнеса" Горина, он шантажировал его как представитель правоохранительных органов. То есть Горин платил Смирнову за безнаказанность. В определенный момент Горин узнал о банде Смирнова. Область небольшая, а круг общения у них был один. Он или перестал платить Смирнову, или поставил вопрос

ребром. И Смирнов убил Горина в ночь запланированного отъезда - тот стал слишком опасен.

Что можно добавить в дополнение к этой версии? Смирнов подъехал к дому Гориных рано утром и обнаружил, что ни мобильный, ни, самое главное, домашний телефоны не отвечают. И после этого он, по его же показаниям, два часа сидел в машине на обочине дороги и ждал неизвестно чего. Объяснение у него довольно милицейское: у Горина на участке бегают очень злые овчарки, и он просто боялся. Сидел два часа и боялся.

Наконец пришла няня. Вместе с няней Смирнов в дом зайти не побоялся. И тут обнаружил, что все собаки заперты в вольере. Выходит, пока не пришла няня, он этого не заметил. На что ушли эти два часа до рассвета? Нормально ли, что опытный милиционер и осужденный впоследствии бандит два часа ждал в машине и не обратил внимания, что собаки по участку Гориных не бегают? Добавлю, что Смирнов нагло пользовался своим милицейским статусом в целях прикрытия, был чемпионом области по стрельбе и в "своем" уголовном деле фигурирует как личность почти отчаянная.

По показаниям детей, поздним вечером, незадолго до своего трагического исчезновения, супруги Горины на короткое время отъехали из дома. И вернулись, судя по голосам, с кем-то еще. Утром собаки, на которых много наследивший в своей жизни Горин возлагал особые надежды по части охраны, оказались накрепко привязаны в вольере. Вернулся ли Горин с близким знакомым, ради которого привязал собак? Не этот ли знакомый и оказался преступником? И мог ли им быть Смирнов?

Сразу после исчезновения Гориных Смирнов дал однозначные показания на допросах: "Ничего не знаю. Никого не подозреваю. Ничего подозрительного накануне отъезда в поведении Гориных не заметил. Горин никому не был должен и ничего не опасался". Это не показания милиционера. Это показания зека.

В марте дело перешло в руки Генеральной прокуратуры и "специалистов" из ФСБ. Начались повторные допросы Смирнова. И

тут он неожиданно заявил, что с самого начала подозревал в преступлении Пичугина!

Все изложенные факты были известны задолго до того, как дело Пичугина поставили на острие атаки против "ЮКОСа". Просто следствие толком не велось.

Убийство Горина в ряду нерасследованных убийств

Вспомним о показаниях сына Ольги Гориной, Димы. Преступники, ворвавшиеся в дом, называли по телефону клички: Кабан, Бык, Собака. Это прямая ниточка к исполнителям. Тамбов город небольшой. И людям осведомленным хорошо известно о так называемой банде Свина (или Кабана). Со второй половины 90-х годов по Тамбову прокатилась волна убийств бизнесменов. Хронологически она совпадает со второй волной теневой приватизации и передела собственности в интересах ключевых фигур области.

В частности, сыщики Тамбова и журналисты называют фамилии первых чиновников области. Момент, важный для понимания сути дела: областью руководят сегодня те же люди, что и во времена "Алгоритма". Источник, близкий к криминальным кругам, утверждает, что часть убийств совершила группа под предводительством Свина. Этот человек - приезжий, не из блатных - свою кличку получил за расплюснутый нос и характерный говор.

Иногда в Тамбове намекают, что сам Свин и его люди - из каких-то серьезных силовых структур. Вывод был сделан потому, что банда держалась на удивление уверенно, практически не скрываясь. Но самое интересное, что стиль их преступлений, особенно при захвате чужой собственности и рэке, полностью совпадает с картиной преступления в доме Гориных. Люди в милицейских масках врываются в квартиры, забирали, как правило, всех, кто там был, и вывозили за город. После чего решались спорные вопросы. Были даже случаи захвата детей.

Сегодня любой человек, разбирающийся в своеобразном тамбовском бизнесе, скажет, что в области "крышует" все, что только представляет интерес, питерская группировка так называемых тамбовских. В обладминистрации их человеком считается один из вице-губернаторов, чьим протеже являлся Горин. В свою очередь, чиновник осуществляет связь с самой грозной преступной группировкой Питера через некоего хорошо всем известного депутата областной Думы.

Горин не мог не быть вовлечен в сферу деятельности "тамбовских". Его открыто называют их человеком большинство наших источников. Именно через него "тамбовские" настойчиво пытались проникнуть в империю "ЮКОСа" - есть информация, что Пичугину даже предлагали большие деньги за хорошие рекомендации Горину для назначения на пост директора "Тамбовнефтепродукта".

Однако Алексей, один раз обжегшись на Горине, предпочитал больше не рисковать. Кстати, это еще раз доказывает, что "ЮКОС" очень негативно относился к любым криминальным типам и делал все, чтобы не допустить их в свою структуру.

Что же за отношения связывали пропавшего Горина и арестованного Пичугина? Самый вероятный ответ: Горин был особо ценным источником оперативника Пичугина в криминальной среде Тамбова. Источником настолько ценным, что чекист, которого с души воротило от бандитов, вынужден был идти на некоторые жесты, позволяющие имитировать дружеские отношения. Он, хоть и без особого энтузиазма, крестил его ребенка. Редкими наездами рыбачил с Гориним и регулярно обещал устроить его на работу то в "ЮКОС", то еще куда-то.

Это те мелкие услуги, которые любой оперативный сотрудник оказывает агенту, подчеркивая его значимость и демонстрируя заботу. Ну а информация Горина помогала Пичугину предотвращать проникновение в кадры местных подразделений "ЮКОСа" зависимых от криминала людей. Судя по успехам компании в области, Пичугин был классным сотрудником.

С подобными источниками в Тамбове общались и мои коллеги, расследуя прошлое Горина. По их мнению, Горин как член ОПГ Кумарина, выполняя "поручения" Пичугина, просто не мог прибегнуть к услугам такого типа, как Коровников.

Дело в том, что "кумаринские" среди славянских группировок считаются одними из самых "понятливых", то есть живущих по твердым законам преступного мира. Коровников же был насильником и отморозком. Он убивал людей не ради наживы. Он не грабил и не воровал, он просто был отморозком. Или маньяком вроде Чикатило. Всех, кто сомневается в моих словах, адресую к его уголовному делу, к тем омерзительным эпизодам, о которых я уже писал. С точки зрения просто "здравомыслящего" бандита, ни один серьезный человек не будет иметь дела с личностью вроде Коровникова. Нанимать Чикатило в качестве исполнителя по заказу высшего менеджмента крупнейшей компании России не придет в голову даже любителю. Что уж говорить о таком "крученом" человеке, как Горин. Находясь в криминальной среде, он должен был мыслить ее категориями. Есть вещи, которые он обязан был учитывать.

Я имею в виду, что Коровникова как насильника "опустили" в камере по поручению милиционеров еще на стадии предварительного следствия по его собственному делу. И впоследствии, как утверждают, его еще раз сильно "опускали", чтобы он дал нужные показания...

Двойной агент

В 2002 году в Тамбове и Питере произошло два знаменательных для нашего расследования события. В Тамбовской области работала бригада следователя по особо важным делам Генпрокуратуры. А в Питере началась очередная криминальная война за передел собственности. В частности, атаке подвергся и бизнес "кумаринских" (то есть "тамбовских").

Тут полезно знать, что еще в 1997 году все "пирамидальные" дела обманутых вкладчиков были затребованы в Следственный комитет

при МВД РФ, ими занимались следователи по особо важным делам. Именно тогда Горин попал в оперативную разработку СК МВД РФ. В Ассоциации обманутых вкладчиков (Москва) очень хорошо знают "Алгоритм" как крупнейшую региональную "пирамиду". И, как утверждают активисты ассоциации и люди, видевшие уголовное дело Горина, его детали однозначно указывают на связь нынешних руководителей области с масштабными аферами на заре тамбовской приватизации.

Генпрокуратура в своей проверке использовала материалы уголовного дела по "Алгоритму", а также оперативную разработку СК. Очень высока вероятность, что Горина милиция завербовала еще в 90-х годах. В обмен на свою свободу он вынужден был рассказывать все, что знал. К началу проверки Генеральной прокуратурой в 2002 году Горин как особо осведомленный источник стал ключевой фигурой в готовившемся расследовании. Могло это быть главным мотивом его исчезновения? Безусловно, ведь знал он очень много. В области, где убивали и за гораздо меньшее, это обстоятельство - почти приговор.

Есть и второй, не менее обоснованный, мотив предполагаемого убийства. В ходе криминальной войны в Санкт-Петербурге, в которую были вовлечены органы внутренних дел, начали всплывать факты из прошлого, знать которые могли только доверенные лица группировки. Иными словами, кто-то из банды давал информацию милиции, и преступники начали спешно закрывать следы. Могли они вспомнить о контактах Горина с милицией?

Все перечисленные версии, строящиеся на участии Горина в "тамбовской" ОПГ, более чем вероятны. Какая бы из них ни оказалась истинной, его судьба была predeterminedена законами криминального мира. Так почему же следователь областной прокуратуры Демидов, которому было поручено дело, даже не стал рассматривать эти версии? Я могу предположить на основании собственного опыта: потяни он эту ниточку - скорее всего, сегодня был бы уже гражданским человеком. Или трупом. А тут так удачно сверху подвернулось "политическое" дело! Настолько удачно, что Демидов стал героем и телезвездой.

Я же берусь утверждать, что по эпизоду с Гориными Пичугин получил срок именно из-за халатной работы тамбовского следователя. Его оперативники не выполнили элементарных процедур. Например, такая мелочь, как контрольные пробы с места преступления (к ним мы еще вернемся), могла бы снять все сомнения. Вместо этого Алексей получил чудовищный срок. О безалаберном и непрофессиональном следствии на первом, неполитическом, этапе свидетельствуют многие детали.

Глава

6

Предварительное следствие. Детали

Интересно проследить действия сыщиков там, где сама судьба давала им огромные возможности. Я имею в виду технические и иные экспертизы, запросы. Измайлов, старший сын Гориных, сообщает на допросах, что главарь преступников в маске говорил с городского телефона Гориных. В одном из разговоров он услышал в голосе бандита подобострастные нотки и предположил, что разговор идет с неизвестным руководителем операции. В разговоре так и сыпались клички.

Защита подняла вопрос о проверке всех телефонных звонков, сделанных в ту ночь в телефонной соте поселка Радужный. Ничего не проверили! А это не самое сложное - узнать номера, на которые выходил в ночь преступления телефон Гориных.

Преступник спросил детей Гориных: "Где родаки?" (с ударением на последнем слове). Лингвистическая экспертиза, чтобы определить ареал употребления этого диалектного выражения, сделана не была. А ведь все свидетельства о Свине, например, подчеркивают его странный говор.

Один свидетель, подросток, дал показания, что от места преступления отъехала служебная машина милиции. Выяснить, где, по показаниям водителей, были той ночью служебные машины, совсем просто. Этого тоже никто не сделал.

Версий бытовых, не связанных с провинциальной политикой и прошлым пропавшего афериста, много. Их тоже нельзя исключать без проверки. Даже инсценировку похищения и убийства. Наиболее очевидны две. Первая: вооруженное ограбление по наводке своих же знакомых. Горин был богат несправедливыми деньгами и в банке их не держал. Можно было поискать дома. А место тайника узнать пыткой. Вторая версия - рэкет: из Горина пытались выбить долги.

Еще одно соображение - о надежности и достоверности свидетельской базы обвинения. Любой следователь обязан задаться вопросом: а можно ли доверять показаниям такого свидетеля, как Галина Дедова? Ведь она как минимум знала о махинациях своего зятя. Даже по внешним признакам ее действия вызывают вопросы.

В начале марта дело об исчезновении Гориных забирает Генеральная прокуратура. А в начале апреля Галина Дедова пишет свое знаменитое открытое письмо Ходорковскому, в котором фактически обвиняет руководство "ЮКОСа" в исчезновении своих родных. Это послание провинциалки подозрительным образом попадает в центральные газеты. А сразу после ареста Пичугина она дает интервью, в которых однозначно обвиняет крестного отца своего внука в убийстве Гориных.

Нелишне будет привести разговор Галины Дедовой с журналисткой Таисией Кирилловой сразу после выхода программы "Честный детектив" (РТР), в которой выступил следователь областной прокуратуры Демидов. Дедова жаловалась:

- Я полгода ходила к нему (Демидову), требовала, чтобы проверил Пичугина, - он только отмахивался. Я все время говорила ему - проверь этого, того... А он ни в какую.

Со слов женщины выходит, что в последнее время Демидов просто избегал ее, а какое-то время следственные действия по факту исчезновения Гориных вообще не предпринимались. И вдруг тот же Демидов сам звонит Дедовой, и с этого момента она буквально не выходит из его кабинета, направляя все действия Демидова.

- Это я расследовала это дело и добыла ему Пичугина, а он все лавры присвоил себе, - обижается свидетельница.

Интересно, что сотруднику "Новой газеты" Демидов излагает другую историю. Он утверждает, что с самого начала подозревал Пичугина. И уверен, что мотив - истощающее доказательство убийства.

- Когда именно появилась столичная прокуратура?

- Ну я в течение полугода проводил здесь следствие, а как выяснилось, что следы ведут в "ЮКОС", то приехали московские следователи, и дело передали им. А фамилия Пичугина присутствовала в самом начале следствия.

- А как вы "вышли" на Пичугина?

- На него с самого начала указывали ближайшие родственники Гориных (*судя по всему, имеется в виду Дедова. - В.Ш.*). А потом столичные прокуроры нашли Коровникова.

- В деле Пичугина отсутствуют все основные компоненты общепринятого уголовного делопроизводства - не установлен до конца факт преступления, нет прямых доказательств, только достаточно спорный мотив и косвенные улики. Это нормально для вас?

- Безусловно. Я вот совсем недавно отправил одно дело в Астраханскую область. Там тоже человек осужден за двойное убийство только на основании косвенных улик. Так что это нормальная практика. Но вообще все основные моменты расследования проводила московская прокуратура, я только предварительное следствие провел.

Что ж, в особой роли московских следователей в деле Алексея Пичугина сомневаться не приходится. О том, что все их доказательства сводятся лишь к тому, что он мог желать смерти Горина, я рассказал. Для этого пришлось изучить все возможные мотивы действий Пичугина в отношениях с Гориным. И наше исследование жизни Горина, напротив, свидетельствует о

существовании у его собственных друзей и знакомцев очень серьезных мотивов убрать его из жизни.

Но у самого Горина тоже были веские мотивы исчезнуть! Он исчезал уже, случалось. До сих пор непонятно, кто и на какие деньги содержит детей пропавшей четы и его тещу заодно с обширным хозяйством. В Тамбове открыто говорят, что Горины живы, а их таинственное похищение с лужей крови - инсценировка. Но как это может быть? Ведь следствие доказало их смерть?

Тут я сказал бы по-другому: **следствию очень нужно было доказать их смерть**. Иначе Пичугина не в чем было бы обвинить. Но сделано это было так, что судебный процесс пришлось объявить закрытым. Чтобы не позориться. Это - самая интригующая часть нашего расследования.

Картина преступления

Эпизод с исчезновением и предполагаемым убийством четы Гориных является основным в деле Алексея Пичугина. Именно за него было присуждено 20 лет, и именно он вызывает больше всего вопросов. Судите сами. Трупы Гориных не найдены. Исполнители тоже неизвестны. Зато есть "заказчик". По версии Генпрокуратуры, это Пичугин. Как доказательство она приводит только предполагаемый мотив, озвученный двумя свидетелями. Один из них - человек, отбывающий пожизненное заключение за серийные изнасилования и убийства.

Обычно в заказных убийствах все бывает наоборот: есть убитые - как правило, публично - люди. Иногда - задержанные исполнители. И очень редко мы узнаем о мотивах и заказчиках преступления. Вспомните любое громкое убийство 90-х. Даже в официально раскрытых очень сложно понять, почему убили того или иного человека. В любом интервью на эту тему высокопоставленные силовики в один голос утверждают, что вычислить заказчиков в подавляющем большинстве подобных дел невероятно сложно. А уж доказать их вину практически невозможно.

Иными словами, в расследовании исчезновения четы Гориных все поставлено с ног на голову. Сыщики должны были проявить недюжинное мастерство, чтобы, перескочив несколько логических звеньев, сразу докопаться до истины. Это похоже на стрельбу по цели с закрытой позиции: не схватить убийц - назвать и изобличить заказчика.

Безусловно, такое бывает, но редко, в самых очевидных случаях. Ставя перед собой грандиозную задачу - осудить заказчика преступления в отсутствие исполнителей и собственно предмета преступления, следователи должны были понимать, что уликовая база висит на канцелярской скрепке недоказанного мотива. И все свидетельства, любая мелочь в их умозаключениях и выводах должны быть настолько убедительны, весомы, чтобы у судьи и присяжных не появилось и тени сомнений. В противном случае дело обречено. Если, конечно, это обычное дело и речь идет о честных присяжных, беспристрастных судьях и придерживающихся закона прокурорах и сыщиках.

Что же произошло на самом деле? Мои коллеги предприняли ряд командировок на место. Мы попытались восстановить последовательность событий, действия следствия и оценить первоначальные версии Буртового. Давайте разбираться.

Официально картина преступления выглядит следующим образом. 20 ноября 2002 года около восьми вечера группа неизвестных лиц проникла в коттедж четы Гориных в поселке Радужный. В доме находился 14-летний Дима Измайлов, сын Ольги Гориной от первого брака, его сводная сестра Ольга и двухлетний крестник Пичугина Алексей. Люди были в масках. Испугавшись, Дима схватил со стола будильник и швырнул в бандитов. За что получил рукояткой пистолета по голове.

Преступники затолкали детей в ванную комнату и подперли дверь комодом. В ванной было душно, и Дима отверткой пробил несколько дырок в двери для вентиляции. По разным свидетельствам, между 5 и 7 часами утра за Сергеем Гориным приехал его компаньон Смирнов. Они вместе должны были ехать в

Москву. Калитка забора была подперта изнутри штакетиной, на звонки никто не отвечал, и водитель решил подождать снаружи. К 9 часам утра пришла няня Гориных и заявила, что калитка уже давно должна быть открыта. Обеспокоенный Смирнов перелез через забор и обнаружил детей в ванной. Причем у Димы на голове была запекшаяся кровь.

Это то, что было озвучено прокуратурой в публично вывешенном обвинительном заключении. Кое-какие детали в прессу не попали. В ходе судебного разбирательства, например, стало известно, что дети слышали некоторые разговоры людей в масках. Один из них звонил по телефону и, в частности, называл клички - Кабан, Собака и Бык. Это важный момент, о нем позже.

Провинциальная рутина

А вот что установило наше расследование. После того как Смирнов понял, что Горины исчезли, он вызвал милицию. В тот же день дело было поручено старшему следователю областной прокуратуры Демидову. Сразу после сигнала на место происшествия выехала оперативно-следственная группа областного УВД. Запомним деталь: Демидов по каким-то причинам забраковал их отчет. Скорее всего, милиционеры произвели осмотр из рук вон плохо, и он назначил на следующий день, 22 числа, новый комплекс следственных мероприятий. Проводимых уже сотрудниками прокуратуры.

Что они обнаружили? В доме был явный беспорядок. Ящики шкафов выдвинуты, вещи в них перевернуты. На кухне мебель передвинута, окно закрыто подушкой. В подвале преступники нашли и вскрыли потайной сейф. Там же было обнаружено несколько пятен на стене и лужа крови на полу. Сыщики перерыли носом участок и на гравийной дорожке нашли кусочек биологического вещества неизвестного веса и размера. Охарактеризован он был как "тестообразное вещество серого цвета, предположительно мозговое вещество". Этот образец, обнаруженный при повторном осмотре, был упакован вместе с кусочком гравия, к которому прилип, в черный пластиковый пакет, опечатан печатью прокуратуры и подписями двоих понятых. Там же, в гараже, нашли

три пули и две гильзы от пистолета. Со всех пятен крови путем промокания марлевыми тампонами были взяты пробы.

Мы подробно описываем эту процедуру как ключевой момент в системе прокурорских доказательств. Уже на этой стадии были допущены первые процедурные нарушения со стороны следствия. В частности, понятыми при осмотре были Дедов (отец Ольги Гориной) и Пешкун (будущий обвиняемый) - самые заинтересованные в деле лица.

Не были взяты и так называемые контрольные пробы. Делаются они на случай, если в процессе исследования у экспертов появятся какие-либо сомнения. Защита или обвинение также могут подвергнуть сомнению результаты экспертизы. Тогда в дело и идут контрольные пробы.

Это настолько обычная и обязательная процедура, что должна выполняться автоматически. Как мыть руки перед едой или чистить зубы по утрам. Она не была выполнена. Почему? Мы задали этот вопрос следователю Демидову напрямую. Он ничего не смог ответить. Возможно, тамбовская прокуратура и в самом деле работает спустя рукава.

Была ли то халатность или простая оплошность, но впоследствии она сыграла роковую роль. Случилось именно то, для чего и берутся контрольные пробы: у экспертов уже на первоначальной стадии возникли сомнения. Потом результаты двух экспертиз разошлись столь кардинально, что, безусловно, нужна была третья. Но контрольных образцов не было.

Упакованные пробы отправили на экспертизу в лабораторию при УВД области, где они и лежали больше месяца, дожидаясь своей очереди.

На всем месте осмотра только в гараже имелась настоящая лужа крови, и именно из нее брались все пробы тампонами. Больше брать было неоткуда. Засохшие брызги со стен брали соскобами, это другой вид забора. Из этой лужи сделаны заборы: 1) следователями

МВД при первом осмотре - три марлевых тампона, из них два с веществом бурого цвета и один розового цвета (откуда взяты, не описано); 2) прокурорскими следователями при повторном осмотре - еще один тампон с веществом розового цвета. Проследим их судьбу последовательно.

Удивительные и невероятные приключения образцов

Перед экспертом тамбовского бюро судебно-медицинской экспертизы при Минздраве Семибратовой поставлена задача - определить группу крови изъятых с места преступления образцов. Не выяснить, кому принадлежит кровь, а определить группу, именно так. Она скрупулезно описывает три вскрытия - тампоны от первого и второго осмотров и черный пластиковый пакет с надписью. При вскрытии пакета *"обнаружена тестоватая биологическая ткань - вещество головного мозга IV группы крови. На вещество могло повлиять вещество-носитель (гравий, на котором лежал образец. - В. Ш.)"*. Что это объясняет? Да ничего: у обоих Гориных II группа крови! Семибратова делает два исследования - 20 и 24 декабря 2002 года. После этого она упаковывает вещдок в черный пластиковый пакет для вещдоков и опечатывает печатью *"Лаборатория судебно-медицинских экспертиз"*.

Читатель обязательно должен знать, что с этого момента по обязательной процедуре при любых дальнейших следственных действиях с этим пакетом он может только вкладываться в новые пакеты. На них специально делаются сопроводительные надписи, описывающие печати и надписи на вложенных внутри упаковках. *Сам пакет и вещество из него трогать и перемещать запрещается категорически!*

В начале марта 2003 года заурядное для российской провинции дело Гориных по непонятным в то время причинам передается Генеральной прокуратуре. Для меня это контрольная дата - значит, "ЮКОС" решено разгромить через уголовные дела недель-другой раньше. То есть сразу после спора Ходорковского с Путиным на памятном совещании.

К делу привлекли теперь уже экспертов ФСБ. И 20 апреля 2003 года эксперт, как бы в насмешку носящая фамилию Законова, производит новое исследование. Выводы Семибратовой должны быть опровергнуты. Назначается генетическая экспертиза. Якобы от следственной части тамбовской прокуратуры ей поступает на экспертизу *белый бумажный пакет, опечатанный синей печатью "Для пакетов № 2. Тамбовская прокуратура"!*

Он скреплен не подписью Семибратовой, а следователя и двоих понятых, без даты! Это подмена, такого не может быть. Куда дели настоящее вещественное доказательство с места преступления? Судья Наталья Олихвер на такой вопрос защиты и ухом не повела.

При вскрытии подмененного пакета Законова изъяла камень и некие микрочастицы красно-бурого цвета. Их-то и предстоит изучить в генетическом исследовании и сравнить с образцами ДНК родственников Горина. Но что это за странные частицы? Логично назначить цитологическую экспертизу и точно установить, из какой части тела они происходят. Но такая экспертиза не назначается.

Законова устанавливает принадлежность частиц Горину и, не моргнув, пишет в выводах: "Вещество головного мозга принадлежит Горину". Да откуда она знает, что это головной мозг? А если это специально приготовленная субстанция из ногтей и волос Горина, снятых ушлыми чекистами и прокурорскими с его одежды, которую как вещдоки вывозили из дома тюками? Кто приказал Законовой вставить в эту фразу упоминание о головном мозге?

Ведомственная экспертиза оказалась эффективнее ведомственных спецпрепаратов, примененных к Пичугину. Теперь у следствия появился труп Горина: без мозгового вещества он жить не может. Ну а как быть с выводом Семибратовой о IV группе крови этого вещества? Какая мелочь! Да у нее аппаратура старая. Провинция, что поделать!

Главное сделано. Теперь осталось лишь устранить несоответствия групп крови образцов с места преступления и пропавших Гориных. Эксперты ФСБ вспоминают о записи Семибратовой: "на вещество

могло повлиять вещество-носитель". Они закладывают образец микрочастиц в свои чудесные современные центрифуги и получают нужный результат. И это правильно - на такое важное дело надо бросить самую лучшую аппаратуру. Семибратова, кстати, пыталась исключить влияние гравия на образец точно теми же методиками. Но снова получила IV группу. Тем хуже для нее.

Приключения продолжаются. Тампоны

Приступаем к тампонам. Семибратова исследует полностью пропитанный кровью тампон и пишет: "Кровь принадлежит мужчине, группа А". То есть не Горин. Такой группы нет ни у кого из присутствовавших в тот день на месте преступления. Сотрудники ФСБ легко находят выход: "Образец не пригоден для исследования". Без объяснений. А как же ваше чудесное оборудование? Это же наполненный кровью тампон, а не сомнительные микрочастицы! Как же так? А никак!

Попутно решается еще одна задача. Надо ведь и смерть Ольги Гориной доказать. Семибратова изучает следующий марлевый тампон и констатирует - мужчина. ФСБ решительно перепроверяет вывод провинциалки и облегченно вздыхает: "Кровь произошла от Гориной".

Для крови в третьем образце тамбовский эксперт определила III группу. ФСБ записывает - "произошла от Горина". Это был самый скудный забор крови в серии. Но Горина там нашли уверенно. А вот предыдущий - огромный, насквозь пропитанный кровью тампон - признали непригодным для экспертизы.

Еще раз напомним - все пробы брались из одной и той же лужи в гараже. И та, что якобы принадлежит жене Горина, и те, что принадлежали мужчинам разных групп крови. Что же это был за коктейль? Не специально ли его оставили в гараже?

Далее начались совсем уж странные вещи. Через год в одном из тампонов нашли частицы соединительной ткани. Решили взять дополнительный соскоб со стены. И послали Семибратовой с

замечательным вопросом: "Из какого органа произошла кровь Горина?". Кто сказал, что Горина? Разумеется, Семибратова, не обращая внимания на дурацкую формулировку, пишет в ответе: кровь из печени. Чекисты дописывают: кровь из печени Горина.

Замечательно, теперь и добросовестный провинциальный эксперт подтвердил, что это кровь Горина. Вот так 1 апреля Путин может послать в ФСБ кровь своего лабрадора и написать в сопроводительном письме: "Из какого органа произошла кровь Сечина?". То-то все посмеялись бы.

Для полноты картины сообщу, что первоначально в деле был еще один документ - протокол осмотра места преступления. Следователь Генеральной прокуратуры осмотрел это место спустя много времени после самого преступления, описал дом, забор, гараж, палисадник. Добросовестно перечислил свои наблюдения и сделал вывод в конце: "В связи с изложенным, полагаю, что убийство Гориных было выгодно Пичугину". И это тоже считается экспертным мнением. Бумага вышла настолько позорная, что обвинение само убрало ее из дела.

На пути исправления "досадных" ошибок тамбовского эксперта Семибратовой чекистам сопутствовала удача. Они доказали смерть несчастных супругов. Теперь Алексея Пичугина можно было смело судить за убийство. Они не сомневались в успехе. Настолько, что даже не стали искать для подмененного образца экспертизы ДНК черного пластикового пакета и нужной печати.

Уже в ходе судебного заседания судья Наталья Олихвер под угрозой удаления из зала запретила защите задавать вопросы об экспертизе. Как не относящиеся к существу дела. Для таких действий, позорящих наше правосудие, и был засекречен процесс.

Но эти вопросы сейчас наверняка вертятся в голове читателя. Например, в связи с описанными здесь нарушениями процедуры ни одна из экспертиз не может быть признана доказательством. И формально Горины по-прежнему должны считаться не убитыми, а Пичугин не убийцей. Все сомнения должны трактоваться и обычно

трактуются судьей в пользу обвиняемого. Если, конечно, фамилия судьи не Олихвер.

Глава

7

Оценка доказательств

История с экспертизами не могла прибавить особой уверенности обвинению: она давала возможность защитникам Пичугина задавать самые неприятные вопросы. Такие вопросы могли в нормальном суде привести к снятию обвинения с подсудимого. В связи с этим прокуроры и вся машина так называемого оперативного сопровождения процесса предприняли ряд действий против адвокатов.

Их решили слегка дискредитировать. Чтобы снизить убедительность их будущих аргументов.

Незадолго до начала собственно судебных заседаний обвинение вышло в суд с ходатайством. Оно просило ограничить адвокатов Пичугина в ознакомлении с материалами дела. Цель - зафиксировать в общественном сознании недобросовестность адвокатов и самого Пичугина.

Я пытался получить по этому эпизоду объяснения со стороны обвинения. Тщетно. А вот комментарий адвоката Георгия Самойловича Каганера: "Они прекрасно знали, что мы закончили знакомиться с материалами в конце мая. Никаких оснований у них, конечно, не было. Мы суд официально известили, что заканчиваем знакомиться с материалами дела, еще 28 мая. И вдруг прокуратура требует ограничить нас в сроках ознакомления четвертым июня! Это как если бы человек сдал книгу в библиотеку 28 мая, а библиотекарь ему в ответ: "Если не сдашь до 4 июня - оштрафую!"

Прием известный. Обвинение таким образом пыталось показать публике, что Пичугин и адвокаты затягивают дело, стараются что-то выторговать. В доказательство прокурорские привели такие соображения: мало времени тратится на чтение, работать надо с 10.00 утра до 17.00 с часовым перерывом на обед.

Георгий Каганер: "Я в ответ составил им график нашей работы. В 9.30 мы приходили в Лефортово, в следственный кабинет заходили самое раннее в 10.30. В 12.40 подзащитного уводят на обед, формально до 14.00. На деле нас допускают в тот же кабинет в 15.45, а в 16.45 работа следственного кабинета заканчивается. Я каждый день приходил к Пичугину на ознакомление с делом. У нас получалось 2 часа до обеда и 2 после. Иногда чуть больше. Если документы были отпечатаны, Алексей делал за это время выписки со 100 страниц.

Как только начинались рукописные документы, работа резко тормозилась. Тут обвинение и начало скандалить - нашли день, когда он знакомился с рукописями, написанными плохим почерком, и написали: по 30 листов в день читает, преднамеренно затягивает. Я принес им весь график, там в среднем вышло по 50 листов. Объяснил, что более 40 листов рукописи за 4 часа не прочтешь. И все равно мы уложились в срок. А судья Басманного суда, из бывших прокуроров, как будто ничего не слышал, вынес нам ограничение".

Слепили из того, что было

Ознакомление с делом повергло выдавших виды защитников в шок. Все адвокаты ведь ждали: что там? Взять тот же эпизод с Гориним, самый тяжелый эпизод. Все думали: где же здесь показания свидетелей и потерпевших, доказывающие вину Пичугина, на которые постоянно ссылалась Генеральная прокуратура в многочисленных заявлениях? Вины Пичугина не нашли. В отношении Горина тоже ничего в деле нет. До сих пор нет ничего. Если не считать того, что Горин якобы опасался Пичугина. И все.

Например, Пешкун несколько раз и в разных вариантах говорит, что Горин опасался Пичугина. Допрашивают его пять-шесть раз подряд, и следователь его спрашивает постоянно об одном и том же. Пешкун повторяет на разные лады: "опасался", "сложились неприязненные отношения". Для чего это делали? Чтобы навернуть массив показаний. Якобы в деле много обвинений и прямых свидетельств. А это не свидетельства. Это один и тот же рассказ одного и того же Пешкуна, который по разным томам кочует в самых разных

эпизодах. Все эти тома можно изложить одним абзацем. А так получился вроде бы объем доказательств.

По словам же Дедовой, тещи Горина, наоборот, выходит, что как ездил Горин в Москву встречаться с Пичугиным, так и дальше продолжал. И ничем свои опасения не выдавал. Как же он его опасался, если постоянно к нему ездил? И Смирнов, возивший Горина в Москву, на допросе однозначно говорит, что тот ничего не боялся. И только после передачи дела в Москву он вдруг неожиданно "вспомнил": Горин боялся Пичугина.

Дедова на допросах обвиняла Пичугина. Основания у нее любопытные. Вот она рассказывает, что после пропажи Горина Алексей приехал в Тамбов и навестил ее. И все интересовался - а как же супругов могли похитить? Выведывал подробности похищения, обсуждал их. Исходя из этого она сделала вывод, что Пичугин убил Горина.

А ведь Пичугин - бывший контрразведчик, он, естественно, тоже пытался выяснить причины и обстоятельства преступления. Для этого даже привез в Тамбов двух бывших своих коллег. И Дедова заявила: "Меня это как-то сразу насторожило. Чего это они вынюхивают? Чего им надо?". Да уж, если интересуются - точно убийцы. Такая вот логика у свидетельницы. И суд эту логику принял.

А если бы Пичугин не приехал или не стал интересоваться похищением Гориных? Тогда Дедова могла сказать: раз ничего не спрашивает, значит, сам все знает!

Еще один интересный прием следователя. Пешкун одно время ездил с Гориным по делам в Москву. Регулярно ездил. Потом между ними якобы пробежала черная кошка, и Горин стал ездить в первопрестольную со Смирновым. Между прочим, Пешкун ездил в Москву, когда у него там ребенок лежал в больнице. В этом и был его интерес.

Но следователи и вслед за ними прокурор публично упорно называют Пешкуна личным водителем Горина. Это надо им для того,

чтобы подчеркнуть доверительность их отношений. Действительно, персональный шофер часто про хозяина знает все. Но Пешкун-то не был персональным водителем! Мы даже не знаем, кто там сидел у них за рулем. Может быть, они еще кого нанимали или брали в попутчики.

Это искажение истины, но вся пресса со слов прокуратуры называет Пешкуна водителем Горина - читай, душеприказчиком, поверенным в секретах. А они в Москве складчину покупали подержанные машины, гнали в Тамбов, ремонтировали и продавали. Такой вот совместный бизнес. В Тамбове Горин ездил за рулем сам. Личный водитель - версия для общества. В приговоре же и в деле Пешкун ни разу не назван водителем Горина. Он им стал для журналистов с подачи госпожи Вешняковой.

Далее в деле встречаются совсем дикие места. Вот Коровников, который никогда не был с Гориним в близких отношениях, дает показания. Якобы взволнованный Горин в середине января 1999 года принес ему папку на сохранение. Буквально с такими словами: "Я даю тебе папку с компроматом на хранение. Здесь есть фото людей, которых я опасаюсь. Я боюсь за свою жизнь. Если ко мне кто приедет от них, я папку отдам: у меня семья. А ты парень крепкий, до тебя они не дотянутся".

Коровников взял папку, заглянул в нее. Там лежали документы с печатью банка "МЕНАТЕП" и фото Пичугина и Невзлина. Далее Коровников будто бы отвез папку бабушке на дачу и положил в стол. В феврале его арестовали, и про папку он забыл, чтобы неожиданно вспомнить о ней спустя три года на зоне острова Огненный. После того, как его посетил там следователь Демидов.

Сыщики наведались к бабушке, ничего не нашли и спросили старушку: "Вы за последние годы что-нибудь выбрасывали?". "Да я не помню, - отвечает, - может, и выбрасывала". И следователи записали - папку выбросила. А в судебном заседании защита спросила Коровникова: "Пытался ли Горин забрать у вас эту папку, когда вы сами попали под следствие? Ведь там были очень важные для него бумаги?" Тот оказался совершенно не готов даже к такому

вопросу и нашел простой выход из положения: "Я не буду отвечать на этот вопрос!".

По всей логике событий Горин не мог приехать к Коровникову в 1999 году и сообщить ему, что он опасается Пичугина. Потому что в 2000 году Горин пригласил Пичугина быть крестным своего сына. Если я опасюсь кого-то в 1999 году, то я не приду к нему в 2000 году. На январь 1999 года у Горина было много хорошо знакомых людей, которым он мог доверить секреты. Но Коровников не входил в их число: для этого Горин знал его слишком плохо.

Дальше - больше. Прямо во время следствия Коровников вспомнил, что еще в 1999 году Пичугин заказал ему убийство Гориных. Но он, мол, не стал убивать "из соображений гуманизма". Коровников-то! Из соображений гуманизма!

Показания осужденного убийцы растут как снежный ком. При осмотре места преступления после пропажи Гориных были найдены три пули и две гильзы. И Коровников вдруг вспомнил, как заказывал ему Пичугин в 1999 году убийство Гориных. Я прошу читателя дочитать до конца этот дикий анекдот от Генеральной прокуратуры:

"Он предложил мне 50 000 долларов и приказал сделать три выстрела в грудь Гориной и один выстрел в мужа. Это надо было, чтобы имитировать самоубийство: Горин убил тремя пулями жену и одним выстрелом покончил с собой. А если я убью их любым другим способом, то за это получу только 20 000 долларов".

Поскольку следователи нашли в доме пропавших супругов в 2002 году именно три пули и две гильзы, суд и присяжные должны, по логике прокурорских, сообразить, что все три года Пичугин мечтал убить Гориных именно таким замысловатым образом. А если бы нашли семь пуль и пять гильз? Это называется "лепить" дело. И лепили его такими методами, что оторопь берет.

Непонятно, какая разница была умышленному злодеянию Пичугину, как убивать своих знакомых? Оказывается, он так заботился, чтобы Коровников не попался! Он подстраивал самоубийство, в котором

Горин добил себя для верности вторым выстрелом. И даже пригрозил исполнителю материальным штрафом в 30 000 "зеленых". Но бестолковые убийцы в 2002 году все сделали не так. Они на всякий случай куда-то уволокли трупы хозяев. При этом лишились огромного гонорара.

Адвокаты спросили Коровникова: "Ты утверждаешь, что Горин был твоим другом, доверял тебе самые страшные секреты. А ты сказал своему другу еще в 1999 году, что его приятель Пичугин заказал тебе его убийство?". "Нет, - отвечал серийный насильник и убийца, - я побоялся его расстраивать. Он же в шоке мог на себя руки наложить".

Коровников, до этого растерзавший немало людей по одиннадцати эпизодам, по его словам, очень расстроился от такого заказа. Отказался и всю дорогу домой матерился: "Ну как же так можно: друга заказывать?!". Колечко за сто рублей с убитой девушки снимал, не гнушался. Но Горина тревожить не стал...

Читатель, запомни: все это слушали и присяжные, и суд, впоследствии приговорившие Алексея.

Складывается впечатление, что показания Коровникова строятся по принципу геббельсовской пропаганды: чем больше бреда, тем легче поверят. В 1999 году убийство заказывается Коровникову, совершается неустановленными людьми в 2002 году, но Коровников, как только увидел следователя Демидова в колонии спустя четыре года, так сразу все вспомнил. Будто всю жизнь ждал этого визита. Самое главное - зачем ему еще один эпизод на себя вешать? Он что, больной? Нет, все проще. У него же пожизненное заключение! Ему уже все равно.

А вот следователю Демидову и оперативному сотруднику Ананьеву, приехавшим навестить заключенного, было не все равно. Они решили помочь Коровникову вспомнить заказчика убийства Гориных. И показали ему фотографию Алексея Пичугина. Чтобы не промахнулся, предъявили одну-единственную фотографию, хотя по процедуре положено предъявлять фото нескольких людей на

выбор. Коровников, разумеется, сразу уверенно вспомнил "заказчика". Вот только приличного фото прокурорские не нашли. *И показали ему человека, которого он должен обвинить, на затемненной фотографии, да еще в профиль.*

Допущенное при опознании нарушение следователи решили исправить уже в следственном изоляторе в Лефортове. Чтобы на бумаге все было в порядке. Понадеялись на зрительную память Коровникова. И напрасно. Его завели в комнату, где сидели Алексей и два статиста. Коровников всматривался, всматривался - все без толку, не смог опознать нужного человека. Наконец махнул рукой: "Встаньте боком!". *Только они в профиль встали - тут он пальцем сразу ткнул: вот он, Пичугин.* Понятное дело: он до того Алексея только в профиль и видел! И то - на любительской фотографии.

А ведь тот же Коровников дает показания, что в 1999 году Пичугин сел к нему в машину и долго говорил об убийстве Горина. И между ними локтя не было, глаза в глаза говорили. И светло было. Почему же он Алексея только в профиль запомнил и в темноте? Но никто из следователей, судей и присяжных впоследствии в его рассказе не усомнился.

Должен упомянуть, что во время допроса Коровникова на зоне следователи вели видеосъемку. Разговор на записи и та же самая беседа, изложенная в протоколе, очень различаются. В записи четко слышно, как Коровникову подсказывают ответы. На самом процессе видеозапись не исследовали. Посчитали излишним. Даже протокол допроса Коровникова, сделанный на основе этой пленки, не стали оглашать.

Когда адвокаты потребовали на суде дать для просмотра копию этой пленки, им отказали. Хотите знать причину? Суд сообщил, что не располагает аппаратурой, которая позволяет сделать копию видеозаписи. Видеоманитофона у них, видите ли, нет. Это суд с участием Генеральной прокуратуры и оперативным сопровождением ФСБ!

Как следствие нашло такого важного свидетеля? Да очень просто. Дело Коровникова и его банды вел все тот же Демидов. Он запомнил их признание в организации взрыва у дверей бывшей сотрудницы "ЮКОСа" Костиной. Два и два в служивых мозгах сложились легко. Правда, во время следствия по делу Коровникова никто не упоминал, что к взрыву причастен Пичугин или вообще кто-либо из "ЮКОСа".

Кстати, все члены банды давали показания по своим преступлениям. Один Коровников тогда молчал. Когда же его навестил Демидов, он вдруг вспомнил все, что необходимо. Но следствию этого было мало. Демидов поехал по зонам, где сидели остальные члены банды - Эрбес, Попов, Кабанец. Но ни один из них не дал нужных показаний. Все трое категорически отрицали рассказанное Коровниковым.

Подельникам Коровникова брать на себя еще какие-то эпизоды было не с руки. Они-то не пожизненное отбывают. И в разговоре со следователем они вели себя уверенно: это было на зоне, так сказать, среди своих. Пришлось везти всех членов банды в Лефортово. Там с ними поговорили как-то по-другому. И в лефортовских стенах вся троица мгновенно начала подтверждать показания Коровникова.

Взрыв на лестничной площадке

Работа следствия в эпизоде с покушением на бывшую сотрудницу "ЮКОСа" Костину показательна сама по себе. Это преступление уже было расследовано в рамках целого ряда эпизодов, предъявленных банде Коровникова. Все, кроме самого Коровникова, сознались, что выезжали в Москву "попугать одну бабу". Указал на нее Коровников. Но ни мотивов преступления, ни заказчика следствие тогда не установило и даже не искало. Само же преступление выглядело так.

Группа преступников глубокой ночью взорвала маломощное безоболочное взрывное устройство возле лифта на лестничной клетке. На этом этаже жила мать Костиной. Взрывом слегка покорежило входную дверь в блок квартир. Дверь в квартиру

матери Костиной, как и двери остальных жильцов, ничуть не пострадали.

В этих обстоятельствах суд логично обвинил членов банды Коровникова лишь в хулиганстве и покушении на чужое имущество. Так как, "учитывая место, время и характер взрыва", он объективно не мог нанести ущерба здоровью людей. В своих показаниях бандиты указали, что первоначально принесли с собой дымовую шашку, но она не сработала. Пришлось применить легкий взрыв. Приказ был попугать Костину, но по ошибке они наведались к ее матери. Все они были осуждены и по этому эпизоду также.

Вторично исследуя этот же эпизод уже в политическом процессе, следствие посчитало, что готовилось **убийство** Костиной. И суд с этим согласился. Хотя все обстоятельства остались неизменными. Лишь попав в Лефортово, члены банды Коровникова неожиданно стали давать показания о том, что заказчик преступления - Горин. Якобы он заказал им убийство Костиной. Но и при этом в большей части показаний они продолжают утверждать, что приказ был только напугать.

Примерно такая же история произошла и с Пешкуном. На его показаниях стоит остановиться подробнее, это образец жанра. После исчезновения Гориных в декабре-январе он заявлял тамбовским следователям, что ничего не знает. В руках же Генеральной прокуратуры и ввиду политических перспектив этого преступления в марте 2003 года он вспомнил одновременно с привезенными из разных зон бандитами Коровникова, что слышал о заказе, присутствовал при разговоре.

Из всей этой ахинеи следует, что с возможным исполнителем (Коровниковым) разговаривали и посредник (Пешкун), и московский заказчик (Пичугин). Они встретились на Павелецком вокзале в Москве. У Коровникова был номер телефона Пичугина (!), он позвонил ему, и они встретились. И тут Пичугин, не стесняясь посторонних, попросил Коровникова убить Гориных.

Ну не может оперативный сотрудник со стажем встречаться с исполнителем напрямую, не через посредника! Это азы. А уж давать ему телефон для связи - это только для пошлой детективной комедии. Напомню, Пичугин успешно охранял собственность и секреты "ЮКОСа", а там идиотов не держали.

На той же прилюдной, открытой встрече Пичугин, оказывается, попросил Коровникова, согласно его показаниям, на обратном пути сдать в милицию своих подельников по банде - Эрбеса, Кабанца и Попова. Так и посоветовал: "Они тебе не нужны больше, ты на обратном пути возьми с собой какие-нибудь взрывные устройства. Когда будете возвращаться, их примут".

Столичный хлыщ предлагает главарю банды для непонятных целей сдать своих товарищей по кровавым делам на зону. Непосредственно перед исполнением собственного заказа! Как вообще люди, лепившие подобные протоколы, понимают уголовную жизнь? Что за бред они вложили в уста бывшего оперативного сотрудника? И если заказчик сам, нарушая все правила безопасности, встречается с исполнителем, зачем ему посредник (Пешкун)?

Детали дела чем дальше, тем невероятнее. По словам Коровникова, Пичугин за удачное избиевание сотрудника "ЮКОСа" Колесова и нападение на Костину подарил ему красную Audi. Свидетели видели его в ней. Вроде похоже на правду. И тут же в деле подшиты показания прежнего владельца этой машины. Я был поражен, читая: этот человек сам просил Пешкуна, известного в городе автомобильного торговца, продать эту машину. А потом с удивлением увидел, что в его Audi ездит Коровников.

Тут же выясняется из показаний самого Пешкуна: он продал Коровникову эту Audi за 3000 долларов, из которых тот отдал только половину. Пешкун сразу после ареста Коровникова продал ее вторично, отдав жене бандита только 500 долларов. И эти показания тоже подшиты в дело. Вот меня и интересует: о каком вознаграждении за преступление может идти речь, если Коровников эту машину купил?

Следователи даже не потрудились на том этапе привести эти показания в соответствие! Лишь гораздо позднее Пешкун заявил вдруг, что согласен с показаниями Коровникова: тому эту Audi Пичугин подарил. За нездешнюю мудрость, видимо.

Глава

8

Особенности национального правосудия

Похоже, все нестыковки, если не подтасовки, предварительного следствия волновали и "кураторов" процесса в силовом крыле администрации. Решение суда они, конечно, знали заранее. Но вот позориться на весь свет не хотелось. Ведь не суд выходил - судилище.

Решение проблемы, как всегда, нашли в области административной. Наверное, гордились им, называли "технологичным". Процесс просто объявили секретным.

Наложение секретности (да простит меня читатель за этот канцеляризм) произошло в момент, когда дело Пичугина из Генеральной прокуратуры поступило в суд, причем уже под грифом "Секретно". Лишь некоторые тома содержали документы с такой пометкой: на 34 тома 67 листов. Но сами эти документы, на основании которых наше правосудие засекретило свой позор, требуют тщательного рассмотрения.

Явное становится тайным

При ознакомлении с делом адвокаты читали его как несекретное и отлично знали, что секретов там нет.

Есть правила, определяющие работу наших судов с секретными документами. Если дело секретное, адвокаты, как и обычно, делают из него выписки, готовясь к процессу. Но они не имеют права выносить их из тюрьмы, в нашем случае лефортовской. Они обязаны сдавать их по окончании работы особым порядком.

Абсолютно все выписки из дела Пичугина адвокаты делали свободно, без предусмотренной процедуры и выносили их по

своему усмотрению из следственного изолятора. Более того, со всех 34 томов с разрешения прокуратуры и суда защитой были сняты светокопии, которые можно было свободно выносить из здания! В тот момент дело не было секретным. Видимо, перед самым процессом оно было еще раз проанализировано обвинением и, ввиду вопиющего состояния доказательной базы, его решили засекретить. Этим и объясняется непоследовательность властей.

Можно ожидать следствия в режиме секретности, например, когда речь идет о государственной тайне. Тогда уж и суд такой же. Но чтобы все следственные действия и подготовку к процессу провести в открытом режиме, а на входе в зал суда вдруг закрыть процесс - такое только от ведомственного страха возможно. Спихнулись, называется.

Защита долго пыталась узнать: кто же засекретил провинциальное, рутинное, абсолютно не военное дело об убийстве? Адвокаты требовали показать им постановление о наложении секретности, чтобы хотя бы узнать его автора. Тщетно. Тогда предложили слушать дело в открытом заседании и закрывать его, когда на рассмотрение поступят секретные документы или сведения. Напрасный труд.

Причина таких действий власти ясна. Это было сделано, чтобы исключить участие СМИ и общественности в процессе, чтобы никто не узнал, на каких "доказательствах" строится обвинение. В этом случае адвокатам не пришлось бы делать полугласные заявления - документы говорили бы сами за себя.

Прокуратура заявляла, что в деле присутствует тайна об оперативно-розыскной деятельности наших органов. Возможно, и так. Но это тайна об их некомпетентности и предвзятости, местами переходящей в фальсификацию. Вот некоторые примеры этих "секретных" документов.

В деле есть письмо в МВД с просьбой оперативными средствами проверить различные версии преступления. С грифом, понятно. Это смехотворный повод. Таких писем рассылают тысячи простой почтой. Просьба проверить версию может быть конфиденциальной

на стадии следствия, но к суду уже все должно быть проверено, подтверждено или опровергнуто. Какая еще секретность?

Далее вшит секретный ответ: "На ваше отдельное поручение № ... сообщаем: версия 1) не подтверждается, версия 2) не подтверждается, версия 3) не подтверждается". Даже кратко не излагается, почему не подтверждаются все эти версии. Я убежден, что писать об этом надо в первую очередь. Невзирая ни на какие грифы. Только так видно убожество карательной машины. Без всяких секретных нарядов.

Как можно в здравом уме полагать секретными такие фразы? "Оперативным данными установить причастность Дедовой к совершению преступления не представилось возможным". "Оперативными средствами получить информацию о причастности к преступлениюкриминальных структур не представилось возможным". "Оперативными данными о причастности вкладчиков "Алгоритма" к похищению Гориных не располагаем". И, наконец, такой шедевр канцелярита: "Оперативными данными установлено о том, что заинтересованным лицом в убийстве Гориных был Пичугин". Судя по грифу, в этой фразе действительно большой государственный секрет. Сами-то пресловутые "оперативные данные" по-прежнему никак не раскрываются.

Всем, кто в будущем ознакомится с делом, а это время в России обязательно настанет, рекомендую для поднятия настроения прочитать засекреченное обращение к заместителю министра внутренних дел такого вот содержания: "Генеральная прокуратура обращалась к Вам по поводу выделения для сопровождения дела сотрудника... До настоящего времени он в наше распоряжение не прибыл. Просим сообщить". Роспись и вверху гриф: "Секретно".

Далее подшит не менее забавный ответ: "Секретно. На № ... от ... Действительно, Ваше обращение поступило... числа. Сотрудник... вам выделен. Однако вы не сообщили, когда он должен прибыть в ваше распоряжение".

Я думаю, когда-нибудь потом эти бумаги надо будет обязательно вывесить в витрине Исторического музея. В разделе "Реформы в России начала XXI века. Судебная реформа".

Всего таких документов в многотомном деле - 67 листов. Ни один из них не был оглашен в судебном заседании, так как не имел никакого конкретного содержания. С таким же успехом и оперативными основаниями уполномоченные лица могли грифовать кассовые чеки служебного буфета!

Система наложения грифов секретности досталась нашему делопроизводству от СССР. Она предельно проста: служащий, составивший документ, сам и определяет степень его секретности. Наиболее распространенными являются грифы "Для служебного пользования", "Секретно", "Совершенно секретно", "Особо важно".

С уровня "СС" начиналась так называемая вторая форма допуска, предполагавшая тщательную проверку кандидата на работу и запрет на выдачу загранпаспорта в течение определенного срока после увольнения или перехода на несекретную работу. Система охватывала миллионы людей, работавших в оборонном комплексе.

Для упрощения задачи все ведомства имели свои правила наложения секретности. В целом они строились в зависимости от уровня адресата документа. Письмо начальнику управления - "Секретно", члену коллегии министерства - "Совершенно секретно" и так далее. В ЦК КПСС шли по большей части документы "ОВ". В архивах существовали и другие формы допуска, но для нашего исследования они не интересны.

Самое главное, что по сохранившимся правилам любой младший опер может засекретить даже клочок туалетной бумаги. Кроме того, секретным можно объявить весь том дела сразу. И если несекретный документ вшит в том, на обложке которого красуется гриф, допуск к нему оформляется по общей процедуре секретности. Вы можете зашить в такой том сказку Андерсена. Получите секретную сказку. Все эти секретные игры - в первую очередь

признак профессионального бессилия Генеральной прокуратуры и ФСБ.

В изобретательной работе по засекречиванию процесса отражается современная тенденция. Я имею в виду постоянное совершенствование методов работы следствия и суда в современных условиях. Разумеется, суд я воспринимаю как правоохранительный орган, ближайший союзник прокуратуры. Установление истины там давно не рассматривают как свою главную задачу. Манипулирование судом встречается не только в Москве. В провинции судом и присяжными чаще всего манипулируют в интересах именно местных милиционеров и прокуроров высокого ранга.

С этими методами читатель познакомится ниже, они заслуживают отдельного разговора. Но для того, чтобы все изученные мною приемы манипуляции судебным процессом давали гарантированный результат, необходимо направлять его ход руками специально назначенного для таких целей судьи. Подбор и назначение судьи - предмет особых забот "политических кураторов" процесса из Генпрокуратуры и администрации президента. Для суда над Пичугиным нашли примечательную личность.

Карьера судьи Олихвер

До 2001 года Наталья Олихвер работала рядовым судьей Железнодорожного райсуда Ульяновской области. Тогда ее характеризовали как человека предельно принципиального, не берущего взятки и очень жесткого в рамках судебного производства. Она славилась беспрецедентно жестокими наказаниями, иногда несоразмерными со степенью вины, а также полной лояльностью к начальству. Наши источники даже утверждают, что работа заменяла ей и семью, и досуг.

Так или иначе, жила женщина подчеркнуто небогато. Правда, после того как неожиданно пошла на повышение в областной суд, ей выделили трехкомнатную ведомственную квартиру. Эта квартира впоследствии была Натальей Олихвер приватизирована. Тут многие

усматривают некоторые нарушения: сразу после переезда в Москву Олихвер получила еще одну квартиру от своего ведомства. Вопрос о возвращении квартиры в Ульяновске даже не возникал.

Нужно сказать, что назначение районного судьи сразу в область - большая редкость. И этот карьерный рывок многие связывают с личным вмешательством в судьбу Натальи Олихвер тогдашнего председателя Ульяновского областного суда Анатолия Жеребцова. Незадолго до назначения Олихвер в область он тоже пошел наверх - его назначили председателем квалификационной коллегии судей. Это один из высших органов управления отечественной судейской корпорации.

Там Жеребцов успел заметно отличиться, проведя выборы на пост председателя Мосгорсуда на безальтернативной основе. В итоге председателем столичного суда стала судья Черемушкинского районного суда Ольга Егорова. Похоже, что Ольга Егорова пригласила Наталью Олихвер на работу в Москву именно по рекомендации Жеребцова. В феврале 2002 года на совещании в Ульяновской области судьи, подводя итоги 2001 года, назвали ее лучшей по показателям.

Правда, что это за показатели, я установить не сумел. И вообще посмотреть на прошлую работу Натальи Олихвер мы не имеем возможности, так как сегодня все ее прежние процессы засекречены лично нынешним главным судьей области Лысяковой. Уже 30 ноября 2002 года Наталья Олихвер указом Путина была назначена в Мосгорсуд.

А летом 2004 года она приняла дело Пичугина. И здесь в полной мере проявились главные ее качества - переходящая в беспардонность жесткость в судебном заседании, беспрекословная верность начальству и нацеленность на заданный сверху результат процесса. В данном случае, видимо, это было осуждение Пичугина "на полную катушку".

Первым решением судьи Олихвер в качестве арбитра на процессе Пичугина было объявление его полностью закрытым. Я подробно

разбирал этот эпизод. Хочу добавить лишь один штрих. Когда адвокаты попытались получить разъяснения по поводу решения о засекречивании процесса, Наталья Олихвер подняла один из томов дела и показала гриф "Совершенно секретно": "Вам все ясно? Все вопросы не ко мне".

Если бы судья, обладающая в рамках процесса практически неограниченной властью, взяла на себя труд проанализировать "секретные" документы прокуроров, она бы обнаружила, что гриф наложен необоснованно. Это прямая обязанность любого судьи - проверить обоснованность наложения секретности и обеспечить равенство сторон в состязательном процессе.

Но Олихвер не стала этого делать. Для нее достаточно было, что наверху уже принято решение. Лояльность, как я уже говорил, - это главная отличительная черта Натальи Олихвер. По этому признаку ее и выбирали.

Управляемый суд в эпоху управляемой демократии

После назначения "правильного" судьи организаторы атаки на "ЮКОС" могли спокойно двигаться далее. В их арсенале были средства, позволяющие при нужде гарантированно осудить и мать Терезу. Изучая эти средства, мы встречались с рядом действующих судей и отставным судьей Пашиным, профессионально занимающимся изучением методов управления судами со стороны внесудебных органов и отдельных лиц. В подавляющем массиве их информация пересекается.

Эту систему создали люди, на самом деле призванные защищать нас от произвола. Наши источники из судей я раскрыть без ущерба для их карьеры и здоровья не могу. Не в Англии живем. Представляем на суд читателя нашу коллекцию.

К конкретным приемам работы обвинения и сопровождающих процесс спецслужб можно отнести следующие.

1. В ходе процесса прокурор многократно повторял присяжным: Пичугин, возможно, виновен и в других преступлениях. Его могут

обвинить в двух покушениях на предпринимателя Рыбина и организации убийства директора продуктового магазина на Покровке (Москва). Защита протестовала: к процессу это не имеет никакого отношения, да и следствие по тем делам еще только идет.

Олихвер все посторонние наветы включила в протокол. Это было прямое давление на присяжных. Какое мнение они могли составить о Пичугине исходя из слов обвинения? И только в конце, когда присяжные отправились вырабатывать свой вердикт, Олихвер вдруг сказала им в напутственном слове: помните, прокурор рассказывал вам о других обвинениях Пичугину? Так вот, вы эти рассказы в своем решении не учитывайте. Но что значит - не учитывайте? Мнение о событии или факте формируется заранее и исподволь, помимо воли человека. Лучше или хуже стали присяжные думать о Пичугине после таких рассказов? Почему судья их сразу не пресекла, если для работы присяжных они вредны?

2. Чаще всего давление на присяжных осуществляется в рамках так называемого оперативного сопровождения. Это новое явление в нашей судебной практике в короткие сроки приобрело зловещие черты и масштаб. Термин требует пояснения.

В самом невинном виде это человек, записывающий все, что происходит в зале. Иногда в мундире прокурора, иногда это сотрудник следственной группы. Каждый день он составляет рапорты, как ведут себя участники процесса. В том числе и судья. По результатам докладов делаются выводы и принимаются меры.

Официально это делается для помощи суду в приглашении свидетелей, обеспечении безопасности судебного заседания, представления вещественных доказательств из камеры хранения. И все. Так говорит ведомственная инструкция МВД. Она не подразумевает того, что вскрылось на процессе по делу Пичугина. Например, постоянное наружное наблюдение за важнейшими свидетелями и присяжными.

Велись записи разговоров присяжных в здании суда. Велась скрытая запись всего судебного заседания. Это доказывается тем, что в

письме Егоровой в Минюст, направленном против адвокатов Пичугина, дословно, с междометиями приведены все разговоры, имевшие место в зале суда. То, что вообще не должно протоколироваться. Значит, есть подробная запись, о которой никому не известно.

По вековой практике, почти рефлекторной, группа наружного наблюдения автоматически проводит фотографирование и фиксирование встреч объектов. В нашем случае - присяжных, неприкосновенных на все время процесса судей. Все это доводилось до судьи и прокурора. Судья Олихвер однажды не выдержала бремени тайного знания - данных наружного наблюдения за присяжными - и выговорила присяжным прямо в заседании: "Вас же видели там... Тогда...".

Предположим, что на Западе какая-то из сторон процесса наняла детективов следить за присяжными. Или того хуже - спецслужбы из ведомственного или личного интереса начальства завели базу данных на всю коллегию, прослушивают разговоры присяжных в здании суда и вне его. Это преступление, выплыви оно наружу, закончится для любознательных тюремным сроком.

Как это расценивается тамошними законами? Как тяжкое преступление - в одном ряду с разбойным нападением. Это автоматическое лишение всех лицензий; люди, пошедшие на такое, на Западе - люди конченые. У нас это повод к служебным поощрениям.

3. Другой пример приводит судья Пашин: "Иногда присяжные просто подбираются определенным образом для гарантированной отмены нежелательного приговора. При необходимости, разумеется. Например, при опросе присяжных кандидат умалчивает, что он сотрудник правоохранительных органов. Тогда, если выносится, например, оправдательный вердикт, он опрокидывается в Верховном суде на том основании, что один из присяжных не ответил на такой вопрос. Если приговор обвинительный, люди, работающие с этим присяжным, не предадут этот факт гласности. Приговор утверждается".

От себя добавим: подполковник ГРУ, вошедший в коллегию присяжных по делу Сутягина, на вопрос о профессии ответил: бизнесмен. О прошлом не упомянул.

4. Закон позволяет распускать присяжных в двух случаях. Если их состав тенденциозен. Например, по делу об изнасиловании в присяжных оказались одни женщины. Или когда выносится обвинительный вердикт в отношении явно невиновного, с точки зрения суда, человека. У нас же практикуется роспуск коллегии присяжных, когда в процесс вступает новый судья. Или когда один или несколько присяжных по каким-либо причинам не могут продолжать участие в судебном разбирательстве.

Так поступили в процессе по делу Сутягина. И по делу о контрабанде, которое подобно описано Леонидом Никитинским в "Новой газете". В англо-саксонских странах действует противоположное правило: дело, попавшее в ведение суда присяжных, не может быть изъято у этого состава суда ни под каким предлогом.

5. Важнейшее значение при определении системы защиты правосудия от давления любых властей имеет честный отбор присяжных. Что же происходит у нас, в России? В специальном определении Верховного суда констатируется, что несколько человек, участвовавших в первом процессе по делу Ульмана, вообще не входили в списки присяжных.

Один из наших источников привел вопиющий факт - присяжные по делу получили повестки сразу как судьи, а не как кандидаты в присяжные. Ровно 16 человек явились судить, и неизвестно, кто их отбирал. Они сами сообщили ближе к концу, что отбора не было. Их извиняет, что сами они не подозревали о необходимости такой процедуры.

Какие меры принимает просвещенная часть человечества, дабы исключить такую манипуляцию? Они очень просты. На Западе количество запасных присяжных не ограничивается. По делу Симпсона было огромное количество запасных, и судья легко расставался с любым, кто вызывал сомнение в объективности.

Одному из них достаточно было проехать в лифте с защитником, чтобы его сразу вывели из коллегии.

6. Главным инструментом манипуляций судом присяжных является тайна процедуры их отбора непосредственно в суде. По мнению Пашина, сплошь и рядом результаты компьютерной выборки корректируются. "Известно, что во всех регионах еще в 1993 году всех кандидатов в присяжные проверяло МВД. Тогда же формировались основные списки. Вполне возможно, что проверяли не только по судимости и учету в разных диспансерах, но и по другим данным. Вычеркнуть человека из списка и включить на его место любого нужного сегодня ничего не стоит".

В законе сказано, что списки присяжных составляются методом случайной выборки. Но гарантии, что выборка случайна, нет. В законе не прописан общественный контроль, равно как и сама процедура выборки. Это лишь составление общих списков. Когда же присяжных отбирают на конкретный процесс, никто тем более не может гарантировать, что применяется случайная выборка. Эта процедура у нас - полная тайна.

При царе система отбора присяжных предполагала проведение специального открытого судебного заседания. Выносили большой барабан, и в присутствии прессы, представителей защиты и обвинения отбирались присяжные.

Во всех демократических странах отбор проходит открыто и публично, объявляется заранее, и любой человек, не говоря уж о журналистах, легко может прийти в суд и проверить, как проводят отбор сотрудники аппарата суда. Кстати, они абсолютно независимы от судей, там специально так устроена структура суда. Им нет никакого резона ловчить в этом розыгрыше.

7. Помимо манипуляции со списками есть и возможность управлять жеребьевкой. Даже в случае, если она осуществляется компьютерной программой. По заключению специалистов, управление случайной выборкой с помощью компьютера технически возможно. Именно по этой причине в американских

судах, как в царской России, применяется старый добрый лотерейный барабан.

Специалисты в области программирования хорошо знают, что если кому-либо известен код программы, то на выходе можно получить нужный тебе результат. В нашем случае - вытащить из списка кандидатов того присяжного, который тебе нужен. Именно по этой причине, все "случайно выбранные компьютером" вопросы в телевикторинах - часть управляемого процесса шоу. По крайней мере, такие возможности в процесс заложены. Кстати, разработаны и способы управлять опросами по телевизору, телефону.

Где и как производится отбор присяжных, не знает никто. Где стоят эти компьютеры, кто обслуживает программы по отбору присяжных? Технически процедура прописана как административная, а не процессуальная. Просто сказано, что это делает секретарь или помощник судьи. Как и где - не сказано. Это и есть главный ресурс манипуляторов в мантиях и погонах.

8. Еще один важный ресурс манипуляций судебным процессом - составление протокола. Важно, чтобы его изо дня в день вел совершенно посторонний человек, а не секретарь судьи. На Западе это вольнонаемный, как правило, не зависящий от суда вовсе. Он стенографирует текст и публикует его немедленно: стенографический аппарат соединен с компьютерной программой. Для наших судов такая практика тоже не выглядит недостижимой. Протокол в таком случае можно было бы получить по окончании дневного заседания.

Но в России эта тонкость в законе не прописана. Протокол из неизвестно как хранящихся в компьютере секретаря судьи файлов составляется по окончании процесса. Наталья Олихвер в результате исключила из него важнейшие части. Но доказать это нет никакой возможности. Защита принесла замечания на протокол. Судья жалобу проигнорировала.

У продвинутых американцев, случается, устанавливают пять камер, поворачивающихся на голос. Одна "отвечает" за судью, другая - за

прокурора, адвоката и так далее. Все это потом тщательно хранится для работы сторон в процессе. Нам на это финансирования не хватит. Но вести протокол по дням надо обязательно. И судья не сможет тогда нагло вычеркнуть то, что было много раз произнесено при стечении народа. Даже и в засекреченном процессе.

9. Если присяжный сообщает судье о давлении, тот обязан в первую очередь защитить его. Судейский демарш будет иметь те же следствия, что и обращение в СМИ. (Так или иначе, мы опять приходим к осознанию контролирующей роли СМИ.) У нас же, как правило, судья, наоборот, выдворяет присяжного из коллегии, если тот пожалуется на давление. Под предлогом, что он теперь не сможет быть объективным. И присяжные предпочитают молчать.

А ведь судья вовсе не обязан исключать пожаловавшегося на давление из состава присяжных. Такой нормы в законе нет. Судья вполне может работать и с прежним составом, если доверяет ему. Вывод присяжных из коллегии в случае давления на них, как и по любому другому поводу, может повлечь за собой роспуск всей коллегии. Это еще один прием работы нашей карательной системы с судом присяжных. И все чисто: запасных не хватило. Реально роспуск коллегии зависит от судьи. Было бы желание, а повод найдется.

10. Еще один прием - утаивание сведений. Например, в деле о шпионаже защита хочет сообщить присяжным, что исследуемые сведения не являются государственным секретом: они уже опубликованы в открытой печати. Судья это запрещает, говорит, что это вопрос юридический. То есть это он, судья, оценивает, что является государственной тайной, а что нет. Присяжные же должны ответить, разгласил ли сведения подсудимый. И присяжные отвечают: да, разгласил. Газетную статью. Судья констатирует - разглашенные сведения считаю секретными. Точка. Приговор.

В деле Алексея Пичугина это было так. В первом процессе один из свидетелей, осужденный на пожизненное заключение Коровников, проговорился, что он отбывает наказание, и у присяжных создалось определенное мнение о его показаниях. На новом процессе, в ином

составе присяжных, его судимость тщательно скрывалась от заседателей. И, по словам адвокатов, судья Олихвер, "нарушая право Пичугина на защиту", запретила им выяснять "данные о личности свидетелей, что лишило присяжных возможности оценить их показания с точки зрения достоверности".

11. Важную роль играет запрет Верховного суда ставить перед присяжными вопросы о намерениях подсудимых. Их запрещено спрашивать о намерении обвиняемого лишить человека жизни. Практически запрещено спрашивать их мнение о состоянии аффекта. Нельзя спрашивать о корыстных целях. А ведь это все мотивы или обстоятельства преступления, они существенно влияют на приговор. В том числе на квалификацию преступления, определение статьи, по которой следует наказывать человека.

Все эти запреты - очень последовательная практика Верховного суда, принявшего начиная с 1995 года целый ряд решений, все более и более ограничивающих суд присяжных. Способ мышления при этом Верховный суд демонстрирует вполне прокурорский. Для него пытки, например, - вопрос права, а не факта. Он полагает, что в таком случае протокол допроса является всего лишь недопустимым доказательством.

Боязнь правды у прокурорских понятна - когда всплывали пытки, присяжные были склонны оправдать человека. Как только в 1995 году состоялось прецедентное решение Верховного суда по пыткам (дело Князева, отказавшегося в суде от своих показаний на следствии), масса оправдательных приговоров была отменена. Пытки за давностью времени не установлены, а значит, их и не было.

12. Еще прием. Вопросы присяжным перед уходом на совещание задавать не по эпизодам, а скопом. По делу Сутягина в одном вопросе было объединено целых пять. Присяжные должны были отвечать "да" или "нет" сразу по пяти позициям. В таком случае человек обычно думает так: первый эпизод был, второй тоже, третьего не было. В итоге надо сказать "да".

Присяжные могут попросить судью уточнить вопросы, но он может отказать без объяснений. Если присяжные при всех скажут: "Вопрос сформулирован так, что на него нельзя ответить правильно", - судья будет их уговаривать или распустит коллегию. Такого еще не было: наши граждане в подавляющем большинстве еще верят власти, судьям в том числе.

По делу Ульмана сформулировали вопрос на полторы страницы. Как на него ответить? Бывает, вопрос состоит из сложной формулировки. А иной раз формулируется так, что при любом ответе обвиняемый признается виновным.

В Америке присяжные отвечают только на один вопрос, поставленный предельно ясно и четко: виновен или невиновен подсудимый по конкретному эпизоду. У нас же судьи редактируют его в режиме филологического эксперимента. Поскольку в законе нет специальных требований к ясности и содержательности вопроса к присяжным, наши судьи вольны путать их любыми силлогизмами.

13. Типичная практика нашего времени - судья переписывает для присяжных вопросы из обвинительного заключения, не дав себе труда переработать их с учетом независимой позиции суда. У присяжных, далеко не всегда привычных к самостоятельному мышлению, само собой формируется мнение, сходное с прокурорским.

...В начале июля 2005 года, на встрече Путина с председателем Верховного суда Лебедевым, президент спросил судью: насколько эффективно суд борется с наркотиками? Тот живо и подробно отвечал, как будто ждал вопроса.

Суд, по мнению этих двух юристов, призван бороться. А я-то думал - устанавливать истину, в том числе защищать людей от необоснованного обвинения. В этом и только в этом его предназначение. По признанию судей, с которыми я встречался при подготовке этой книги, лишь очень короткий период в 1993-1994 гг. суд был у нас относительно независимым. Далее все быстро стало возвращаться к нормам советского времени.

Лед тронулся. Присяжные заседатели

Первая коллегия присяжных, рассматривавшая дело Алексея Пичугина, была распущена в Мосгорсуде в декабре 2004 года. Моим коллегам удалось побеседовать с семью членами того судейского коллектива. Четверо из них согласились представиться в нашем исследовании по имени-отчеству. Трое просили об анонимности. Остальные категорически отказались беседовать. Причина одна - страх перед последствиями. Они не хотят рисковать, понимая роль спецслужб в процессе. Вот такая у нас сегодня демократия.

Бывшие присяжные говорят, что склонялись к оправданию подсудимого. Да, они связаны подпиской о неразглашении липовых секретов процесса, но не выносили вердикт по делу и согласились рассказать о недолгом судейском опыте.

Осенью 2004 года 16 москвичей получили судебные повестки. Им предстояло разобраться в непростом деле по обвинению в убийстве и покушениях на убийство. Адвокаты так и не смогли удостовериться, что эти фамилии фигурировали в списках присяжных заседателей для Мосгорсуда, утвержденных правительством Москвы на 2004 год. Эти списки публикуются в "Вестнике мэрии" с большим опозданием. Бывает, адвокаты сверяют фамилии участвующих в процессе присяжных с официальными списками уже после вынесения вердикта.

Во время отбора судья предупредила: слушания могут затянуться на несколько месяцев, объем дела внушительный. Отобрали 16 человек - 12 основных и 4 запасных присяжных, на случай, если кто-то выйдет из процесса по уважительным причинам. Слушания начались 4 октября 2004 года. Как вспоминают присяжные, сначала им показалось, что все участники процесса - адвокаты, прокуроры и судья - настроены по-рабочему.

"Мы заседали целый месяц. Выслушивали свидетелей обвинения, - рассказывает пенсионерка Нина Васильевна. - А потом начались

заминки. Мы приходили в суд, и нам сообщали, что дело не будет слушаться: то подсудимый заболел, то адвокат, то судья".

Сначала эти болезни не вызывали подозрений, но заседания систематически откладывались, и некоторые присяжные насторожились. Возникло ощущение, что судебный процесс намеренно затягивается. Адвокаты встревожились, когда Алексея в очередной раз не доставили по болезни. На свидании в тюрьме им удалось выяснить, что подзащитный здоров. Значит, судебное заседание было перенесено необоснованно.

"В ноябре не было ни одного заседания. Присяжные начали беспокоиться. Мне хорошо, я пенсионер, могу ходить в суд сколько угодно. А в нашей коллегии почти 80 процентов было работающих", - объясняет присяжный Евгений Иванович.

А вот мнение другого присяжного, Владимира Ивановича: "Были люди, которые получали очень хорошие зарплаты и держались за них. Они начали волноваться, дело затягивалось, и у них могли быть проблемы на работе".

А Нина Васильевна вспоминает: когда на последнем заседании узнала, что шесть человек написали заявления, что по уважительным причинам больше не могут участвовать в рассмотрении дела, она очень расстроилась: "Мы хотели дослушать дело. Когда я узнала, что нашу скамью распускают, я была готова позвонить тем, кто взял самоотводы. Хотела уговорить их вернуться. Но мне объяснили, что уже поздно".

Одна из присяжных, которая просила не называть ее имени, считает, что не все те, кто написал заявления, сделали это по собственной воле: "Я думаю, нашу коллегия распустили, когда узнали, что мы не очень-то доверяем обвинению".

С ней согласен и Евгений Иванович: "Мы не могли бы вынести обвинительный вердикт. Почему? Да потому, что дело было так бездарно подготовлено, что все мы - а нас было 16 человек, не могли поверить, что Пичугин виноват. Никакого определенного

впечатления по делу не создались. Против Пичугина нет никаких доказательств. Я думаю, что нас и распустили потому, что не было достаточных улик, чтобы вынести обвинительный вердикт".

Нина Васильевна признается, что, хотя за время, что заседала в суде, выслушала только сторону обвинения, не слышала ни адвокатов, ни самого Пичугина, у нее все равно сложился положительный образ подсудимого. И она объясняет, почему так произошло:

"Свидетелям не удалось дать каких-либо конкретных показаний против него. Ничто из того, что они говорили, не указывало на причастность Пичугина к делу. Они крутились как-то вокруг да около. Где-то видели. Что-то слышали. А конкретно никто не мог ничего сказать. Было это все неубедительно. И это не только мое мнение. Вот пройдет заседание или объявят перерыв, мы на некоторое время остаемся в совещательной комнате и, бывало, спрашиваем друг у друга: "Ну и что сказал этот свидетель? Ведь ничего конкретного он не сказал".

"Я вообще удивлен, что вторая коллегия вынесла обвинительный приговор, - удивляется другой присяжный, просивший его не называть. - Вряд ли обвинение что-то новое накопило, о чем нам не говорило. Когда мы заседали в коллегии, обвинение высасывали из пальца. Помню, допрашивали членов банды. Они ничего сказать не могли. Вообще-то они не внушали большого доверия. На суд их привезли в наручниках. Когда мы обсуждали между собой обстоятельства дела, мы не ставили вопрос: виновен - не виновен. Для нас главное было понять: доказано или нет, что виновен Пичугин".

Похоже, присяжные не подозревали, что кто-то может заранее интересоваться их мнением, и они свободно выражали свое отношение к подсудимым в совещательной комнате.

"Через какое-то время кто-то из наших предположил, что в совещательной комнате могут подслушивать. И мы стали больше говорить на улице, - вспоминает одна из присяжных. - Никаких статей по этому делу мы не читали, телевизор не смотрели. В этом

смысле мы слушались судью, которая вела процесс вполне взвешенно. И ей-то было нелегко, ведь дело было совсем сырое".

Как видим, присяжные, с которыми удалось поговорить, вполне лояльны к судье. Кроме того, они четко различают виновность Пичугина и Пешкуна. По их мнению, доказательства, представленные обвинением в отношении Пешкуна, сомнений не вызывали, тем более что он частично признал свою вину. Что же касается Алексея Пичугина, то свидетельские показания казались неубедительными.

Старшина присяжных Михаил, судя по тону и отдельным репликам, разделял мнение большинства присяжных и не поверил в виновность Пичугина. Правда, он все же отказался от комментариев. "У меня от участия в этом деле остался очень неприятный осадок. Но мне не хотелось бы ни с кем делиться пережитым", - заявил он.

Настороженно к вопросам о процессе отнеслись присяжные, которые взяли самоотвод, сославшись на личные обстоятельства и занятость на службе. Они просили им не звонить и не тревожить вопросами. По некоторым признакам я предполагаю, что кто-то из них даже пожаловался в суд на назойливых журналистов.

Те же присяжные, которые отвечали на вопросы об обоснованности обвинений против Пичугина и Пешкуна, были очень искренни. По социальному положению этих людей трудно заподозрить в любви к олигархам. Зато в силу возраста и житейского опыта они вполне в состоянии разобраться, виновен ли подсудимый в убийстве и в покушении на убийство. В подобных делах не требуются юридические познания. Довольно и житейской мудрости.

Вердикты присяжных по делам об убийствах, как правило, бывают продуманными и взвешенными. Они часто оправдывают подсудимых, подозреваемых в убийстве, потому что в отличие от судьи не связаны корпоративными отношениями ни с милицией, ни с прокуратурой. Рассматривая дело об убийстве, внимательнее обычного изучают детали и доказательства. Они остерегаются осуждать невиновного.

Исходя из бесед с ними, я утверждаю: первую коллегию присяжных не удалось убедить в виновности Пичугина. И это стало большим разочарованием для обвинения и Мосгорсуда. Остается только догадываться - был ли среди "судей улицы" внедренный агент, что докладывал заинтересованным лицам о настроениях присяжных?

Учитывая информацию о наружном наблюдении за присяжными и их подозрения о прослушивании помещений суда, я не стал бы утверждать это категорически. Если бы у сотрудников оперативного сопровождения процесса был надежный источник внутри коллегии, они вполне могли бы им ограничиться. А на деле применили технические средства, уничтожая гарантированную нам на бумаге тайну совещательной комнаты.

Не исключено, конечно, что оперативники перестраховались. Ведь даже самый надежный их источник под давлением неожиданно проснувшейся совести мог перейти на сторону правосудия. То есть перестать сообщать, как присяжные воспринимают доказательства обвинения. Такой вариант тоже возможен.

Итак, ответственным за "правильный" исход дела стало понятно, что дело трещит по швам. Несмотря на закрытость процесса, на обвинительный уклон судьи, на частичное раскаяние Пешкуна, присяжные начинают склоняться на сторону подсудимого. А впереди - свидетельства защиты.

Тогда-то и было решено использовать сценарий роспуска ненадежной коллегии. Не исключено, что члены коллегии, написавшие заявления о самоотводе и категорически отказавшиеся с нами разговаривать, сделали это не по собственной воле. В пользу такого предположения могу сообщить: заявления писались одновременно, как будто по сговору, в тайне от остальных участников коллегии. Действительно, по-житейски посоветоваться между собой они должны были. Но в этом эпизоде действовали именно как изолированная группа, объединенная общей целью. Или общим приказом.

Роспуск

Перед Натальей Олихвер, регулярно знакомящейся с данными оперативного сопровождения, встал вопрос о роспуске первой коллегии присяжных. Как это делать, она знала - наши славные органы к тому времени уже имели немалый опыт по этой части.

Сценарий роспуска опробовался в нескольких делах. Например, в деле Игоря Сутягина. Первая коллегия присяжных, слушавшая дело ученого-шпиона, также была распущена, как только стало понятно, что некоторые из ее членов с симпатией относятся к подсудимому. Вторая скамья присяжных, приглашенная для участия в деле Игоря Сутягина, была уже тщательно подобрана. В нее вошли несколько бывших сотрудников спецслужб, которые скрыли во время отбора эти факты своей биографии.

Зная об этой истории, адвокаты Пичугина подозревали, что и в их деле может повториться подобный сценарий. Каково же было их удивление, когда на отбор второй коллегии присяжных пришло всего 28 человек. Возраст кандидатов и их социальное положение удивительным образом напоминали "случайную выборку", из которой пришлось отбирать присяжных во вторую коллегия по делу Игоря Сутягина, - от 30 до 45 лет. Большинство - предприниматели, обеспеченные люди.

Люди такого уровня обычно выбрасывают в мусорную корзину повестку с приглашением в присяжные. В суд их калачом не заманишь. Но они же являются идеальными объектами для шантажа. Ни один хозяин своего дела, вложивший в него душу и половину жизни, не поставит его под удар ввиду гарантированного налогового налета, стоит только отказаться от уготованной ему роли. Или вынести справедливый вердикт. То же самое можно сказать о любом главном бухгалтере, лице с правом подписи.

Процесс покатился под гору. Скорость его показывала - судья и обвинение уже все решили. В деле стали попадаться эпизоды, которые однозначно свидетельствуют о том, что Олихвер выполняла откровенно репрессивную функцию. Например, в случае со свидетельницей Рожковой. В нем как в капле воды отразился весь фальсифицированный процесс. Давняя подруга Костиной, она

согласилась свидетельствовать против Алексея Пичугина и хотя бы косвенно подтвердить, что он собирался убить стервозную сотрудницу "МЕНАТЕПа".

Рожкова на первом судебном заседании показала, что Невзлин запрашивал у нее личное дело Костиной. В этот момент в кабинете находились Пичугин и Шестопалов. В марте 1997 года, после того как Костина уволилась, она приносила дело Невзлину. А в нем была фотография Костиной, адрес и все на свете, нужное для преступления.

Сама Рожкова была одной из четырех сотрудников секретариата Невзлины. Как удалось установить защите, в этот период она уже не работала у Невзлины и не выполняла никаких его поручений. Это подтвердили сотрудницы секретариата - Федорова (помощник) и Исангильдина (секретарь). Там же работали Мелкумов и еще одна сотрудница. Самое важное, что именно Федорова занималась увольнением сотрудников.

Все сотрудники секретариата опровергли слова Рожковой. Выяснилось, что двое свидетелей защиты, в том числе Исангильдина, были взяты на работу в секретариат, чтобы заменить ушедшую Рожкову, и принимали у нее дела. Все бывшие сотрудники секретариата показали одно: чтобы получить личное дело, его надо специально заказать в отделе кадров в соседнем здании.

Это не могла сделать Рожкова, так как все поручения Невзлины исполняет секретарь. И личное дело для него, по заведенному порядку, мог заказать только секретарь. А бежать в отдел кадров должен был помощник. Система ничем не отличается от обычных правил любого госучреждения или крупной фирмы. Рожкова же показала, что не помнит другого случая, чтобы Невзлин вообще запросил чье-то личное дело.

Из ее слов получается, что Невзлин в единственном и странном случае поручил доставить личное дело именно Рожковой, хотя это обязанности Федоровой. Что же собой представляла для Невзлины эта Рожкова, что он нарушил заведенный порядок? Непонятно.

Но главное - Рожкова и на суде продолжала утверждать, что работала в секретариате в марте 1997 года. И тут роковую роль сыграли многочисленные обыски в "ЮКОСе", когда все дела изымались тоннами и подчистую. В их числе следствием были изъяты и все документы отдела кадров.

Все, чего могли добиться адвокаты, - получить сохранившиеся в компьютере файлы отсканированных трудовых книжек. Но там, как знает любой кадровик или просто сведущий человек, никогда не отмечаются переводы в равных должностях в одной структуре (отдел или управление). Отмечается только изменение должности. А Рожкову перевели в той же должности в соседнее подразделение.

Разумеется, все такие переводы отражаются во внутренних учетах. Но они были изъяты следствием и бесследно исчезли. Исчезли все документы, в том числе и за 1997 год! Доказать или опровергнуть факт работы Рожковой в секретариате Невзлина в марте этого года документально уже невозможно. Если не найти нужные бумаги в дебрях Генеральной прокуратуры.

Оставалось надеяться на свидетелей. Все они дружно указали, что Рожкова в тот период с ними не работала и не могла исполнять никаких обязанностей. Все эти свидетели имеют в своих трудовых книжках записи, что работали в тот период в секретариате Невзлина.

На слушаниях перед второй коллегией присяжных Рожкова рассказала все то же самое. Но теперь, по ее словам, в кабинете у Невзлина сидел один Пичугин. Его она видела первый раз и больше никогда не встречала. Откуда же она могла знать, что незнакомый человек, сидевший у Невзлина в кабинете в марте 1997 года, - Пичугин? Любой читатель может попытаться вспомнить любого человека, которого он пять лет назад видел один-единственный раз в жизни, зайдя по случаю в какое-то помещение и впервые услышав его фамилию.

Сразу после этого Федорова и Исангильдина, работавшие у Невзлина с 1996 года, предъявили присяжным свои документы,

рассказали, как принимали у Рожковой дела при ее уходе из секретариата.

Тогда защита спросила не в меру памятливую свидетельницу: говорила ли она Костиной, своей близкой подруге, что носила ее личное дело Невзлину и людям из службы безопасности? А вот этого Рожкова уже не помнила. Костина тоже не вспомнила, а затем заявила, что такого предупреждения не было. Выходит, неизвестного ей человека свидетельница запомнила на всю жизнь, а вот подругу предупредить забыла.

Очень важно учесть, что Рожкову и свидетелей защиты допрашивали в суде по отдельности. Они не видели друг друга. Сразу после ухода Федоровой и Исангильдиной из зала прокурор ходатайствовал о дополнительном заслушивании Рожковой. Повторный допрос предполагает дополнительные вопросы по неисследованным темам.

Каково же было удивление адвокатов, когда прокурор опять спросил Рожкову, работала ли она в марте 1997 года в секретариате Невзлина. Она ответила утвердительно и была отпущена с миром. Прокурор просто хотел, чтобы за его свидетелем осталось последнее слово. Тогда адвокаты попросили выслушать еще раз и остальных сотрудников секретариата. Судья тут же им отказала.

Но судебное следствие допускает и очную ставку! Адвокат Каганер немедленно попросил Рожкову прийти на следующий день, чтобы глаза в глаза побеседовать со своими бывшими коллегами и рассказать им о том, как она носила дело Костиной Невзлину. Последовала мгновенная реакция судьи Олихвер: "Свидетель Рожкова, не отвечайте на этот вопрос! Он неправомерен. Ваш допрос закончен, вы свободны".

Сразу после этого адвокатам отказали в дальнейшем исследовании показаний их свидетелей по эпизоду. А утром следующего дня главного свидетеля Федорову, уличившую Рожкову во лжи, срочно вызвали на допрос в прокуратуру!

Вот вопросы, на которые следователи потребовали ответа. 1. Как она попала в судебное заседание? 2. Кто внушил ей давать такие показания? 3. Готовил ли ее кто-либо к допросу, учил ли, как отвечать? 4. Если готовил, то кто? Может быть, он оказывал на нее давление? Женщину, которой далеко уже за 60 лет, более шести часов трясли следователи. Результат их не обрадовал.

Федорова, и на пенсии сохранившая все навыки профессионального сотрудника секретариата, человек внимательный и ответственный, вновь начала вспоминать все обстоятельства дела и искренне подтвердила свои показания. В том числе вновь указала так портившую картину прокурорских построений дату ухода Рожковой из секретариата.

Если это не запугивание, не давление на свидетеля, то что это?

Остальным свидетелям по эпизоду с Костиной кураторы тоже не отработали детали рассказа. Точнее, отработали из рук вон плохо. В результате на разных допросах на уточняющий вопрос они дали разные ответы. Пешкун как посредник сообщил, что передал нанятому для ее убийства Коровникову фотографию 3х4 см, как в личном деле. Не зная этого, Коровников показал в суде, что получил от Пешкуна лист ксерокопии форматом А4. Но суд решил не обращать на это внимания.

И в самом деле, какие мелочи! Главное, что передали-получили, почти убили. Фото жертвы таинственно превратилось в бумажную ксерокопию. Так может, свидетели просто врут? В разных камерах сидят, по мелочам договориться не успели. Тут бы и начать поиск истины, как предписывается суду. Предписывается, да, видно, не в наше время. А ведь все эти показания занесены в протокол суда. Будущим поколениям в назидание.

Ради этих будущих читателей я должен сообщить, что даже внутри прокуратуры не все готовы были выполнять преступный план власти без оговорок. У некоторых оговорки все же были. Они не желали ставить под удар свою репутацию, бросаясь очертя голову в череду мелких и крупных процессуальных нарушений.

С начала процесса адвокатам противостояли два прокурора: от Генеральной прокуратуры, исчезнувший без следа и последствий для процесса через две недели, и представитель московской прокуратуры. После роспуска первой коллегии присяжных московского прокурора вывели из процесса. Якобы для работы по другому делу.

Можно ли было найти для бойцов Устинова дело важнее? Скорее всего, причины были иными. Локтионов, старый прокурор, не устраивал кураторов процесса. В первом слушании у представителя обвинения была очень четкая позиция по системе представления доказательств. Локтионов добросовестно двигался по эпизодам. Если свидетеля в суде не было, он прерывал заседание, так как считал, что это нарушит логику рассмотрения дела, выстроенную прокуратурой.

Для того, чтобы у присяжных выстраивалась определенная картина преступления, он твердо стоял на своем. И судья Олихвер сама начала предлагать Локтионову исследовать другие материалы, чтобы не терять времени. Тщетно: у прокуратуры есть позиция, и она пользуется правом исследовать доказательства в том порядке, в котором считает нужным.

Судья вынуждена была мириться с педантизмом прокурора на процессе, где приговор вынесен еще до начала. Проще говоря, Локтионов, судя по его работе в суде, совершенно не чувствовал его формального характера, очевидного судье. И пытался что-то доказывать, затягивая процесс безо всякой политической нужды.

На втором процессе все было не так. Он прошел почти мгновенно, всего было 18 судебных заседаний. Если на первом процессе обвинение исследовало все эпизоды, где были собраны доказательства, то тут позиция была иная. Двум новым прокурорам уже не надо было исследовать все. Они ограничились только изучением показаний Коровникова и подтверждавших его слова Эрбеса, Кабанца, Попова, Смирнова. Разумеется, заслушали и потерпевших.

В результате были исключены важнейшие доказательства и свидетельства. Так, в эпизоде с покушением на Костину в первом процессе участвовали очевидцы, обнаружившие первые результаты взрыва. Жильцы показали, что взрывное устройство находилось в месте, где взрыв не мог причинить никакого ущерба даже квартире матери Костиной. Не то что спавшим в ней людям. Это были живые свидетельства.

Во втором слушании дела Наталья Олихвер просто запретила защите вызвать их. Тогда адвокаты попросили зачитать их показания из протокола. И услышали в ответ: "Нет, эта фраза не будет оглашена". А ведь эти показания прямо подтверждали показания подсудимых на предварительном следствии о том, что они имели задание только напугать Костину.

Первоначально, еще в Тамбове, преступники показали, что принесли с собой в качестве орудия преступления дымовую шашку. И лишь не сумев ее зажечь, применили наскоро сооруженное легкое взрывное устройство. Но жильцов дома, подтверждавших это, в суде уже не было.

То же самое произошло при рассмотрении эпизода с Колесовым. Его, если следовать фактической стороне дела, просто ограбили и избили. Неизвестные преступники скрылись. Обвинению же нужно было доказать, что Пичугин приказал не избить, а убить Колесова. По данным предварительного следствия, довести до конца преступный замысел, то есть убить его, помешали посторонние граждане. А если бы не они - непременно убили бы. Но эти граждане были допрошены давно и дали исключительно бесполезные для обвинения показания. Один сообщил, что, хотя и находился в том районе в указанное следователем время, но ничего не видел. Второй рассказал, что он гулял с собакой и тоже ничего интересного не заметил.

Адвокаты попросили допросить этих свидетелей. Если они ничего не видели, то как они могли помешать преступникам убить Колесова? Судья отказала защите и в этой, казалось бы, невинной просьбе.

Такими эпизодами процесс просто пестрит. Возможно, поэтому педант Локтионов не устраивал судью. Ну а при повторном слушании адвокаты столкнулись уже с согласованной позицией трех прокуроров. Двоих от Устинова и самой судьи.

Интересное наблюдение: за время, прошедшее между первыми и вторыми слушаниями, свидетелей здорово поднатаскали. Они уже знали, как отвечать на вопросы адвокатов в выгодном для обвинения свете. В первом процессе кровавый убийца Коровников устраивал цирковые представления. Он кричал Костиной: "Прости меня, Оленька!". Умолял охрану: "Дайте мне воды, мне плохо!". И тем здорово испортил впечатление - присяжные понимали, что перед ними клоун. Хотя следствие и скрывало его уголовное происхождение.

Коровников пытался сам, по своему усмотрению, подыгрывать следствию, при этом через слово срываясь на блатной жаргон. Такая самодеятельность могла только привести в ярость подготовивших его людей. Вот он пытается развить историю с Костиной, создать впечатление достоверности. И спрашивает ее: "Ведь у тебя тогда были еще золотые сережки? Я же помню!". Костина не была готова к такому вопросу, он по сценарию не был согласован. И, не зная, что делать, закивала согласно головой: "Да, были, были такие сережки". Защита среагировала мгновенно: по данным самого следствия, Коровников до суда видел Костину только на черно-белой фотографии. О чем и объявили. Все сразу стало ясно.

Во втором слушании Коровников говорил короткими рублеными фразами. Никакой отсебятины, полностью исчезли формулировки "по понятиям". На этот раз он не сказал ничего, что позволило бы усомниться в его показаниях. То же самое произошло и с другими членами банды.

Да и судья на этот раз помогла Коровникову выглядеть правдоподобно. Как только адвокаты попросили его вспомнить прежние показания, он отказался: "На этот вопрос отвечать не буду". И Наталья Олихвер тут же запретила оглашать показания Коровникова в прошлом судебном заседании.

Пытаясь произвести положительное впечатление на присяжных, Коровников рассказывает об акции против Костиной: "Мы подъехали под видом бандитов. Наша задача была напугать ее". Адвокат резонно спрашивает убийцу: "Вы что, маскировались под бандитов? Вы себя бандитом не считаете?". И тут же мгновенная реакция судьи: "Вопрос снимается как некорректный". Никто в зале суда не должен был догадываться о реальном положении свидетелей из банды и достоверности их показаний.

Наконец потерявшая всякое терпение защита подала судье письменное ходатайство. Они потребовали возможности выяснить в суде, что собой представляют Коровников, Эрбес, Кабанец и Попов. Присяжные должны узнать, за что осуждены эти люди, дающие показания спустя пять лет после мнимого разговора с Пичугиным. Разумеется, они получили скорый отказ без объяснений.

Вот такое интересное и "всестороннее" исследование всех обстоятельств преступления у них там получилось. Интересно, что в соответствии со старым УПК слушания проходили бы в Тамбове. И не надо было бы присяжным разъяснять, кто такой Коровников на самом деле. В этом городе он оставил по себе страшную память.

Разница в поведении остальных свидетелей на первом и втором слушаниях также очевидна. На первом Пешкун был очень осторожен, он еще не знал, как оно будет развиваться, во всем чуял подвох. И согласился давать показания только после всех свидетелей обвинения. На втором процессе он мгновенно согласился на допрос. С него-то и начали. Но выступал он путано, волновался, оглядывался. Плохо заучил свои показания, видимо. Ему на помощь вызвали Коровникова с подвешенным языком. И Пешкун крикнул только: "Да-да, я все его показания подтверждаю!". Кто же так "поработал" со свидетелями в камере?

Поведение Коровникова в процессе живо характеризует все его безумие даже с точки зрения обывателя. Особо выразителен эпизод с очной ставкой Пичугина и Коровникова. Она проводилась в тесном помещении площадью около 8 метров. Там присутствовали

следователь Демидов с рукой на кнопке тревожного вызова, 5 адвокатов, Пичугин и Коровников.

Вскоре после этого адвокаты написали жалобу, что очная ставка была проведена с нарушениями закона. Следователь Демидов вызвал Коровникова: "Что можете показать об очной ставке?" Комментарий Коровникова: "Я вообще был в шоке. Адвокаты угрожали следователю убийством на моих глазах во время очной ставки". Это он так Демидову помогал с защитой бороться. В меру собственного понимания.

На суде он обратился к адвокату Каганеру: "Вы же помните, что на очной ставке уговаривали меня отказаться от показаний и обещали мне носить за это передачи в Лефортово!". Видавший виды Каганер только и ответил: "Жалею, что у меня рука не отсохла, когда я давал вам, нуждающемуся в заключении, свои сигареты на той очной ставке".

Эту ахиною, вопреки подробному протоколу очной ставки, которую вел сам следователь Демидов, Коровников рассказывал присяжным, желая помочь следствию. Мнение присяжных после таких показаний легко представить. На вторых слушаниях защита просила судью огласить и эту историю "правдивого" свидетеля для новой коллегии присяжных. Разумеется, Наталья Олихвер запретила читать эти показания. Чтобы присяжные не поняли, на словах какого человека обвинение строит свою версию преступления.

Нет сомнения, что между слушаниями бандитов учили, как вести себя, что говорить на вторых слушаниях. Кураторы сделали выводы из ошибок первого процесса.

Глава Приговор

10

18 вопросов, которые судья Олихвер задала второй коллегии присяжных, готовились, похоже, ловким человеком. Может быть, и ею самой. На них было почти невозможно дать отрицательный ответ. Например: "Доказано ли, что в дом ворвались люди, похитили

Гориных, причинили Измайлову телесные повреждения?". Но Измайлов (сын Гориной) действительно получил телесные повреждения! Кто с этим спорит? Хотя в обвинительном акте ни о каких телесных повреждениях Измайлова вообще нет ни слова. Тогда зачем все это? И как отвечать - "да" или "нет"?

Вопросы формулировались не по каждому подсудимому, а скопом. Защита отлично видела все сложности, которые возникнут у присяжных в связи с такими формулировками. Разумеется, адвокаты предложили разбить вопросы на составляющие. Разумеется, получили от Натальи Олихвер категорический отказ.

Подтасовки материалов процесса в угоду обвинению случаются у нас не так уж редко. Но в процессе Алексея Пичугина они, прикрытые формальной секретностью, выросли в поистине раблезианские формы. Характерный эпизод связан с заявлением прокурора Кашаева для прессы.

Эта пресс-конференция была созвана 30 марта, в день оглашения приговора. Точнее, сразу после оглашения. Там он много чего интересного сказал. Но защиту потрясло его утверждение, что на присяжных в деле Пичугина оказывалось мощное давление. Причем именно со стороны защиты. В версии Камиля Кашаева дело дошло до того, что присяжных пришлось возить на процесс в специальном автобусе.

Вот тебе раз! Оказывается, весь процесс присяжных охраняла от давления защиты некая организация. Какая - выяснить не удалось. Возмущению адвокатов не было предела. Дело в том, что каждое утро судья Наталья Олихвер спрашивала присяжных перед началом судебного заседания: "Не читали ли вы газет, которые могут повлиять на ваше решение? Не оказывается ли на вас давление с какой-либо стороны?". И день за днем присяжные отвечали: "Нет".

Со слов же прокурора Кашаева выходило, что присяжные скрывали, что на них воздействует защита! Как воздействует, он, правда, не пояснил. Поэтому адвокаты с нетерпением ждали протокола судебного заседания, где все должно быть зафиксировано - день за

днем. В середине апреля этот протокол был судьей Олихвер изготовлен. Защита бросилась его читать. Каково же было удивление адвокатов, когда они обнаружили, что, согласно протоколу, судья ни разу на протяжении всего суда не спросила присяжных о давлении на них!

Поясню, что это означает. В связи с тем, что суд был закрытый, защите запрещалось протоколировать его ход. Протокол судебного заседания ведет секретарь. Пишет не от руки, а стучит на судебном компьютере. В законе не прописано, что она каждый день должна сдавать протокол и сверять его с кем-либо. И только в самом конце процесса на основании этих "заметок", назовем их так, судья изготавливает свой итоговый протокол, отражающий ход всего процесса. Изготавливает по своему полному произволу: никто не может оспорить, что происходило на самом деле в тот или иной день.

Проще говоря, судья легко может сфальсифицировать любую запись в итоговом протоколе. А защита, согласно тому же закону, может лишь принести на этот протокол жалобу. Судья вправе сказать: "Идите к черту! Все записано правильно". В нашем случае судья Олихвер, услышав от Кашаева (по телевизору!), что на присяжных оказывалось давление, сообразила, что эта ложь опровергается протоколом. И просто вычеркнула задним числом из протокола все свои вопросы присяжным о вероятном давлении на них.

Я прошу представить это предметно: несколько месяцев подряд день за днем она задавала присяжным один и тот же вопрос в присутствии большого количества свидетелей и получала на него ответ. В конце концов, это ее прямая обязанность. Процесс закончился, прокурор нагло врет публике, и судья вычеркивает из протокола все свои вопросы, опровергающие заявление прокурора. Защита, разумеется, выразила протест. Наталья Олихвер ответила, что так оно и было - ни о каком давлении на присяжных их не спрашивали! Таков наш закон и таковы наши судьи.

Допустим, правота прокурора подтверждена судьей. Но тогда встает вопрос к ней самой: почему она ни разу не спросила присяжных о

том, о чем ее обязывает спрашивать закон? И вообще чем руководствовалась Олихвер, фальсифицируя протокол и подставляя тем самым саму себя? Если не лояльностью власти, которая и является ее главным судебским достоинством? Во всяком случае, в квалификационную коллегию, призванную лишать судей статуса за такие безобразия, надзорные органы суда никаких заявлений не направили.

Впрочем, случилось, что даже своим волшебным правом кроить протокол задним числом наш высокий суд не пользовался. В результате некоторые эпизоды работы следствия со свидетелями по делу и подсудимыми еще ждут своих сатириков - настолько они смешны.

Вот в прениях сторон прокурор анализирует показания Смирнова и частично зачитывает их. Мол, свидетель Смирнов дал следующие показания. Но в протоколе судебного заседания таких показаний Смирнова просто нет! Он ничего подобного не говорил!

Есть единственное объяснение, почему обвинение зачитало несуществующие показания. Видимо, для Смирнова их действительно написали и он должен был произнести эти "показания" в суде. Но не произнес, а обвинение забыло ему напомнить. Этот текст остался лишь в прокурорских записях. И обвинитель процитировал эти "показания", не дав себе труда вспомнить: а слышал ли зал заседаний что-то похожее?

Но ведь у судьи была возможность внести эти показания от лица Смирнова в протокол, хотя бы задним числом. Она и этого делать не стала: вряд ли Верховный суд обратит внимание на такие мелочи.

Так в России было не всегда. Бывали времена, когда высший судебный орган не допустил бы столь диких поступков должностных лиц. Лишь в несвободном обществе политически мотивированный процесс не оставляет жертве никаких надежд.

Во второй половине XIX века, после судебных реформ Александра II, сугубо политические процессы против исповедовавших террор

народовольцев не всегда заканчивались так, как хотелось бы Романовым. Данные царем гарантии независимости судопроизводства позволяли его убийцам бороться в суде за свою жизнь и даже надеяться на оправдательный приговор.

Тем не менее царский режим твердо стоял на своем. Великие князья умирали, в том числе и за независимый суд. Именно независимый суд стал действенным орудием общества. И это в то время, когда на "царских сатрапов" и саму августейшую фамилию была развернута настоящая охота, закончившаяся убийством императора.

Сравните это с нынешним режимом, его карательными органами и ручными судами. В январе 2004 года, когда следствие по делу Алексея Пичугина еще только заканчивалось, одна из сотрудниц аппарата Невзлина была вызвана следователем Буртовым на допрос. Ее спросили, как часто она встречалась с Пичугиным и может ли описать его.

"Нет, - отвечала она, - видела мало, описать затрудняюсь. Но если встречу на улице - непременно узнаю". Следователь отвернулся к окну, постучал ручкой по столу: "Пичугина вы на улице никогда больше не увидите".

Выходит, общество в царской России в некоторых аспектах было куда как более свободно, чем мы.

Итак, вердикт вынесен. 20 лет лагерей стали Алексею Пичугину наказанием за упорство и характер, с которыми он сопротивлялся неправому следствию и суду. Заказной характер дела был настолько очевиден думающим людям, что главной задачей государственного телевидения стало старательное исключение из своих репортажей любых подробностей о процессе.

Будем иметь в виду: телевидение у нас целиком государственное. Детали процесса наводили на неприятные вопросы, и населению нужно было срочно разъяснить справедливость приговора и обличить весь "ЮКОС" на примере "убийцы Пичугина". За малым исключением журналисты взяли под козырек. А на экранах "России"

и НТВ началась вакханалия лжи. Даже пропагандой это называть не хочется.

По государственным каналам ТВ прошли несколько фильмов и сюжетов с показаниями свидетелей этого закрытого процесса. Разумеется, они обличали Алексея. Там даже Коровников беседовал с корреспондентом, практически выступая в роли эксперта, старательно пытаясь объяснить, как олигархи и возглавляемые ими фирмы зарабатывали свои капиталы.

За столом с журналистом он сидел в костюме и водолазке, одетый чище, чем иной раз одевается сама снимающая братия, когда находится не в кадре. Впрочем, в судебное заседание его тоже приводили в темно-синем костюме, темной водолазке и туфлях. Хотя, осужденный за страшные преступления, на первой очной ставке он был, как положено, в робе и наручниках.

Для авторов, создававших обличительный фильм против Алексея Пичугина, Коровникова снова принарядили, сняв с него наручники. Зрителям не рассказывали о его реальных преступлениях: власти и ее пропагандистскому аппарату нужен был персонаж, внушающий доверие. В результате он выглядел как народный трибун, вроде Леонтьева или Рогозина.

Неизвестно, как отразилась в общественном мнении эта массированная пропаганда. Опросы никакой особой динамики не зафиксировали. Не исключаю, что все эти многочисленные передачи и статьи уже стояли в плане сопровождения дела Пичугина по части PR. И выделенные деньги осваивали по инерции. Не о совести речь.

По совести-то (и по закону!) судья должна была распустить и вторую коллегию. Потому что по главному эпизоду, связанному с убийством, для чего и требуется коллегия присяжных, в деле до сих пор нет ничего! Пичугин заведомо невиновен, и судья в таком случае имеет право распустить коллегию.

Ну, можно ли считать доказательством вины Пичугина, что еще в 1999 году, по словам Коровникова, он якобы предложил ему

совершить убийство Горина, а Коровников тогда, по его же словам, от предложения отказался? Горины пропали в 2002 году, в ноябре. Может ли это единственное утверждение Коровникова служить доказательством того, что спустя три года Пичугин участвовал в совершении такого преступления?! А ведь больше в деле-то ничего по этому ключевому вопросу нет!

Предположим, у вас пропал знакомый. И спустя три года некий серийный убийца заявляет, что несколько лет назад именно вы уговаривали его убить вашего знакомого. Что это доказывает? Даже если вы действительно его уговаривали и это записано с санкции суда на магнитофонную пленку.

Кто убил Гориных три года спустя? Следствие этот вопрос не интересуется. Так и написали, что Пичугин убил Гориных с помощью неустановленных лиц в неустановленном месте! На основании выдуманного мотива указали на Пичугина как на заказчика, а настоящих убийц до сих пор никто даже не ищет.

Некоторые преступники из банды Коровникова, осужденного на пожизненное за множество зверских убийств, получили 17 лет заключения. Это за доказанные изнасилования и убийства несовершеннолетних. Доказанные с прямыми свидетельствами, честными экспертизами, следственными экспериментами, да что там - показаниями самих убийц, подтвержденными всеми обстоятельствами дела независимо друг от друга. Сравните это с приговором Пичугину - 20 лет. И только за то, что он за три года до преступления якобы имел сомнительный разговор с этими бандитами!

Эпилог

Суд мести

Последствия дела Пичугина для судопроизводства в нашей стране ужасны. Это первое политическое дело в современной России, где содержание обвинения базируется не на уликах, пусть сомнительных, не на запутанных отношениях собственности и даже

не на процессуальной казуистике. Оно неприкрыто сфальсифицировано.

И не манипуляции с судом присяжных тут важнее всего, такие случаи встречаются все чаще. Ужасно другое - все люди, имевшие к нему отношение, в погонах и без, получили награды и внятный сигнал: такое возможно.

Последовательное разрушение судебной системы России комментируют наши современники, имеющие реальный авторитет среди юристов и в России, и за рубежом.

Сергей КОВАЛЕВ, бывший председатель Комиссии по правам человека при президенте РФ, правозащитник:

- Обвинение Пичугина и сам ход этого дела представляются мне очень символическими для нынешнего российского правосудия. Во-первых, вокруг этого процесса сразу возникло множество мифов, не имеющих под собой реальной основы. Я никогда не поверю в то, что отец Михаила Ходорковского мог иметь хоть какое-то отношение к убийствам. Но даже если это так, то почему тогда молчит следствие, почему не проверяют его участие в преступлении? Это просто злонамеренная, пачкающая достойных людей сплетня. И она заведомо санкционированна. Я не верю в то, что Невзлин имел отношение к организации убийств. У следствия по этому делу нет сколько-нибудь весомых доказательств. По свидетельствам адвокатов, участвовавших в процессе, все проходило в полном противоречии с элементарными требованиями процессуальных норм. В конце концов, речь идет об убийстве, а трупы так и не были найдены.

Я совершенно убежден, что рано или поздно результаты всех судебных процессов вокруг "ЮКОСа" будут пересмотрены. Я уверен, что все эти дела носят политический характер. В них очень много фальсификаций. Последствия подобного пересмотра для пострадавших очевидны - отмена приговоров, извинения и соответствующая компенсация. К сожалению, закон о реабилитации жертв политических преследований в нашей стране сейчас

находится на грани юридического ничтожества - он предусматривает лишь смехотворные компенсации жертвам репрессий. Я считаю, что здесь гораздо более важны социальные последствия. Ведь сейчас в России просто не существует ответственности за преступления против правосудия. Я надеюсь на то, что когда дела вокруг "ЮКОСа" окажутся пересмотрены, такая судебная ответственность наступит для организаторов и исполнителей этих процессов независимо от их чина или ранга. Это должно стать прецедентом.

Людмила АЛЕКСЕЕВА, председатель Московской хельсинкской группы:

- В процессе против Пичугина было огромное число нарушений со времени его ареста и до сих пор. В этом деле они были особенно заметны, так как к процессу привлечено большое внимание журналистов и общественного мнения. Я убеждена, что этот процесс контролировался Федеральной службой безопасности по указанию с самого высокого уровня. Состав суда присяжных не выбирался по случайному принципу, как это полагается, а был подобран предвзято, заранее составлен из людей, которые готовы наказать невиновного человека. Уже на первой стадии процесса первые сорок присяжных были отобраны без участия адвокатов. Они были подобраны сотрудниками ФСБ. Я убеждена в этом, потому что то же самое происходит во время "шпионских процессов", в которых принимает участие ФСБ. Процесс был абсолютно закрытым - ведь там, где дела подтасовывают таким образом, не может быть гласности и открытости. К сожалению, в России точно так же проходят еще тысячи судебных процессов.

Есть только одна возможность реабилитации Пичугина и других обвиняемых по делу "ЮКОСа" - должно быть изменено политическое решение на самом высоком уровне. Сейчас это очевидно заказной процесс. До тех пор, пока на самом высоком уровне политическое решение не будет изменено, при нынешнем состоянии суда, когда он действует по указке властей, ничего не изменится.

Сергей НИКИТИН, директор Московского представительства "Эмнести Интернешнл":

- "Международная амнистия" неоднократно призывала российские власти уважать взятые на себя международные обязательства в области прав человека в ходе процессов по "ЮКОСу", в том числе и дела сотрудника отдела безопасности "ЮКОСа" Алексея Пичугина. "Международная амнистия" неоднократно отправляла письма в адрес Министерства юстиции Российской Федерации и генерального прокурора, где выражала свою обеспокоенность ходом этих дел. Ведь были сообщения о препятствиях доступу к адвокату, вмешательстве в общение адвоката и подзащитного, закрытом характере судебных заседаний, в частности, именно по делу Алексея Пичугина, недостатке медицинского ухода за Пичугиным и Платоном Лебедевым. Мы получали жалобы о жестоком обращении с Алексеем Пичугиным и Светланой Бахминой во время их содержания под стражей. "Международная амнистия" также выражала свою обеспокоенность по поводу содержания Алексея Пичугина в Лефортове, в следственном изоляторе, который находится в ведении Федеральной службы безопасности. В разговоре об этих процессах встает вопрос о независимости судей в России, о доступе граждан к правовой помощи, о применении пыток. Условия содержания под стражей Пичугина "Международная амнистия" рассматривает как жестокие.

Российские правозащитники неоднократно обращались в международный секретариат "Эмнести Интернешнл" с просьбой признать Михаила Ходорковского, а также всех людей, которые вовлечены в дело "ЮКОСа", политическими узниками. Генеральный секретарь "Международной амнистии" Айрин Хан соглашалась, что в деле, связанном с "ЮКОСом", имеется значительный политический контекст. Но хотя "Международная амнистия" и признает важность этого дела, пока она не видит возможности признать Михаила Ходорковского и прочих людей, которые вовлечены в это дело, политическими узниками. Возможно, это произойдет в будущем. Сейчас "Международная амнистия" просто не обладает в достаточной степени высоким уровнем экспертизы

именно того характера преступлений, которые инкриминируются этим людям. Но независимо от того, присутствует ли в судебных делах политическая мотивация или нет, российские власти должны обеспечивать справедливое слушание.

Генри РЕЗНИК, адвокат:

- В процессе против Алексея Пичугина присутствовало давление на адвокатов. Известно, что было представление в адвокатскую палату о лишении статуса адвокатов Ксении Костроминой и Михаила Жидкова. Мне также известно, что рассмотрение дела было фактически торпедировано первым составом суда присяжных. Большая часть людей, которые интересовались этим процессом, в виновность Пичугина не верят. Кроме того, то, что процесс был закрыт, тоже было исключением из общего принципа. Я в данном случае склонен верить адвокатам Алексея Пичугина, которые утверждают, что рассмотрение дела во время закрытого судебного заседания противоречило требованиям закона.

С правовой точки зрения, отменить приговор Пичугину довольно сложно, так как был вынесен вердикт присяжных. Кроме того, этот вердикт принял судья, который рассматривал дело. Поэтому сейчас положение Алексея Пичугина достаточно тяжелое. В таких случаях вероятность решений в пользу защиты всегда значительно ниже, чем решений в пользу обвинения. Но я полагаю, если адвокаты подали кассационную жалобу, то у них все-таки существуют достаточно веские основания для отмены приговора.

Игорь ЮРГЕНС, вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей:

- Обвинения, которые были предъявлены Алексею Пичугину, действительно очень тяжелые. Но сейчас есть серьезные сомнения в том, что Пичугин на самом деле совершал эти преступления. Авторитетные люди, которые участвовали в процессе, утверждают, что обвинители добывали доказательства несправедливыми методами. В ходе этого дела прокуратура была очевидно нацелена на свою победу, в отличие, например, от дела Вячеслава Иванькова.

Поэтому, что касается вероятной амнистии, то я думаю, что здесь она вряд ли возможна. Сейчас адвокаты Пичугина подали жалобу в Европейский суд. Но, скорее всего, отмены приговора не произойдет, по крайней мере в ближайшие годы. И, кроме того, я не наблюдаю активного вмешательства в это дело со стороны Европы.

Тамара МОРЩАКОВА, советник Конституционного суда РФ:

- Странно, что решение по делу Алексея Пичугина так и не было опубликовано. То, что у нас писали об этом процессе, - это несколько газетных публикаций. Хотя обычно в газетах появляются целые судебные репортажи о таких громких делах. То есть о процессе против Пичугина не известно почти ничего. Людям, у которых есть профессиональные основания оценить ход этого дела, просто оказалось нечего изучать. А то, что в этом деле были процессуальные нарушения, очевидно, уже судя по тому, что адвокаты обратились в Страсбургский суд. Ведь в Страсбург можно обращаться только по поводу именно процесса. Теперь остается ждать решения суда, пока ничего сказать нельзя.

От автора

Когда в 1453 году турецкие войска приступом взяли Константинополь, кочевники несколько дней бродили по покоренному городу, в восторге цокая языками. Наконец один из их, как сегодня модно говорить, лидеров воскликнул в завистливой досаде: "Проклятые! Они строили этот город так, как будто собирались жить в нем вечно!".

Прошли века. Но любой, кто с высоты взглянет на исторический центр бывшей турецкой столицы, угадает в архитектурных волнах, расходящихся от собора Святой Софии, греческое прошлое. Такова мощность культурно-исторической традиции, в том числе и архитектурной, заложенной в его основание.

Это очень правильные слова! Строить надо непременно так, как будто мы собираемся жить вечно. Справедливость, честный усердный труд и государственная гармония заложены в фундамент

любого общества, которое на века пережило основателей. Любого "политического проекта", как, усмехаясь, скажут современные отечественные политтехнологи.

Именно они сегодня закладывают основы новой России. Переживет ли их детище хотя бы их самих? Ведь это анонимные творцы из администрации президента свернули голову нашему правосудию, превратив его в инструмент политической расправы. С ведома и самого Путина, разумеется, и при его активном участии.

Российская судебная система и так была "хромой уткой", требовавшей тщательной заботы и кадровой селекции. Чтобы не брать в голову лишних проблем, ее попросту пришибли кирпичом, как Коровников несчастного коммерсанта.

Лично для меня вопрос о невиновности Алексея Пичугина решен давно. При работе над книгой я лишь все больше убеждался в своей правоте. Но никогда бы я не сел за нее, если бы следователь Демидов помчался выколачивать из Коровникова обвинительные свидетельства после того, как 14 июля 2003 года Алексею Пичугину ввели спецпрепарат.

Дело в моей биографии: я несколько лет работал сотрудником центрального аппарата КГБ СССР, позднее - в спецслужбах РФ. И я точно знаю, что если бы Пичугин действительно дал приказ убить Костину, Колесова и супругов Гориных, он ни за что на свете не смог бы утаить это во время преступного "разведопроса". Он выдал бы всех, кому поручил эти преступления.

И отъезд следователя за показаниями на остров Огненный после разведопроса лично для меня был бы косвенным свидетельством вины Алексея. Это значило бы, что, накачанный спецпрепаратами, он сознался в содеянном и указал на Коровникова и его банду как на участников событий.

Но Демидов и его коллеги-чекисты навестили Коровникова на зоне задолго до 14 июля. Значит, все версии обвинения они утвердили заранее, не интересуясь истинным положением дел.

А ведь они узнали истину на том памятном допросе. От спецпрепарата нет спасения. Напоминаю: ни следствие, ни суд не выяснили - кому же Пичугин заказал похищение Гориных? В конце концов, жестокие убийцы до сих пор на свободе, и никого это не волнует! Так вот, если бы он действительно это сделал, он непременно рассказал бы обо всех настоящих соучастниках. Ведь это он их нанимал! Он не мог их забыть, хотя бы посредника он должен был назвать.

Именно в истории со спецпрепаратом лежит для меня ключ к истине. А вовсе не в эпизодах с подменой материалов экспертиз, отсутствующей уликовой базе или процессуальных нарушениях. Я хочу попросить прощения перед правозащитниками за такие мысли. Но я убежден, что в запутанных делах строжайшее соблюдение процедуры вовсе не гарантирует выяснение истины. А спецпрепарат гарантирует.

Я до сих пор порою мыслю как чекист. И твердо знаю, что советская химия давно победила наш бедный мозг. После "химической атаки" на Алексея я уже неотрывно следил за его трагической историей.

Дело Пичугина дает ответ на вопрос, который сформулирован многими моими знакомыми весьма жестко: "Можно ли быть чекистом и оставаться порядочным человеком?". Для людей в погонах это оскорбительная формулировка. И пусть отрицательный ответ дает лишь небольшая часть нашего общества.

Дело в том, что это не самая худшая его часть. Она не хочет понимать логику присяги, она ждет от всех жизни по канону высокой морали. Трусость декабристов в решающий момент или героев войны, поставленных Сталиным в стойло прямо на перроне у поезда, привезшего их из поверженной Германии, немало свидетельствует о содержании слов "гражданское мужество".

Непримиримость части нашей либеральной интеллигенции - те же шоры, вроде фобий друзей президента Путина. Сродни трусливому комплексу, который они обозвали патриотизмом.

Алексей сопротивляется на ровном месте, без особых тылов. Что движет им?

Даже бандиты, признанные исполнителями, получают условные сроки. Так что бы получил он, признай себя всего лишь посредником, даже не исполнителем? Условный срок. Выращенный матерью в искренней любви к родине и народу, любящий отец и муж, любимец подчиненных, маленький человек Алексей Пичугин встал против государственной машины преступного следствия и суда.

Он ждал сочувствия и помощи от друзей. Большинство поспешило его забыть. Он верил в свою службу, в президента Путина. Президент и бывшие коллеги посадили его за решетку. Своим поступком он спас честь всех, кто считает себя патриотом, но не хочет чувствовать себя скотиной.

В этой неравной борьбе против него стоят тоже чекисты. Люди в погонах с васильковым просветом. Люди, недавно снявшие эти погоны ради карьеры в государственном аппарате чекиста-президента. Случай Алексея Пичугина наглядно доказал и некоторым носителям либеральной идеи, что мир вовсе не черно-белый. Хотя кое-кто из них выказывает злорадство при виде такого столкновения.

Алексей, ты спас честь служивых. Ты спас и мою честь. Я не знаю, чем все закончится. Я не знаю, сломает ли тебя судьба. После работы над этой книгой у меня язык не повернется тебя осудить: ты так долго и стойко держался. Ты верил в мужское братство? Держи руку.

Вместо послесловия

Первая

жертва

Как и за что судили Алексея Пичугина

Лихорадочная и тотальная приватизация госсобственности 90-х годов, которая была проведена при несовершенстве, а иногда и просто при отсутствии необходимого законодательства, являлась скорее политической акцией, чем экономической реформой,

направленной на формирование класса собственников и "выбивание платформы из-под КПСС".

В народе ее называют "грабительской". Безнаказанность и произвол чиновников, а также коррупция, поразившая все ветви власти, привели в результате такой приватизации к развалу экономики и резкому имущественному расслоению в обществе, что не могло не вызвать обоснованного возмущения большинства населения страны.

Но власть сама создала эти условия. Поэтому граждане и бизнес, действовавшие в рамках существовавших на тот момент нормативно-правовых актов, принятых законодательной и исполнительной властью под влиянием борьбы различных политических, экономических и идеологических интересов, не должны отвечать за несовершенство и "пробелы" в законодательстве.

За это в первую очередь должны отвечать законодатели, исполнительная власть и глава государства. Поэтому предъявлять претензии к отдельным гражданам только потому, что они воспользовались предложенными им условиями, несправедливо, нелогично и просто абсурдно.

26 сентября 2003 года президент России Владимир Путин, отвечая на вопросы студентов Колумбийского университета, высказался против пересмотра итогов приватизации в России, мотивируя это тем, что "если сейчас начать пересмотр ее итогов, то ущерб от передела собственности будет большим, чем от самой приватизации".

Но, как свидетельствует практика, публичные высказывания президента не всегда соответствуют тому, что происходит в реальной жизни. Потому что еще 2 сентября 2003 года в "Русском журнале" была опубликована служебная записка руководителя Фонда эффективной политики Глеба Павловского, посвященная деятельности сотрудников администрации президента, крупных предпринимателей и силовиков по переделу крупного бизнеса.

Новая властная верхушка спровоцировала в стране передел "нечестно приобретенной" собственности под лозунгом возврата ее государству. А по существу - спровоцировала банальный передел частной собственности в своих интересах и в пользу дружественных ей коммерческих структур, инициировав с этой целью уголовное преследование крупных российских собственников.

Именно с дела "ЮКОСа", успешной, процветающей нефтяной компании, лакомого куска для известных лиц из президентского окружения, начался системный передел собственности, несмотря на все его негативные последствия для страны. На смену частноолигархической системе открыто, силовым путем приходит государственно-бюрократическая олигархия.

Представители администрации президента публично назвали дело "ЮКОСа" показательным. Поэтому говорить о правовом характере этого дела не приходится. Целью этого политического шоу является стремление Кремля не только легализовать разграбление активов компании "ЮКОС", но и избавиться от сильного политического противника в лице Михаила Ходорковского.

Вместе с тем власть старается сделать это в рамках закона, представив дело "ЮКОСа" "банальной уголовщиной". И Алексей Пичугин, бывший сотрудник службы безопасности, стал первой жертвой этого спектакля.

Многочисленные нарушения уголовно-процессуального закона и Конституции, которые имели место в деле Пичугина как в ходе предварительного, так и в ходе судебного следствия, превратили правосудие в фикцию. По существу, власть сделала прокуратуру и суд участниками своих политических игр, превратив их в бессловесный придаток и тупое орудие Кремля.

Процесс по делу Пичугина - один из первых в Москве крупных процессов с участием суда присяжных. Вместе с тем, при очевидной слабости и сомнительности доказательной базы вины Пичугина в предъявленном обвинении, суд и прокуратура путем манипулирования ходом процесса и коллегией присяжных смогли

добиться вынесения обвинительного вердикта. Таким образом, объективность и беспристрастность самой демократической формы правосудия поставлены под сомнение.

По официальной версии, первая коллегия присяжных, рассматривавшая дело в отношении Пичугина, была распущена в связи с тем, что в суд явились не все заседатели. Вместе с тем законных оснований для роспуска коллегии присяжных у суда не было, так как данных о том, что кто-то из не явившихся заседателей был лишен возможности продолжать участие в судебном заседании, не установлено.

По неофициальной версии, первая коллегия присяжных по делу Пичугина была распущена в связи с тем, что она склонялась к вынесению оправдательного вердикта. Неявка же некоторых присяжных заседателей была связана с неоднократным откладыванием слушания дела по различным причинам, в том числе и по причине болезни судьи.

В марте 2005 года вторая коллегия присяжных восемью голосами против четырех признала Пичугина виновным по всем эпизодам предъявленного ему обвинения: в организации убийства супругов Гориных, в организации покушения на убийство Костиной и избииении Колесова. По совокупности преступлений суд назначил ему 20 лет лишения свободы.

В ходе предварительного расследования защита неоднократно заявляла ходатайства о многочисленных нарушениях закона, в том числе и **о применении к Пичугину психотропных веществ**, что явилось основанием для обращения адвокатов с жалобами в различные инстанции, в том числе и в Европейский суд по правам человека.

В связи с этим возникают следующие вопросы:

- почему Пичугин незаконно содержался в следственном изоляторе ФСБ в Лефортове?

- почему по его делу принимали активное участие сотрудники ФСБ, несмотря на то, что оно является "банальной уголовщиной" и находилось в производстве Генеральной прокуратуры?

- почему Пичугину не было проведено своевременное и надлежащее медицинское освидетельствование на предмет применения к нему психотропных веществ?

Данные обстоятельства дают основание полагать, что в отношении Пичугина действительно применялись незаконные методы ведения следствия. Но, несмотря на это, он так и не поведал следствию о своих "криминальных подвигах" и не назвал ни исполнителей, ни обстоятельств совершения преступлений, в которых обвиняется. Все это может свидетельствовать только о его непричастности к совершению преступлений.

Есть все основания полагать, что процесс в отношении Пичугина может считаться показательным и с точки зрения нарушений таких основополагающих конституционных принципов правосудия, как гласность и открытость, состязательность сторон, законность и справедливость.

Эти нарушения настолько серьезны, что каждое из них в отдельности уже является основанием для отмены приговора.

В силу ряда объективных и субъективных причин к данному делу с самого начала было привлечено широкое внимание общественности не только в России, но и за рубежом. Многие связали дело Пичугина с делом Ходорковского, а самого Пичугина называли политическим заключенным.

В связи с этим Генеральная прокуратура имела уникальную возможность в ходе гласного и открытого рассмотрения дела в суде продемонстрировать российской и мировой общественности законность и обоснованность привлечения Пичугина к уголовной ответственности и опровергнуть заявления о политическом и заказном характере дела.

Но она не сделала этого. По окончании предварительного расследования Генеральная прокуратура засекретила дело, сославшись на то, что в нем имеются секретные документы.

В сентябре 2004 года Россию посетила член Комиссии по правам человека Парламентской Ассамблеи Совета Европы Сабина Лойтхойзер-Шнарренбергер, по результатам визита которой 25 января 2005 года была принята Резолюция ПАСЕ, в которой говорится о недостатках судебной системы Российской Федерации, о нарушении прав и свобод граждан, о том, что российские власти не соблюдают принцип равенства граждан перед законом, что по делу "ЮКОСа" они руководствуются не уголовным правом, а стремлением ослабить политических оппонентов и вернуть контроль над экономическими активами.

Поэтому "в свете полученных выводов имеются основания для сомнений относительно справедливости, беспристрастности и объективности действий органов власти", подчеркивается в Резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы.

В разделе 16 указанной Резолюции содержится требование Парламентской ассамблеи Совета Европы следующего содержания:

"Принимая во внимание важность принципа открытости слушания дел, предписываемого Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, Ассамблея требует от соответствующих официальных лиц гарантировать, чтобы судебные слушания по делу г-на Пичугина проходили в закрытом режиме только в той части, которая непосредственно касается информации, подлежащей засекречиванию по закону".

В соответствии с законом суд имел реальную возможность гласно и открыто рассмотреть дело в открытом судебном заседании, исследовав в случае необходимости в закрытом режиме только документы с грифом "секретно". Об этом неоднократно заявляла ходатайства защита Пичугина, ссылаясь при этом и на процитированную выше Резолюцию ПАСЕ.

Однако Московский городской суд в нарушение требований ст. 123 Конституции РФ и ст. 6 Европейской Конвенции по правам человека рассмотрел дело в закрытом судебном заседании, несмотря на то, что Россия как член Совета Европы подписала данную Европейскую Конвенцию, обязуясь ее исполнять.

Вместе с тем сразу после вынесения приговора стали происходить странные вещи: прокурор Кашаев, участвующий в процессе, стал давать пространные интервью по обстоятельствам дела и роли Пичугина в совершении преступлений.

Как по команде все каналы телевидения в подробностях рассказали, как Пичугин получал от руководства "ЮКОСа" приказы совершать убийства. В программе "Чистосердечное признание" был показан криминальный фильм "Бригада из "ЮКОСа". Подобные сюжеты были показаны в программах "Момент истины" и "Честный детектив". По всем телевизионным каналам доказывали, что приговор в отношении Пичугина является законным и обоснованным.

Подконтрольные государству СМИ превратили преследование Пичугина, как и основных акционеров "ЮКОСа", в политическое шоу, преподнося это как торжество правосудия и справедливости. Шла усиленная обработка общественного мнения. Кому-то было необходимо, чтобы руководители "ЮКОСа" в общественном сознании ассоциировались не только с уклонением от уплаты налогов, но и с убийствами.

Все это не могло не вызвать у российской и мировой общественности массу вопросов к так называемому "секретному" делу:

- почему суд рассмотрел дело Пичугина за закрытыми дверями, лишив его права на гласное и открытое слушание дела, а общественность и СМИ - права на получение достоверной и объективной информации непосредственно в зале суда?

- почему завеса закрытости по делу была снята сразу же после вынесения приговора?

- и почему право освещать этот процесс получили только подконтрольные государству СМИ и избранные журналисты?

Российская и мировая общественность еще долго не узнала бы ответов на эти вопросы, но, как ни странно, ответить на них помогла Генеральная прокуратура, которая имела неосторожность выставить на своем сайте обвинительную речь прокурора Кашаева, в которой вообще отсутствуют ссылки либо даже намеки на какие-либо документы с грифом "секретно".

Данное обстоятельство подтверждает доводы защиты о том, что в ходе судебного следствия не исследовались документы с грифом "секретно", поэтому каких-либо законных оснований для слушания дела в закрытом судебном заседании у суда не имелось.

В связи с этим есть все основания полагать, что Генеральная прокуратура присвоила делу гриф секретности только для того, чтобы суд рассмотрел его в закрытом судебном заседании. Чтобы общественность не узнала об очевидной слабости и сомнительности доказательственной базы обвинения, которую прокуратура теперь пытается восполнить различными комментариями, радио- и телепередачами.

Из анализа обвинительной речи прокурора Кашаева следует, что обвинение Пичугина в совершении преступлений построено на предположениях, косвенных и недопустимых доказательствах, а также на противоречивых и непоследовательных показаниях лиц, осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, которые объективно ничем не подтверждены.

Сама фабула предъявленного Пичугину обвинения уже вызывает массу вопросов в части обоснованности его предъявления. Но самое удручающее впечатление на меня произвели доказательства, подтверждающие, по мнению следствия, причастность Пичугина и **не установленных** следствием лиц из числа руководящих

сотрудников нефтяной компании "ЮКОС" к совершению преступлений.

Так, ни по одному из трех предъявленных Пичугину эпизодов обвинения вообще не установлен даже мотив совершения преступлений.

По мнению обвинения, Пичугин и **неустановленные** лица из числа руководящих сотрудников НК "ЮКОС" были настолько обеспокоены профессиональным ростом Колесова, что даже заказали его убийство. Кроме того, по мнению обвинения, Пичугин, только "полагая, что Костина действует в ущерб интересам компании "ЮКОС", также решил организовать ее убийство.

Какие же доказательства этому приводит обвинение? Совершенно никаких. Как ни странно, обвинение даже не утруждает себя этим.

Из обвинительной речи прокурора вообще не усматривается, что это был за профессиональный рост Колесова и почему он так беспокоил Пичугина и не **установленных следствием** лиц из числа руководящих сотрудников компании. Почему последние были заинтересованы в убийстве Колесова и какая им была от этого выгода.

Об абсурдности данного мотива заявил суду и сам потерпевший Колесов. Как следует из его показаний, он с Пичугиным знаком не был. Они работали в разных компаниях, по служебным делам никогда не пересекались.

Вместе с тем, как следует из обвинительной речи, прокурор Кашаев предложил присяжным заседателям не принимать во внимание показания потерпевшего в этой части, мотивируя это тем, что Колесов опасался сказать суду правду. При этом кого или чего опасался потерпевший и на основании чего прокурор пришел к такому умозаключению, он не мотивировал.

Более того, по данному эпизоду не установлен не только мотив, но и исполнители совершения преступления.

По эпизоду с Костиной также вызывает недоумение мотив совершения преступления. Даже если Пичугин или кто-либо из неустановленных лиц из числа руководящих сотрудников компании "ЮКОС" и были недовольны ее деятельностью и в связи с этим желали ее смерти, то, по меньшей мере, обвинение должно было представить суду доказательства, подтверждающие это. В чем конкретно выражалась ее деятельность и в чем она противоречила интересам компании? Какую выгоду они преследовали ее убийством?

Но в обвинительной речи прокурора нет ответов на эти вопросы.

Гособвинитель не дал никакой оценки и противоречиям в показаниях самой Костиной относительно возможных причин взрыва в подъезде дома ее матери. Сразу же после взрыва Костина поясняла, что не знает, кто это мог совершить. Спустя какое-то время она заявила, что причиной этого могли быть конфликты с чиновниками московской мэрии. И только после того, как весной 2003 года она узнала от следователей о возможной причастности Пичугина к этому взрыву, она стала пояснять это, не приводя при этом никаких доказательств, подтверждающих ее предположения.

Более того, приговором Тамбовского областного суда по данному эпизоду уже были осуждены Коровников и другие лица, которые ничего о причастности Пичугина к данному преступлению не поясняли. Как указано в приговоре, умысел на покушение на убийство Костиной установлен не был, так как место, время и характер взрыва не могли причинить никому вреда. Приговор суда вступил в законную силу, и данных о том, что он был отменен, не имеется.

Как в ходе предварительного, так и в ходе судебного следствия Пичугин последовательно заявлял о своей непричастности к инкриминируемым ему деяниям, утверждая, что каких-либо оснований убивать Колесова, Костину и супругов Гориных у него не было. Колесова и Костину он ранее не знал, а с семьей Гориных был в близких дружеских отношениях.

И, как следует из анализа обвинительной речи прокурора, доводы Пичугина в этой части не опровергнуты.

Обвинение как на доказательства его виновности в организации покушения на убийства Костиной и Колесова ссылается на показания Пешкуна - второго подсудимого по делу, из которых следует, что данные преступления за денежное вознаграждение ему предложил совершить Горин. И только со слов последнего ему стало известно, что организатором совершения преступлений являлся Пичугин.

Вместе с тем проверить правдивость и достоверность его показаний, которые объективно ничем не подтверждены, не представилось возможным ни следствию, ни суду, так как Горин никогда по этим вопросам не допрашивался. А каких-либо других доказательств, достоверно свидетельствующих о причастности Пичугина к совершению данных преступлений, следствием не установлено.

Что же касается обвинения Пичугина в организации убийства супругов Гориных, то оно не выдерживает никакой критики и вообще выходит за рамки права и здравого смысла. По данному эпизоду не установлены ни мотив совершения преступления, ни его исполнители, ни сами пострадавшие.

Против Пичугина прямо свидетельствует только Коровников, отбывающий в колонии на Огненном острове пожизненный срок лишения свободы за серию жесточайших убийств и изнасилований, показания которого непоследовательны, противоречивы и **ничем объективно не подтверждены**, поэтому они не могут не вызывать сомнений и быть признаны достоверными.

Обвинение не представило суду и каких-либо доказательств, подтверждающих причастность к совершению данных преступлений **неустановленных** лиц из числа руководящих сотрудников компании "ЮКОС", что между ними и Пичугиным имелся сговор на совершение преступлений.

Нужно признать, что в обвинительной речи прокурора вообще отсутствует какой-либо анализ и оценка так называемых доказательств.

Поэтому непонятно, как с такой доказательственной базой Генеральная прокуратура отважилась направить дело на рассмотрение в Мосгорсуд, да еще судом присяжных, правда - в закрытом режиме. Но ведь суд мог и не согласиться с прокуратурой и рассмотреть дело гласно и открыто.

Была ли Генеральная прокуратура уверена в благоприятном для себя исходе рассмотрения дела в суде, и что внушало ей эту уверенность? Я думаю, многое. Но самое главное - четко выстроенная судебная вертикаль, подчиненная, как и сама Генеральная прокуратура, ВЛАСТИ.

При рассмотрении данного дела было нарушено право Пичугина на справедливый суд, гарантированное ст. 6 Европейской Конвенции по правам человека, которое включает в себя право на справедливые и публичные слушания независимым и беспристрастным судом, учрежденным в соответствии с законом.

Насколько гласно и публично слушалось дело Пичугина, сказано уже много. Вместе с тем имеются большие сомнения и в части того, насколько суд, рассмотревший его дело, являлся независимым, беспристрастным и учрежденным в соответствии с законом.

Во-первых, ни Пичугину, ни его защите не ведомо, из каких соображений председатель Московского городского суда О. Егорова назначила на рассмотрение его дела именно судью Н. Олихвер, а не другого судью.

В Европе уже давно применяются специальные компьютерные программы при распределении дел судьям, при которых ни у кого из участников процесса не возникает подозрений в заинтересованности и предвзятости судьи в исходе дела, а мы до сих пор не можем преодолеть такой субъективизм в ключевом моменте правосудия.

Во-вторых, председатель Московского городского суда О. Егорова была назначена на эту должность Президентом с грубым нарушением требований ст. 6.1 Федерального закона "О статусе судей в РФ", в связи с чем все ее решения и назначения можно оспорить как незаконные. В частности, как назначение Н. Олихвер на должность судьи Мосгорсуда по представлению О. Егоровой, так и вынесенный Н. Олихвер приговор суда.

При таких обстоятельствах едва ли можно говорить о том, что суд по делу Пичугина был независимым, беспристрастным и **учрежденным в соответствии с законом**.

На примере именно таких дел мы демонстрируем сегодня всему миру, что представляет собой российское правосудие на современном этапе, насколько оно и правоприменительная практика далеки от совершенства, а также насколько правоохранительные и судебные органы зависят от власти.

Именно по таким делам и процессам граждане и бизнес судят сегодня о своей личной защищенности, о защищенности своих прав и свобод, гарантированных законом и Конституцией.

Потому что вера граждан в правосудие, как сказал известный русский юрист А.Ф. Кони, "поддерживается не тысячами ежедневных справедливых приговоров, а редкими случаями, когда можно было опасаться, что суд станет угодливым, потворствующим и прислуживающимся ВЛАСТИ, - а он таковым не оказался".

Сегодня же подконтрольные Кремлю СМИ пытаются убедить нас в том, что все происходящее с "ЮКОСом" - это и есть долгожданное "наведение порядка" и что для этого все средства хороши.

Но все вышесказанное позволяет утверждать, что в России начиная с 2000 года федеральная власть, прикрываясь лозунгами борьбы с терроризмом и олигархами, проводит последовательную, целенаправленную политику по уничтожению демократического устройства России и установлению авторитарного режима. Ведется активное наступление на права и свободы граждан.

Главной целью обитателей Кремля и их приближенных из сферы бизнеса и силовых структур является сохранение власти любой ценой и продолжение передела собственности в своих интересах. И ради этого используется все: политические и экономические репрессии, преследование независимых журналистов и СМИ, провокации и подлоги, инспирируются судебные процессы.

В этом контексте "дело ЮКОСа" - показательный процесс, построенный на сомнительных обвинениях и сфабрикованных доказательствах. Кремль руками силовых структур, правоохранительных и судебных органов одним ударом выводит из игры политического оппонента - Михаила Ходорковского и растаскивает "по своим норам" активы совсем недавно успешной, процветающей нефтяной компании "ЮКОС". Вместе с тем эта репрессивная акция преподносится мировой и российской общественности как благо для страны и народа и восстановление справедливости.

История не раз доказала, что политические режимы, основанные на страхе и насилии, неизбежно рушатся. Неужели история нас так ничему и не учит? Ни народ, ни ВЛАСТЬ, ни суды, ни правоохранительные органы?

В связи с этим возникают вопросы, на которые, я думаю, никто не сможет дать ответ.

Сколько у нас в стране незаконно осужденных, таких, как Пичугин, по надуманным и сомнительным обвинениям и сфабрикованным доказательствам?

Сколько судеб и жизней покалечено в результате такого "правосудия" уже сейчас, в современной России, в угоду федеральной либо региональной власти по личным, политическим либо экономическим мотивам с целью передела эффективно работающей частной собственности?

Это же может иметь место и в силу различной заинтересованности самих силовых структур, правоохранительных органов и суда, в том числе и в результате коррупции.

Сколько же еще наших сограждан нужно похоронить под обломками очередного авторитарного режима, чтобы мы наконец-то выучили этот нехитрый урок? И что нужно сделать для того, чтобы это больше не могло повториться? Ведь на памяти только нашего поколения тысячи жертв политических репрессий, реабилитированных судом, но в подавляющем большинстве - посмертно.

Едва ли ответ на этот вопрос найдется в учебниках по политологии и праву. Это вопрос, на который каждый из нас должен ответить себе сам, поскольку от этого будет зависеть, в какой стране будут жить наши дети и внуки.

Ольга
бывший судья Мосгорсуда

КУДЕШКИНА,

Приложения

Приложение 1

Генеральная
Российской

___ .04.2003

№

К поручению от 16.12.2002

в связи с продажей акций ОАО "Апатит"

прокуратура
Федерации

7/3-1833-2002

№ Пр-2178

Президенту Российской Федерации Путину В.В.

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович!

В связи с Вашим поручением Генеральной прокуратурой Российской Федерации проверены сведения, изложенные в письме губернатора Новгородской области Прусака М.М., о нарушениях

действующего законодательства, допущенных при продаже акций ОАО "Апатит".

Губернатор Новгородской области приводил доводы об ущемлении интересов государства при заключении мирового соглашения между РФФИ и ЗАО "Волна" о выплате суммы ущерба, причиненного в связи с невозвратом акций ОАО "Апатит".

Как установлено в ходе проверки, постановление апелляционной инстанции Арбитражного суда г. Москвы от 12.02.98 о расторжении договора, заключенного с ЗАО "Волна" по итогам инвестиционного конкурса, не было исполнено. Службой судебных приставов-исполнителей Управления юстиции г. Москвы исполнительное производство 15.10.99 прекращено в связи с невозможностью взыскания акций из-за их отсутствия на лицевом счете ЗАО "Волна". В удовлетворении ходатайства об обращении взыскания на имущество третьих лиц Арбитражным судом г. Москвы было отказано.

Принимая во внимание изложенные выше обстоятельства, РФФИ обратился в суд с заявлением о взыскании убытков с ЗАО "Волна", полученных в результате невозврата акций. В ходе судебного разбирательства общество признало требования истца, в связи с чем 19.11.2002 заключено мировое соглашение, которое в этот же день утверждено определением Арбитражного суда г. Москвы.

По мнению Прусака М.М., а также ряда других лиц, обращавшихся в Генеральную прокуратуру России, размер суммы возмещения ущерба был значительно занижен, что и привело к нарушению интересов государства.

Принимая во внимание то, что в компетенцию Генеральной прокуратуры Российской Федерации не входит определение рыночной стоимости пакета акций ОАО "Апатит", размера причиненного ущерба, а также экономической целесообразности заключения мирового соглашения в целом, Председателю Правительства Российской Федерации Касьянову М.М. было направлено письмо с предложением поручить заинтересованным

министерствам и ведомствам провести экономический анализ целесообразности сделки, а также определить наличие и размер ущерба. Кроме того, Генеральной прокуратурой Российской Федерации письма, содержащие аналогичные требования, были направлены в Минфин, Минимущество, Минэкономразвития России.

По поручению Председателя Правительства Российской Федерации РФФИ совместно с Минфином, МПР, Минпромнауки и МЧС России подготовил письмо, в котором настаивал на экономической целесообразности обеспечения интересов государства при заключении мирового соглашения, а также обоснованности утвержденной Арбитражным судом г. Москвы суммы ущерба.

Учитывая это, а также по существу поддерживая позицию РФФИ, Минфин России в письме в Генеральную прокуратуру России обоснованно указал на то, что споры о достоверности величины рыночной или иной стоимости объекта оценки в соответствии с ФЗ "Об оценочной деятельности в Российской Федерации" подлежат рассмотрению судом.

Как ранее Вам сообщалось, акции ОАО "Апатит" были проданы ЗАО "Волна" ряду юридических лиц, которые в соответствии с действующим гражданским законодательством являются добросовестными приобретателями. Возврат акций в федеральную собственность возможен только тогда, когда будет доказано, что они выбыли из владения помимо воли собственника. На запрос Генеральной прокуратуры Российской Федерации ФСБ России сообщило, что данными об аффилированности ОАО "Апатит" с приобретателями его акций оно не располагает, в МВД России таких сведений также нет.

О результатах проведенной работы по урегулированию ситуации с возвратом ЗАО "Волна" пакета акций ОАО "Апатит" РФФИ проинформировал Председателя Правительства Российской Федерации Касьянова М.М., который с принятым решением согласился.

В ходе настоящей проверки исследовались доводы о нарушении ОАО "Апатит" и его контрагентами антимонопольного законодательства Российской Федерации.

Установлено, что апатитовый концентрат реализуется ОАО "Апатит" через российские коммерческие организации, не являющиеся производителями минеральных удобрений. Экспортных поставок непосредственно ОАО "Апатит" не осуществляет. Рентабельность продукции составляет 6-34%. По заключению МАП России такой уровень рентабельности является приемлемым для предприятий горно-химической промышленности и не требует государственной корректировки условий ведения предпринимательской деятельности, как это предусмотрено в случаях злоупотребления доминирующим положением.

Кроме того, как следует из представленной МАП России информации, доводы ОАО "Акрон" об отказе ОАО "Апатит" заключать договор поставки концентрата исследовались министерством в установленном порядке. Поскольку заявитель не представил информацию, подтверждающую нарушение законодательства, ему в соответствии с Правилами рассмотрения дел о нарушениях антимонопольного законодательства (утверждены приказом МАП России от 25.07.96 № 91 и зарегистрированы в Минюсте России 05.08.96) было предложено обратиться в письменной форме с приложением всех документов, подтверждающих нарушение антимонопольного законодательства. Однако от хозяйствующих субъектов обращений, свидетельствующих об антиконкурентных действиях ОАО "Апатит", в министерство не поступало.

Согласно представленным ОАО "Апатит" материалам, ЗАО "ФосАгро АГ" (специализированная управляющая организация) в конце 2002 г. заключены договоры поставки в 2003 г. апатитового концентрата с ОАО "Акрон" и ОАО "Дорогобуж". Однако впоследствии ОАО "Акрон" по существу стало отказываться от продукции, выслав заявку на меньшее, чем было оговорено, количество концентрата. Также было направлено письмо в ОАО "Апатит" с предложением заключить договор на поставку концентрата сроком на десять лет по

фиксированной цене, которая, по данным ОАО "Апатит", ему экономически не выгодна. При этом ОАО "Акрон" и ОАО "Дорогобуж" предоставленным им правом обращения в арбитражный суд с заявлением о понуждении к совершению сделки либо, как отмечалось выше, в МАП России в установленном порядке не воспользовались.

ОАО "Апатит" вошло в состав холдинговой группы ОАО "ФосАгро" и передало функции единоличного исполнительного органа - ЗАО "ФосАгро АГ" с согласия МАП России, которым установлены предусмотренные законодательством ограничения по условиям ведения хозяйственной деятельности управляемой группой лиц, в том числе запрет на необоснованное ограничение поставок апатитового концентрата сторонним производителям фосфатных удобрений и завышение цен. Контроль за деятельностью ЗАО "ФосАгро АГ" осуществляется центральным аппаратом МАП России, с которым общество обязано предварительно согласовывать все действия, предусмотренные ст.ст. 17 и 18 Закона РФ "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках".

Ситуация с обеспечением сельхозпроизводителей минеральными удобрениями обсуждалась на совещании у Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Гордеева А.В. с участием заинтересованных министерств и ведомств, руководителей ОАО "Акрон", ОАО "Акронагроснаб", ЗАО "ФосАгро АГ", ОАО "Апатит", заместителя главы администрации Новгородской области. По итогам совещания ОАО "Апатит" рекомендовано с целью повышения инвестиционной привлекательности предприятий-производителей минеральных удобрений осуществлять поставки апатитового концентрата на основе прямых долгосрочных договоров. Минэкономразвитию, МАП и Минсельхозу России с целью исключения нарушений антимонопольного законодательства поручено осуществлять периодический мониторинг за ценообразованием на апатитовый концентрат и минеральные удобрения.

Соблюдение ОАО "Апатит" законодательства при осуществлении внешнеэкономической деятельности, валютного и налогового законодательства ранее проверялось налоговыми органами и органами налоговой полиции. В связи с выявленными нарушениями правил учета доходов, расходов и объектов налогообложения без признаков налоговых правонарушений на общество наложены соответствующие штрафные санкции.

В процессе осуществления органами налоговой полиции по Мурманской области оперативно-розыскной деятельности нарушений, свидетельствующих об уходе ОАО "Апатит" от налогообложения через предприятия, зарегистрированные в Республике Калмыкия и Республике Мордовия, не установлено. По результатам проверок, проведенных ИМНС России по г. Элисте, ООО "Формаркер", "Агрохимпромкооперация", ЗАО "Апатит-Трейд" и ЗАО "Горхимпром", которые поставляли апатитовый концентрат за рубеж, привлечены к установленной налоговым законодательством ответственности.

Соблюдение законов при совершении внешнеэкономической деятельности ООО "Фимако-МК" (Республика Мордовия) также проверялось компетентными органами. Стоимость поставляемого обществом апатитового концентрата на территории республики не превышала стоимости, установленной другими поставщиками. Нарушений антимонопольного законодательства не установлено.

По сведениям МНС России, в настоящее время в связи с поручением Генеральной прокуратуры Российской Федерации инспекцией МНС России по г. Кировску Мурманской области совместно с органами налоговой полиции начата выездная налоговая проверка ОАО "Апатит" с учетом доводов, изложенных в письме губернатора Новгородской области. В случае выявления нарушений законодательства будут приняты предусмотренные законом меры. Результаты проверки в Генеральной прокуратуре России контролируются.

В ходе организованной Генеральной прокуратурой Российской Федерации проверки с участием заинтересованных министерств и

ведомств доводы губернатора Новгородской области о нарушении ОАО "Апатит" антимонопольного и налогового законодательства своего объективного подтверждения не нашли.

Учитывая это, оснований для реагирования Генеральной прокуратуры Российской Федерации не имеется.

Вместе с тем установлено, что до настоящего времени не выполнено решение Комиссии Правительства Российской Федерации по оперативным вопросам (протокол от 14.12.99 № 23), которым Минэкономики и Минфину России с участием заинтересованных органов исполнительной власти было поручено разработать и представить в Правительство России методику определения ущерба, причиненного бюджетам всех уровней в связи с ненадлежащим исполнением покупателями федерального имущества конкурсных условий сделок приватизации. Отсутствие такой методики порождает возможность злоупотреблений и проявлений фактов коррупции при распоряжении государственной собственностью.

Просил бы Вас, глубокоуважаемый Владимир Владимирович, поручить Правительству РФ принять все необходимые меры к обеспечению интересов России в ходе дальнейшей приватизации федерального имущества.

С	глубоким	уважением
Генеральный		прокурор
Российской Федерации В.В. Устинов		

Приложение 2

Функции 4 отдела (внутренней и экономической безопасности) Управления безопасности нефтяной компании ЮКОС

1. Выявление лиц среди персонала, использующих свое служебное положение в корыстных целях, наносящих материальный ущерб Компании.
2. Определение функциональных узлов Компании, где наиболее вероятно возможность нанесения значительного

материального ущерба Компании, и организация контроля в этих местах. Выявление на этих участках лиц, ставших на путь нанесения материального ущерба Компании путем финансовых и иных злоупотреблений, воровства, взяточничества и других подобных действий.

3. Используя информацию правоохранительных органов, самостоятельно и во взаимодействии с ними проведение активных мероприятий по разоблачению и последующему привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших преступные действия.
4. Проверка контрагентов при заключении договоров и организаций, работающих на условиях аутсорсинга.
5. Взаимодействие с контрольно-ревизионным управлением Компании по выявлению и проверке финансовых и других нарушений и злоупотреблений в подразделениях Компании и принятие мер к их пресечению.
6. Проверка персонала при приеме на работу.
7. Выявление и предотвращение утечки служебной информации о деятельности Компании.
8. Осуществление контроля за соблюдением режима и охраны на объектах Компании.
9. Проведение служебных расследований по фактам нарушений и злоупотреблений, допущенных сотрудниками Компании.

Приложение 3

Хронология уголовного дела Алексея Пичугина

27 мая 2003 года. Алексей Пичугин вызван на допрос в Генеральную прокуратуру РФ в качестве свидетеля по делу об исчезновении в ноябре 2002 года его приятелей из Тамбова - родителей его крестного сына Сергея и Ольги Гориных. После трехчасового допроса Пичугин был отпущен.

10 июня 2003 года. Следователь Генеральной прокуратуры РФ Юрий Буртовой выписал ордера на проведение обысков в рабочем кабинете, в квартире по месту прописки и в квартире по месту проживания Алексея Пичугина.

11 июня 2003 года. Юрий Буртовой направляет письма начальнику департамента экономической безопасности ФСБ РФ Юрию Заостровцеву и заместителю министра внутренних дел Рашиду Нургалиеву с просьбой провести оперативную проверку 12 версий причин исчезновения супругов Гориных. Одна из версий - причастность Пичугина к исчезновению Гориных.

19 июня 2003 года. Следователи Генеральной прокуратуры при поддержке сотрудников ФСБ проводят обыски в квартире по месту прописки, в квартире по месту проживания и в рабочем кабинете Алексея Пичугина. В обыске на квартире, где проживает Пичугин, участвуют 21 сотрудник ФСБ, хотя в протоколе обыска указываются лишь двое. В ходе обыска представители ФСБ отказываются предъявлять свои удостоверения и назвать свои фамилии. Адвокаты Пичугина на проведение обысков не допущены.

Сотрудник ФСБ Ананьев пишет рапорт следователю Буртовому о причастности Пичугина к серии преступлений в составе группы (ни преступления, ни состав группы не указываются) и просит арестовать Пичугина.

После обыска Пичугин принудительно доставляется на допрос в Генеральную прокуратуру, где допрашивается в течение нескольких часов в качестве свидетеля. Прокуроры делают перерыв в допросе, после чего заявляют, что Пичугин является подозреваемым. На основании рапорта сотрудника ФСБ Алексей Пичугин задерживается и помещается в СИЗО ФСБ РФ "Лефортово".

21 июня 2003 года. Басманный суд, несмотря на отсутствие аргументов обвинения о необходимости ареста Пичугина, выдает санкцию на арест Алексея сроком на три месяца. В течение слушаний прокурор Лахтин постоянно звонит кому-то по мобильному телефону и докладывает о ходе слушаний.

24 июня 2003 года. Следователь Демидов в сопровождении сотрудника ФСБ Ананьева проводит допрос серийного убийцы и насильника из Тамбова Игоря Коровникова, осужденного в 2000 году на пожизненный срок лишения свободы за 10 убийств и 8

изнасилований, в колонии на острове Огненный. Коровников дает показания, что "со слов Горина" ему известно о причастности Пичугина к серии преступлений.

26 июня 2003 года. Алексею Пичугину предъявлено обвинение в убийстве Сергея и Ольги Гориных, в организации покушения на убийство управляющего делами компании "Роспром" Виктора Колесова и организации покушения на убийство бывшей сотрудницы банка "Менатеп" Ольги Костиной. Пичугин заявляет, что не признает себя виновным ни по одному из обвинений и на основании ст. 51 Конституции РФ отказывается давать показания следствию.

7 июля 2003 года. Заместитель генерального прокурора РФ Юрий Бирюков назначает Юрия Буртового руководителем следственной группы по делу Пичугина. В состав следственной группы включены сотрудники ФСБ Тамбовцев и Ананьев.

11 июля 2003 года. Сотрудники ФСБ Тамбовцев и Ананьев пытаются провести допрос Пичугина в отсутствие адвокатов.

14 июля 2003 года. Сотрудники ФСБ Тамбовцев и Ананьев вновь вызывают на допрос Пичугина. Адвокаты на допрос не допускаются. В ходе допроса Пичугину был предложен кофе, выпив который, Пичугин на несколько часов потерял сознание. Придя в сознание через пять часов после начала допроса, Пичугин обнаружил на руках следы инъекций.

15 июля 2003 года. В ходе свидания с женой Алексей Пичугин находится в заторможенном состоянии, жалуется на боли в голове и вялость.

В этот же день Московский городской суд отказывает адвокатам Пичугина в жалобе на незаконный арест Алексея.

16 июля 2003 года. Пичугин дает показания следователю о проведении сотрудниками ФСБ незаконного допроса. В своих показаниях Пичугин заявляет, что сотрудники ФСБ требовали от Пичугина дать показания против руководства нефтяной компании

"ЮКОС" и ее крупнейших акционеров. Из описанных Пичугиным действий сотрудников ФСБ и своего состояния следует, что в ходе допроса 14 июля Пичугину были введены в организм неизвестные психотропные средства.

17 июля 2003 года. В связи с проведением незаконных допросов и применением психотропных средств жена Алексея Пичугина Татьяна обратилась с открытым письмом к общественности с просьбой помочь добиться независимого общественного контроля над следствием по делу мужа.

18 июля 2003 года. Басманный суд Москвы отклоняет жалобу адвокатов Пичугина на нарушения, допущенные при обысках.

Депутаты Государственной Думы направляют запрос в Генеральную прокуратуру РФ, ФСБ РФ и уполномоченному по правам человека в РФ с просьбой проверить факты применения к Алексею Пичугину психотропных средств.

24 июля 2003 года. Адвокат Пичугина заявляет, что оперативными органами ФСБ на Пичугина было оказано физическое и психологическое давление с целью получения необходимых показаний. Генеральная прокуратура РФ отказала в медицинском освидетельствовании Пичугина по фактам применения психотропных средств.

31 июля 2003 года. Генеральная прокуратура РФ, проведя формальный медосмотр Пичугина через две недели после допроса, в ходе которого Алексей потерял сознание, заявляет, что факты применения к нему 14 июля психотропных средств не нашли подтверждения. В ответ Алексей Пичугин направил заявление в Генеральную прокуратуру, в котором уведомляет следователей, что "в случае появления у следствия любых его признательных показаний, данных в отсутствие представителей защиты, все эти показания являются самооговором".

Адвокаты Алексея Пичугина сообщили о том, что защита подала в Басманный суд Москвы жалобу с просьбой признать

необоснованным отказ руководителя следственной группы по делу Пичугина провести немедленную медицинскую экспертизу в связи с заявлениями ее подзащитного о применении к нему психотропных средств.

13 августа 2003 года. Басманный суд Москвы продлил до 19 ноября срок содержания Алексея Пичугина под стражей. Суд отказал адвокатам в выпуске Пичугина под залог в 3 млн рублей, поручительство депутата Государственной Думы РФ и поручительство генерала МВД РФ в отставке.

29 августа 2003 года. Алексею Пичугину предъявлены обвинения в угрозе убийства заместителя директора ООО "Кибер-Клуб" Сергея Лобикова.

1 сентября 2003 года. Московский городской суд отклонил кассационную жалобу адвокатов Алексея Пичугина о признании незаконным содержания Алексея Пичугина под стражей.

4 сентября 2003 года. Алексей Пичугин направил в Генеральную прокуратуру РФ заявление, в котором отказался принимать участие в любых следственных действиях и запретил участвовать в них своим адвокатам. Адвокат Пичугина Георгий Каганер пояснил, что подача заявления связана "с беспрецедентным количеством грубейших нарушений закона, допущенных как в ходе следствия, так и в процессе судебных слушаний".

18 сентября 2003 года. Адвокаты Алексея Пичугина сообщили о том, что в деле появились показания серийного убийцы Игоря Коровникова. Коровников говорит, что ему известно о причастности Пичугина к инкриминируемым преступлениям. В деле также появляются показания членов банды Коровникова - Дениса Эрбеса, Владимира Кабанца и Игоря Попова, осужденных на длительные сроки лишения свободы в колониях строгого режима, аналогичные показаниям Коровникова.

9 октября 2003 года. Сотрудники Генеральной прокуратуры РФ провели обыск в кабинете Алексея Пичугина.

15 октября 2003 года. Более ста депутатов Госдумы РФ направили письмо на имя исполняющего обязанности председателя Басманного районного суда Центрального административного округа города Москвы Ольги Солоповой с просьбой назначить открытые судебные слушания по жалобе адвокатов Алексея Пичугина о применении психотропных средств при допросе 14 июля.

17 октября 2003 года. Басманный суд Москвы отклонил жалобу адвокатов Алексея Пичугина о применении к их подзащитному недозволенных методов допроса с применением психотропных средств. По требованию представителя прокуратуры слушания прошли в закрытом режиме.

21 октября 2003 года. Генеральная прокуратура РФ вызвала на допрос духовника Алексея Пичугина отца Иоанна, который до этого пытался получить разрешение на свидание с Пичугиным.

12 ноября 2003 года. Басманный суд Москвы продлил до 19 февраля 2004 года срок содержания под стражей Алексея Пичугина.

20 ноября 2003 года. Адвокаты Алексея Пичугина подали жалобу в Европейский суд по правам человека. Жалоба связана с "отказом Генпрокуратуры провести немедленное медицинское освидетельствование" ее подзащитного, а также "с неоказанием немедленной медицинской помощи Пичугину".

В этот же день Московский городской суд отклонил жалобу адвокатов Пичугина на решение Басманного суда признать законным отказ в проведении оперативного медицинского обследования Пичугина в связи с применением к нему психотропных средств. Слушания длились более двух часов, однако для вынесения решения судьям потребовалось всего 40 секунд.

29 декабря 2003 года. Министерство внутренних дел РФ в ответ на запрос от 10 июня сообщает следователю Буртовому, что в ходе проверки установлено, что существует высокая вероятность причастности акционеров "ЮКОСа" и Пичугина к смерти Горина.

22 января 2004 года. ФСБ РФ в ответ на запрос от 10 июня 2003 года направляет Буртовому письмо, в котором сообщает, что "сведения, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, свидетельствуют, что смерть Горина была выгодна Пичугину".

26 января 2004 года. Представители прокуратуры заявили, что предварительное следствие по делу Алексея Пичугина завершено.

11 февраля 2004 года. Басманный суд Москвы продлил срок содержания под стражей Алексея Пичугина еще на два месяца - до 19 апреля 2004 года.

Адвокаты просили суд приобщить к делу медицинское заключение, согласно которому Алексей Пичугин страдает диабетом и, возможно, туберкулезом и за время пребывания в следственном изоляторе похудел на 30 кг. Суд отказ в удовлетворении просьбы защиты.

17 февраля 2004 года. Адвокаты Пичугина заявили, что состояние здоровья их подзащитного "катастрофически плохое", что за две недели Алексей Пичугин похудел на 4 кг и что органы следствия и администрация СИЗО не допускают к подзащитному предложенных адвокатами независимых врачей для составления объективного заключения о состоянии его здоровья.

13 апреля 2004 года. Басманный суд Москвы продлил срок содержания под стражей Алексея Пичугина до 19 июня, удовлетворив ходатайство Генеральной прокуратуры РФ.

21 мая 2004 года. Басманный суд Москвы ограничил срок ознакомления с материалами дела (общий объем дела - более 7000 листов) Алексея Пичугина и его адвокатов до 4 июня 2004 г. Решение суда было вынесено по ходатайству Генпрокуратуры.

25 мая 2004 года. В посольстве Германии в Москве состоялась встреча специального представителя ПАСЕ Сабины Лойтхойзер-Шнарренбергер с адвокатом Алексея Пичугина Ксенией Костроминой и супругой Алексея - Татьяной. Речь шла о нарушениях

прав человека в отношении Алексея Пичугина в ходе расследования уголовного дела.

4 июня 2004 года. Алексей Пичугин завершил ознакомление с материалами уголовного дела.

11 июня 2004 года. Генеральная прокуратура РФ утвердила обвинительное заключение по уголовному делу в отношении Алексея Пичугина и направила его в Московский городской суд.

Приложение 4

Хронология судебных слушаний по делу Алексея Пичугина

25 июня 2004 года. Стало известно, что по представлению Генеральной прокуратуры на дело Пичугина поставлен гриф "Секретно". Представители прокуратуры заявляют о наличии в уголовном деле материалов с грифом "Секретно". Адвокаты заявили, что гриф "Секретно" стоит лишь на 60 из 7000 листов дела и что в ходе ознакомления с материалами дела эти документы не имели грифа "Секретно". Адвокаты заявляют, что гриф "Секретно" поставлен с целью сделать судебные слушания по делу закрытыми и тем самым лишить общественность и СМИ возможности наблюдать за судебным процессом и тем самым скрыть отсутствие доказательств вины Пичугина и нарушения, допущенные прокуратурой в ходе предварительного следствия.

27 июня 2004 года. Становится известно, что в связи с наличием грифа "Секретно" на уголовном деле Пичугина судебные слушания по решению судьи Натальи Олихвер будут проходить в закрытом режиме. Адвокаты Алексея Пичугина заявили отвод судье Олихвер. Требование об отводе судьи основано на том, что защита сомневается в ее беспристрастности. Ходатайство адвокатов отклонено.

28 июня 2004 года. Московский городской суд повторно отклонил ходатайства адвокатов Алексея Пичугина об отводе судьи, рассматривающего его дело. Судья Наталья Олихвер не нашла оснований для собственного отвода.

29 июня 2004 года. Адвокаты Алексея Пичугина в ходе закрытых предварительных судебных слушаний заявили ходатайство о проведении судебного процесса в открытом режиме. Кроме того, они подтвердили ранее заявленное ходатайство о том, чтобы дело Пичугина рассматривалось судом присяжных. Сам Алексей Пичугин просил суд предоставить ему для ознакомления пакет с секретными документами, который появился в материалах дела после поступления его в суд.

Московский городской суд отклонил ходатайство адвокатов Алексея Пичугина об исключении из материалов дела папки с грифом "Секретно". Адвокаты просили исключить "секретную" папку, поскольку они не ознакомились с ее содержанием, так как она появилась в деле уже после его поступления в суд.

В этот же день Московский городской суд отказался освободить из-под стражи Алексея Пичугина. Тем самым было отклонено ходатайство его адвокатов об изменении меры пресечения их подзащитному на любую другую, не связанную с лишением свободы.

30 июня 2004 года. Московский городской суд удовлетворил просьбу Алексея Пичугина о рассмотрении его дела судом присяжных и отказал Пичугину в ознакомлении с "секретными" материалами дела. Суд также отклонил ходатайство защиты о проведении слушаний по делу Алексея Пичугина в открытом режиме.

10 июня 2004 года. Московский городской суд не смог отобрать коллегию присяжных.

22 июня 2004 года. Московский городской суд вновь отложил отбор присяжных. Заседание не состоялось из-за неявки потерпевших, которые должны в обязательном порядке принимать участие в отборе присяжных заседателей.

24 июня 2004 года. Московский городской суд в очередной раз отложил отбор присяжных. Отбор присяжных не состоялся в связи с

тем, что в суд явилось недостаточное количество присяжных заседателей для формирования коллегии присяжных численностью 12 человек.

1 октября 2004 года. В Московском городском суде завершен отбор присяжных по делу Алексея Пичугина. Из 60 кандидатов сформирована коллегия в составе 12 основных и 4 запасных присяжных.

4 октября 2004 года. Московский городской суд приступил к рассмотрению материалов дела Алексея Пичугина по существу в закрытом режиме.

Судья Наталья Олихвер, председательствующая на процессе, заявила присяжным, что процесс продлится месяц-полтора.

Судебные слушания начались со вступительного слова государственного обвинителя - прокурора Генеральной прокуратуры РФ Светланы Артемьевой, которая изложила суть предъявленного Алексею Пичугину и Алексею Пешкуну (второму обвиняемому) обвинения.

После оглашения обвинения Алексей Пичугин заявил, что не признает своей вины ни по одному пункту обвинения. Алексей Пешкун заявил, что частично признает свою вину, но не согласен с квалификацией предъявленного обвинения. По регламенту судебных слушаний, предложенному государственным обвинением, показания обвиняемых будут заслушаны после того, как будут допрошены все свидетели и потерпевшие и исследованы все письменные материалы дела.

Проведен допрос потерпевшего Виктора Колесова. Он заявил, что сильно сомневается, что неизвестные хотели его убить, назвал версию обвинения "очень предположительной" и заявил: "так не убивают". В суде допрошена жена Виктора Колесова.

Судья Наталья Олихвер потребовала от потерпевших и свидетелей дать подписку о неразглашении материалов уголовного дела и сведений, услышанных во время процесса.

Представители СМИ, которых не пустили в зал судебных слушаний, попытались выяснить у государственного обвинителя Бориса Лактионова, почему дело засекречено, а судебные слушания проходят в закрытом режиме. "Позвоните Устинову и спросите у него, почему он так решил", - заявил Лактионов.

5 октября 2004 года. В суде в качестве свидетелей допрошены один из крупнейших акционеров "ЮКОСа" Василий Шахновский и глава секретариата "Роспрома" Дмитрий Дубровский. Оба заявили об отсутствии у господина Пичугина мотивов для совершения покушения на Колесова.

Шахновский заявил, что все "дело шито белыми нитками, нет ни мотива, ни орудия преступления, ни исполнителей".

6 октября 2004 года. В судебных слушаниях объявлен перерыв в связи с проведением тренинга у конвоя Алексея Пичугина.

7 октября 2004 года. В суде допрошена потерпевшая Ольга Костина. Ее допрос продолжался почти три часа. Выступление Костиной было очень эмоциональным и в основном касалось непростых, по ее словам, отношений с одним из крупнейших акционеров "ЮКОСа" Леонидом Невзлиным.

Костина заявила, что Пичугиным не знакома и видела его лишь однажды в ресторане вместе с Леонидом Невзлиным в сентябре 2002 года - спустя четыре года после взрыва, в ресторане. О причастности Пичугина, по словам самой Костиной, ей стало известно от следователей Генеральной прокуратуры.

В этот же день была допрошена свидетель обвинения Екатерина Рожкова. Она заявила, что являлась секретарем Леонида Невзлина и что весной 1998 года Леонид Невзлин, когда в кабинете у него находились начальник службы безопасности "ЮКОСа" Михаил Шестопалов и Алексей Пичугин, попросил ее принести ему из архива личное дело Ольги Костиной.

8 октября 2004 года. По просьбе Ольги Костиной суд отложил слушания дела до 12 октября.

12 октября 2004 года. Рассмотрение дела отложено на 18 октября в связи с болезнью адвоката Алексея Пешкуна.

18 октября 2004 года. Государственный обвинитель Светлана Артемьева с этого дня перестала посещать слушания по делу Пичугина. По официальной версии - "в связи с участием в другом деле". По неофициальной - Артемьева отказалась от ведения дела в связи с сильным давлением на нее со стороны руководства Генеральной прокуратуры РФ. С этого дня основным представителем государственного обвинения стал прокурор Московской городской прокуратуры Борис Лактионов.

В суде начались слушания по эпизоду якобы имевших место угроз убийством заместителю генерального директора ООО "Кибер-клуб" Сергею Лобикову со стороны Алексея Пичугина. Судом был допрошен Игорь Корецкий, охранник клуба (где, по словам Лобикова, были высказаны угрозы в его адрес), который заявил, что угроз в адрес Лобикова не было.

19 октября 2004 года. Допрошены родители Ольги Костиной, которые рассказали о подробностях взрыва, который произошел возле их квартиры в ноябре 1998 года. После них в суде выступил отец пропавшего без вести бизнесмена Сергея Горина, в организации похищения которого обвиняют Алексея Пичугина, Валерий Горин. Никто из них не считает подсудимых причастными к совершению преступлений. Так, отец Ольги Костиной - Николай Чистенков - заявил, что у них в семье всегда рассматривалась только одна версия взрыва: конфликт дочери с руководством московской мэрии, которой он придерживается и на сегодняшний день. Чистенков также заявил, что ему известно о многочисленных конфликтах Ольги Костиной с чиновниками московской мэрии в период ее работы внештатным советником мэра г. Москвы в 1998 году.

20 октября 2004 года. Обвинение начало допрос своего главного свидетеля Игоря Коровникова - рецидивиста, приговоренного к пожизненному заключению за серию убийств и изнасилований в

Тамбове. В начале заседания судья Олихвер запретила адвокатам задавать вопросы относительно судимостей Коровникова.

Коровникова допрашивали более четырех часов. Выступая в суде, Коровников, отсидевший три года в колонии для пожизненно осужденных преступников на острове Огненный, отвечая на вопросы прокурора, вспоминал мельчайшие подробности событий шести-семилетней давности. Было видно, что Коровников был подготовлен к допросу.

Однако, отвечая на вопросы адвокатов, к которым он не мог подготовиться заранее, Коровников не смог вспомнить даже значительные события того времени.

Во время допроса стало известно, что за неделю до проведения процедуры опознания Коровниковым Алексея Пичугина и Алексея Пешкуна следователи показали Коровникову фотографии людей, которых он должен опознать.

На вопрос адвокатов, где Коровников научился изготавливать самодельные взрывные устройства, которым была повреждена тамбурная дверь в подъезде родителей Костиной, Коровников ответил, что этому его научили в Тамбовском институте марксизма-ленинизма на факультативных занятиях по методам ведения партизанской войны.

21 октября 2004 года. Допрошен Сергей Лобиков, который заявил, что Пичугин угрожал ему убийством и Лобиков "воспринял угрозы как реальные". Лобиков заявил, что Пичугин разбил при этом одну из дверей в Московском дворце молодежи. При этом дверь, указанная Лобиковым, которую якобы разбивал Пичугин, не соответствует той двери, на которую на слушаниях 18 октября указал охранник Лобикова Игорь Корецкий.

В этот же день был продолжен допрос Коровникова, который повторил все сказанное им в ходе предварительного следствия. Как только Коровников начал путаться в показаниях, отвечая на вопросы

адвокатов, судья Наталья Олихвер приостановила судебные слушания.

22 октября 2004 года. Допрошен Арарат Агасарян, бывший на момент взрыва у дверей родителей Костиной заместителем начальника отдела по криминальным взрывам Московского уголовного розыска. Он рассказал о технических подробностях взрыва, совершенного Коровниковым в 1998 году. После этого был продолжен допрос Коровникова. В ходе слушаний Коровников обратился к присяжным с просьбой не принимать во внимание совершенные им восемь убийств и другие преступления. "Я уже покался по этому поводу перед Богом, и, думаю, он меня простил", - заявил Коровников.

Судья Наталья Олихвер в очередной раз запретила адвокатам Алексея Пичугина задать вопросы Коровникову. Адвокаты высказали свое возмущение нарушениями Уголовно-процессуального кодекса РФ, допускаемыми судьей Олихвер. В ответ Наталья Олихвер пригрозила, что если "адвокаты не перестанут хулиганить подобным образом, судом будет рассмотрена возможность об отстранении их от ведения этого дела".

25 октября 2004 года. В связи с нарушениями УПК адвокаты Пичугина заявили судье отвод. Судья Олихвер заявила, что даже не будет его рассматривать, и продолжила судебное заседание. В суде продолжился допрос Коровникова. С каждым днем показания Коровникова в части сведений шестилетней давности о причастности Алексея Пичугина к инкриминируемым ему преступлениям становятся все более подробными.

В этот же день допрошен свидетель Владимир Кабанец - участник банды Коровникова, осужденный за убийства и изнасилования на 22 года лишения свободы с конфискацией имущества с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Кабанец, выступая в суде, читал свои показания по бумажке, в которой были записаны ответы на возможные вопросы.

В суде была допрошена Галина Дедова, мать Ольги Гориной. Дедова заявила о том, что существует много версий исчезновения Ольги и Сергея Гориных и что исчезновение Гориных вообще вряд ли связано с Пичугиным: "Мой зять был не настолько глуп, чтобы шантажировать Пичугина, а Пичугин - не настолько дурак, чтобы убивать Горина". После этих слов судья Олихвер без видимых причин прекратила слушания.

26 октября 2004 года. По реакции на происходящее становится понятно, что симпатии присяжных находятся на стороне защиты.

Судья Олихвер обвинила адвокатов в том, что представители СМИ проявляют интерес к "делу Пичугина" и освещают процесс в прессе. "Если выйдет хотя бы еще одна статья по этому делу, я буду ставить вопрос о роспуске коллегии присяжных", - заявила судья Олихвер.

В этот день в суде был допрошен Павел Попов - участник банды Коровникова, осужденный за убийства и изнасилования к 14 годам лишения свободы с конфискацией имущества с отбыванием в исправительной колонии строго режима. Показания Попова противоречили показаниям Коровникова и Кабанца относительно того, как был совершен взрыв в подъезде родителей Ольги Костиной.

В суде также в качестве свидетеля обвинения был допрошен участник банды Денис Эрбес, осужденный за убийства и изнасилования на 17 лет лишения свободы с конфискацией имущества с отбыванием наказания в исправительной колонии строго режима.

27 октября 2004 года. В суде допрошен очередной свидетель обвинения - бывший работник правоохранительных органов Олег Смирнов, осужденный на 7 лет лишения свободы с конфискацией имущества с отбыванием наказания в колонии строго режима за хищение нефтепродуктов в составе организованной преступной группы. Олег Смирнов, работавший водителем Сергея Горина, сообщил о том, что ему известно о криминальных делах Горина. В

ответ Галина Дедова, находящаяся в зале заседания, заявила, что возмущена клеветой Смирнова на ее зятя.

Судья Олихвер в очередной раз запретила адвокатам задавать вопросы свидетелю и сделала предупреждение адвокату Георгию Каганеру за то, что он не согласился с запретом судьи.

Адвокат Дмитрий Курепин подал очередное заявление об отводе судьи Натальи Олихвер. Судья Олихвер в очередной раз отказалась рассмотреть заявление.

29 октября 2004 года. Продолжен допрос Олега Смирнова. Он заявил, что все свои показания и на предварительном следствии, и в суде он дает со слов пропавшего Горина и ничем другим подтвердить их не может.

1 ноября 2004 года. Судебное заседание не состоялось в связи с болезнью адвоката Алексея Пешкуна - второго обвиняемого по делу Алексея Пичугина.

4 ноября 2004 года. Судебные слушания отложены до 10 ноября в связи с болезнью адвоката Алексея Пешкуна. Уже позже станет понятным, что таким образом суд начал затягивать судебный процесс с целью добиться роспуска коллегии присяжных заседателей.

10 ноября 2004 года. Судья Наталья Олихвер заявила, что судебные слушания вновь не состоятся в связи с плохим самочувствием Алексея Пичугина. По решению Олихвер слушания отложены до 17 ноября. Сам Алексей Пичугин на плохое самочувствие не жаловался и слушания переносить не просил.

17 ноября 2004 года. Секретарь суда заявил, что судебные слушания откладываются до 23 ноября в связи с болезнью судьи Олихвер.

23 ноября 2004 года. Секретарь суда заявила, что судебные слушания по делу Алексея Пичугина вновь не состоятся в связи с продолжающейся болезнью судьи Натальи Олихвер. Слушания

отложены до 7 декабря. Сама судья Олихвер в течение этих двух недель ходила на работу в обычном режиме.

7 декабря 2004 года. Судебные слушания отложены в пятый раз. Председательствующая на процессе судья Наталья Олихвер объявила, что судебные слушания переносятся на 9 декабря в связи с неявкой нескольких присяжных заседателей и неявкой адвоката Алексея Пешкуна.

9 декабря 2004 года. Судья Наталья Олихвер, несмотря на возражения адвокатов и призывы осуществить привод присяжных на слушания, распустила коллегию присяжных заседателей, рассматривающих уголовное дело. После заседания несколько присяжных заявили адвокатам, что сожалеют, что им не дали оправдать Алексея Пичугина. Судебные слушания по делу Пичугина назначены на 17 января 2005 года.

17 января 2005 года. Слушания не начались. В зал не доставлены обвиняемые. Учитывая административные возможности Мосгорсуда, подобные объяснения выглядят странно. Стало известно, что во время перерыва между слушаниями Генеральная прокуратура заменила представителя государственного обвинения Бориса Лактионова на прокуроров Евгения Найденова и Марата Кашаева, известных своим участием в одиозных судебных процессах и стремлением к максимально суровым наказаниям.

25 января 2005 года. В Страсбурге на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) выступила специальный представитель ПАСЕ Сабина Лойтхойзер-Шнарренбергер. Большинство выступивших в ходе дискуссии депутатов ПАСЕ поддержало позицию, изложенную ею, что "судебное разбирательство по делу "ЮКОСа" испытывало политическое давление". По словам Сабины Лойтхойзер-Шнарренбергер, наибольшие нарушения прав человека были обнаружены в деле Алексея Пичугина. Особое внимание было обращено на незаконные допросы с применением психотропных средств. ПАСЕ сочла, что процедура ведения всего дела "ЮКОСа" и дела Пичугина в частности проходит с явными нарушениями, и выразила сомнение в

справедливости, беспристрастности и объективности российских властей.

26 января 2005 года. Отобрана новая коллегия присяжных. Отбор 12 присяжных и 4 запасных произведен всего из 28 кандидатов. Первая коллегия выбиралась из 60 кандидатов.

Прокуроры Кашаев и Найденов с самого начала процесса свои действия в суде дополняют дезинформацией журналистов. Несмотря на то, что оба отсутствовали на первых осенних слушаниях, прокуроры заявили, что предыдущая коллегия присяжных была распущена из-за того, что адвокаты Пичугина затягивали процесс. На самом деле процесс постоянно переносился из-за мнимой болезни судьи Олихвер.

28 января 2005 года. Судебные слушания не состоялись из-за неявки двух присяжных.

3 февраля 2005 года. Слушания не состоялись из-за болезни адвоката Георгия Каганера.

7 февраля 2005 года. Председатель Московского городского суда Ольга Егорова обратилась в Министерство юстиции с требованием лишить адвокатского статуса всех четырех защитников Пичугина. Адвокатское сообщество Москвы восприняло заявление Егоровой как очередную атаку на адвокатов, ведущих дела в рамках дела "ЮКОСа".

14 февраля 2005 года. Адвокаты Пичугина подали ходатайство об отводе председательствующей на процессе судьи Натальи Олихвер, действия которой тенденциозны и свидетельствуют о невозможности самостоятельно вести процесс. Это ходатайство не было удовлетворено судьей, так же как и второе ходатайство защиты о рассмотрении дела в открытом режиме в соответствии с предписаниями Парламентской ассамблеи совета Европы.

После отклонения ходатайства государственным обвинителем была изложена суть предъявленного Алексею Пичугину и Алексею Пешкуну обвинения. Алексей Пичугин заявил, что не признает своей

вины ни по одному пункту, а Алексей Пешкун частично признает свою вину, но не согласен с квалификацией предъявленного обвинения. После этого суд приступил к допросу Алексея Пешкуна.

15 февраля 2005 года. Продолжен допрос Алексея Пешкуна. В этот же день допрошен потерпевший Виктор Колесов. Как и на первых слушаниях по делу осенью 2004 года, Колесов заявил на суде, что не считает случившееся с ним покушением на убийство и никак не связывает этот инцидент с Алексеем Пичугиным, с которым он не знаком.

16 февраля 2005 года. В ходе слушаний был допрошен главный свидетель обвинения серийный убийца и насильник Игорь Коровников, который повторил свои показания, данные им на осенних слушаниях.

В этот же день газета "Русский курьер" публикует результаты собственного расследования о причинах роспуска первой коллегии присяжных. Автор статьи, проведя опрос бывших присяжных, констатирует, что первая коллегия хотела оправдать Пичугина и за это была расформирована.

22 февраля 2005 года. В суде допрошены Ольга Костина и Екатерина Рожкова. Костина, как и на первых слушаниях, рассказала о своих непростых отношениях с Леонидом Невзлиным, а также - что считает, что Пичугин организовал взрыв по указанию Невзлина. На вопрос о том, почему она считает Пичугина причастным к организации взрыва, Костина ответила, что это ей известно со слов следователей. Рожкова повторила свои показания, данные на осенних слушаниях: она работала секретарем Невзлина, который попросил ее принести из архива личное дело Ольги Костиной, когда в кабинете у него находился Пичугин.

24 февраля 2005 года. Допрошен свидетель обвинения Михаил Яструбицкий. Он заявил, что находится в дружественных отношениях с семьей Костиных и что сразу после взрыва Костина называла Яструбицкому в качестве основной версии причин взрыва

конфликт с пресс-секретарем мэра Москвы Сергеем Цоем и другие конфликты в мэрии Москвы.

На процессе допрошены Сергей Лобиков и охранники Московского дворца молодежи, где, по версии следствия, Пичугин угрожал Лобикову убийством. Показания Лобикова и охранников оказались весьма противоречивыми.

Адвокат Алексея Пичугина Ксения Костромина заявила, что защита ходатайствует о прекращении эпизода по угрозам Лобикову в связи с истечением срока давности. Судья Олихвер, не спрашивая мнения обвинения и потерпевшего Лобикова, заявила, что ходатайство отклоняется как преждевременное.

28 февраля 2005 года. Судья Олихвер неожиданно вернулась к рассмотрению ходатайства защиты Пичугина о прекращении рассмотрения эпизода по Лобикову. Представители прокуратуры возражали против прекращения этого эпизода, однако Наталья Олихвер впервые в судебных слушаниях по "делу Пичугина" не поддержала позицию обвинения и прекратила судебные разбирательства по эпизоду, в котором Алексей Пичугин обвиняется в угрозе убийством предпринимателю Сергею Лобикову. В ходе слушаний судья Олихвер также удовлетворила ходатайство защиты Алексея Пичугина об исключении из материалов уголовного дела всех оперативных справок.

2 марта 2005 года. Слушания не состоялись из-за болезни адвоката Алексея Пешкуна.

10 марта 2005 года. Мосгорсуд продлил срок содержания под стражей подсудимых А. Пичугина и А. Пешкуна до 11 июня 2005 года. Судебные слушания вновь не состоялись из-за болезни адвоката Алексея Пешкуна.

15 марта 2005 года. Представители прокуратуры зачитали несколько документов, после чего закончили представление своих доказательств. Если в первых слушаниях обвинению не хватило пяти недель ежедневных слушаний, чтобы представить доказательства

вины Пичугина, на вторых слушаниях прокурорам хватило трех недель с перерывами.

16 марта 2005 года. В суде допрошены свидетели защиты генерал ФСБ в отставке, депутат Государственной думы РФ Алексей Кондауров и бывший помощник Леонида Невзлина Ирина Федорова.

Федорова заявила, что Рожкова, давая показания, что в 1998 году приносила Невзлину личное дело Костиной, лжет, так как с сентября 1995 года не работает в приемной Невзлина. В качестве подтверждения своих слов Федорова попросила вызвать в суд бывшего секретаря Леонида Невзлина Надежду Исангильдину.

17 марта 2005 года. Допрошена Надежда Исангильдина. Она заявила, что с сентября 1995 года по 1999 год работала секретарем Невзлина и что Екатерина Рожкова была уволена из приемной Невзлина в сентябре 1995 года. Таким образом, были полностью опровергнуты показания Рожковой, данные ею против Пичугина и Невзлина.

18 марта 2005 года. Защита Алексея Пичугина огласила несколько документов, после чего заявила о завершении представления своих материалов.

22 марта 2005 года. Алексей Пичугин в очередной раз заявил о своей невиновности и непричастности к инкриминируемым ему преступлениям. Подсудимый объяснил, что фамилии Колесова и Костиной, в организации покушений на которых он обвиняется, стали ему известны лишь из обвинительного заключения уголовного дела. А Ольга и Сергей Горины, убийство которых также вменяется ему в вину, были, по словам Алексея, его хорошими друзьями. Он также заявил, что никогда не был знаком с Леонидом Невзлиным (которого обвинение считает заказчиком преступлений, инкриминируемых Пичугину).

В то же время Алексей Пешкун - второй обвиняемый по делу - заявил, что признает себя виновным в организации покушения на Ольгу Костину.

Назначая следующее заседание, судья Наталья Олихвер отказала адвокатам Алексея Пичугина в предоставлении времени для подготовки к прениям, а также запретила адвокатам анализировать перед присяжными речь государственных обвинителей, которая будет произнесена в ходе прений.

23 марта 2005 года. На процессе прошли прения сторон. Перед присяжными выступили представители прокуратуры, обвиняемые и адвокаты обвиняемых. Завтра свой вердикт должна вынести коллегия присяжных.

Государственный обвинитель Камиль Кашаев попросил коллегия присяжных признать сотрудника службы безопасности НК "ЮКОС" Алексея Пичугина виновного по всем трем эпизодам обвинения. Прокурор заявил, что вина А. Пичугина подтверждается показаниями свидетелей (банды убийц и насильников из Тамбова во главе с Коровниковым).

В ходе выступления Кашаев постоянно передергивал показания свидетелей и ссылался на показания, которые в ходе судебных слушаний не прозвучали.

Адвокаты Алексея Пичугина просили коллегия вынести оправдательное решение, заявив, что он не совершал преступлений и доказательств причастности к инкриминируемым ему преступлениям в ходе судебных слушаний представлено не было, как не была доказана заинтересованность компании "ЮКОС", ее руководства или лично Алексея Пичугина в совершении преступлений, в которых его обвиняют.

Выступая с последним словом в суде в среду, А. Пичугин в очередной раз заявил, что не совершал преступлений, в которых его обвиняют. Он просил коллегия присяжных судить его по совести и вынести справедливое решение.

В ходе прений адвокат Алексея Пешкуна Александр Шишин заявил о возможном самооговоре со стороны своего подзащитного. Ранее Пешкун частично признал свою вину.

24 марта 2005 года. Судья Олихвер представила сторонам опросный лист. Несмотря на требования адвокатов внести изменения в опросный лист, судья Олихвер оставила опросный лист без изменений.

После восьмичасового заседания коллегия присяжных признала сотрудника НК "ЮКОС" Алексея Пичугина виновным по всем эпизодам обвинения. В вердикте присяжных было отмечено, что А. Пичугин не заслуживает снисхождения.

Восемь из 12 присяжных признали его виновным в убийстве Гориных.

Присяжные единогласно признали А. Пичугина виновным в покушении на жизнь Ольги Костиной. Присяжные единогласно признали Пичугина виновным в избиении Колесова.

По словам Каганера, защита Пичугина не ожидала подобного вердикта: "Ни по одному из эпизодов никаких доказательств нет".

25 марта 2005 года. На проходящем в Мосгорсуде процессе государственные обвинители Камиль Кашаев и Евгений Найденов обратились к суду с просьбой приговорить подсудимого Алексея Пичугина к пожизненному заключению, признав его виновным по всем эпизодам обвинения. Судья Наталья Олихвер удалилась для составления приговора.

30 марта 2005 года. Судья Московского городского суда Наталья Олихвер вынесла приговор Алексею Пичугину. Сотрудник НК "ЮКОС" осужден на 20 лет лишения свободы в колонии строгого режима. После объявления приговора Пичугин заявил, что по-прежнему считает себя невиновным, что его преследование носит политический характер и связано исключительно с делом "ЮКОСа". "Я намерен бороться до конца", - сказал Алексей Пичугин.

4 апреля 2005 года. Адвокаты Алексея Пичугина обжаловали приговор Московского городского суда в Верховном суде Российской Федерации. Адвокаты попросили в своей жалобе отменить приговор и направить дело на новое рассмотрение в связи с большим количеством процессуальных нарушений, допущенных в ходе рассмотрения дела.

14 июля 2005 года. Приговор Московского городского суда в отношении Алексея Пичугина вступил в силу. Верховный суд РФ отказал в удовлетворении кассационной жалобы адвокатов Пичугина, просивших отменить приговор в связи с многочисленными нарушениями.

Приложение 5

В нашей стране присяжных выбирает "случайным образом" компьютер. Все познается в сравнении. Вот как, например, описывает эту процедуру наша бывшая соотечественница Галя Морелл, служившая присяжным в суде Нью-Йорка:

"Южная оконечность Манхэттена, Downtown - это район судов. Вновь призванные собираются в огромной комнате в доме по адресу: 111 Centre Street. Свободных мест нет. Люди, сидящие справа и слева от меня, - точный срез коренного населения, проживающего на острове Манхэттен. Врачи и актеры, банкиры и юристы, гранд-дамы с Пятой авеню и их слуги из Гарлема, черные и латинос, китайцы и японцы.

Прибыть на службу обязаны все, другое дело - в присяжные выберут далеко не каждого. Все зависит от пристрастий обвинения и защиты, а также от беспристрастной судьбы, представленной механическим барабаном антикварного вида.

В девять утра судебный офицер увел из зала первую партию потенциальных заседателей. Через час или два большинство из этих людей вернется обратно в зал - ожидать следующего отборочного раунда. Присяжными служат только 20 процентов всех призванных американцев. Тех, кого не призовут служить в течение двух дней,

отпускают домой. В следующий раз им придет повестка не раньше чем через четыре года.

Каждый раз, когда непризванные возвращаются в общий зал, судебный офицер произносит успокоительную речь.

- Ради бога, - говорит он, - не думайте, что если вас не выбрали, это имеет какое-то отношение к вашим умственным способностям. Это большая ошибка - думать так.

Наконец очередь дошла и до меня и еще нескольких десятков кандидатов. Мы попадаем в комнату, где слушается дело о покушении на убийство. Судебный клерк раздает опросники. Если хотя бы на один из вопросов ты отвечаешь положительно, рекомендуется пойти и поговорить с судьей *tete-a-tete*. Я даю три положительных ответа. Меня приглашают в комнату для переговоров. Никакого *tete-a-tete* я там не обнаруживаю - в комнате судья, подсудимые, обвинение и защита. Глаза последних, как натренированные сканеры, бороздят каждую клеточку моего лица, беспристрастно считывают информацию. Рассказываю о том, что мои дедушки были арестованы и признаны виновными судьей по имени Джозеф Сталин, а близкие друзья в 90-х стали жертвами огнестрельного оружия. "Грустная история, - говорит судья, - но как вы думаете: помешает ли она вам быть объективной и беспристрастной в данном деле? Если да, то я вас немедленно освобожу". И вдруг неожиданно для себя я отвечаю: "Нет, не помешает!".

После бесед в кабинете судьи судебный клерк начал вращать барабан. Выскочили первые 16 бюллетеней, и названные заняли места на скамье присяжных. Мое имя не выпало, я наблюдаю за процессом как зритель из партера. Каждый из потенциальных судей должен рассказать о себе, о своей семье, работе, о детях, о предыдущей службе в качестве присяжного, а также упомянуть все то, что он считает существенным.

После совещания обвинения и защиты из первых 16 человек на скамье остаются четверо. Это Фред, бывший прокурор Куинса, а

теперь хозяин крупной юридической практики. Форрест, восьмидесятилетний красавец, телезвезда 50-х, игравший прокуроров и агентов ФБР в самых знаменитых телесериалах того времени (теперь я понимаю, почему в коридоре полицейские просили у него автограф). Стэйси, в прошлом известный литигатор, а теперь жена одного из руководителей Сити-банка и координатор фонда по созданию крупнейшего в Америке Детского музея. Том - хозяин студии звукозаписи. Трое белых, один черный. Двое из четырех - профессиональные юристы с многолетним стажем.

Барабан вращается вновь, и на скамью приглашаются еще 16 человек, в том числе и я. После той же процедуры из нашего захода на скамье остаются семеро. Инвестиционный банкир, финансовый аналитик - оба с Уолл-стрит, оператор мусороуборочной машины, школьная учительница, нянечка в госпитале, хозяин киностудии, снимающей фильмы про авиацию, и я. Последний заход приносит ответработника корпорации "Херст" и двух альтернативных присяжных - продавца аптеки нетрадиционной медицины и студента Юридической школы Нью-Йоркского университета. Мы принимаем присягу, и судья дает нам первоначальные инструкции, после чего нас отпускают до утра".